ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Опыты литературные. Статьи. Переписка

Составление,
подготовка текстов и комментарий
Е. В. Ивановой

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

СВЯТОЙ ВЛАДИМИР. ПОЭМА

Часть первая, индивидуальная. Иоанн Креститель (катарсис)

Прелюдия

1. Всю свою нежность, какая есть;
все трепетно-дрожащие краски;
всю бедную душу свою
Хочу я вложить в милый образ —
в твой образ, —
в бледный ореол живого,
В плывущие очертанья твоего лика —
Потому что ты Ангел Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

2. Все тихо-звенящие звуки
все затаеннейшие движения к Богу
Прохладно — шелестящие
скромными гирляндами пусть украсят твое изображение —
милый облик,
потому что в голосе твоем слышу небесное —
тихое.

3. Тающий звон Пасхи,
плавающий дух берез,
лучистые росинки — чистые,
  дробящие солнце,
бледно-зеленые ландыши —
  распускающиеся,
несу тебе, потому что в тебе Христос.

4. Не падал я ни перед кем, кроме Бога моего,
не склонялся перед тварию
не ронял слезы при других —
          чужих,
не натыкал волнений на остро-иглистое
  любопытство других —
          чужих.

5. Но в тебе Бог мой.
кланяюсь тебе,
падаю в сладкой тоске пред тобой
  на колени
  и плачу,
потому что в тебе Бог мой и Господь Иисус Христос.
  Буду плакать,
          лику́я,
изнывать радостью любви
  Христовой.

4. Кивают головой на меня — издеваются:
  «вот кумир твой падет —
          будет срам и соблазн
          великий».
Но я говорю:
  «безумные! Он согрешит,
  но не Бог.
  Богу моему кланяюсь,
  который в нем.
  Что я ви́жу — то е́сть,
  и в нем — Бог.
  и что сам он — тварь согрешит,
  какое дело нам?

5. Если согрешит, — Бог оставит его.
тогда восплачем о брате нашем;
обнимем колени его;
зальем слезами грех его.
А теперь будем радоваться,
ликуя,
Потому что в нем — Христос».

6. Дрожащей рукою пишу тебе, брат мой,
потому что в тебе — Христос.
И не ты делаешь, а Христос,
который в тебе.

7. О, брат мой!..

Прологи («Только контур» и «некто» идут на Вербы)

I

1. «Что́ там за дикие рожи? Держат пари
обо мне?
2. Не под вашей я властью, чудовища» —
— «Нет, ты не встанешь — не встанешь» —
3. «Не встану? Не встану? Я встану
и вас не стану бояться!..»
4. Но как ни старался подняться лежавший,
налитое ртутию тело приковано было к лежанке.
5. Хихикали гнусно чудовища, хлюпали скверно губами
и шлепали пастью гнилою.
6. С звездно-таинственной бездны голос твердил
«вставай, вставай, вставай...» непрестанно.
7. Голос другой — внутренний голос, из тела
как будто звучащий
вторил ему неустанно:
8. «покуда не поздно — вставай; покуда не поздно —
вставай...
не поздно... не поздно... вставай...» —
9. «Нет, ты не встанешь, не встанешь...»
шипели гадины, свиваясь в петлю около рук.

10. Сплетаясь вкруг ног, расползались по груди —
извивались
клубком перепутанные змеи...
11. ... «Христе!...
12. Один лишь Ты — один...
13. ... Христе!..»
14. Неимоверное усилье — и разом он поднялся
напрягшись.
15. Вдруг провалились и растаяли чудовища — обманные
16. «Человек, чертящий контуры» раскрыл два глаза
17. он поднялся в сонном состоянии — не ведая —
и сидел на постели.
18. Поднялся будто не сам — не сам, а поднялся силой иною.
19. Стоял у постели Некто — товарищ старинный
и все повторял с нетерпеньем:
20. «покуда не поздно, вставай — идем же, покуда не поздно.
уж десять часов есть.
21. И солнце...»

II

1. Брызжут лучистые струи все оживляющим светом.
2. Нет ничего нечистого — все просветилось
и убелилось.
3. Вдоль серебристо-блестящих панелей течет по канавкам
между каменьев
4. Струйками светлыми жидкое золото,
блеск излучая.
5. Тысячи жидких топазов бросают кругом экипажи
колесами.
6. Света фонтаны слепящие вниз низвергаются с крыши
каждой.
7. Слезы еще не просохли на лике у Матери общей
Великой,
8. но это — радости слезы, радости будущей и
примирения близкого
в будущем.
9. Солнцу смеется ласково Мать. Что еще будет!..
Что будет?

III

1. Покров давящих туч разорван,
чехол с лазури скучный сорван;
2. Как свиток, в трубку он скрутился
и в море света растворился.
3. Победной радостью сверкая,
лучей спустилась к храму стая.
4. Весь вздрогнул храм от поцелуя
и ожил, в трепете ликуя.
5. В ответ кивнул он головою
топазно-чайно-золотою.

IV

1. — Хочется рукой захлестнуть жидкого света из лужи.
Никогда еще не видел я такой жутко-ликующей весны...
2. — «Вот настоящее слово, — несется, — «только контур»,
Именно, что-то торжественное до жуткости
3. а вместе дрожащее от грядущей радости.
4. Видишь — улыбается улыбкой надежды и радуется радостью
избавления Мать.
5. Трепещет — замирает. Сладкой тоской изнывает...
6. — А еще жуткое. Неуловимая складка на челе Ея
сложилась.
7. Что-то серьезное. Сквозь радость — затаенныя предчувствия.
8. Будто бы легкая фата́, — еле видная, на Ней. Будто бы что-то
мучающее.
9. Как перед операцией..» — «Как перед исповедью» —
10. «Перед исповедью? Да, и еще, еще сюда ты добавь: скорбь.
Будто у матери, когда...»

1. Их обоих неожиданно подтолкнула офицерша-дама.
2. «Счастливая для вас теперь пора...», — сказала дама.
3. и закачала огород на шляпе, к соседке наклоняясь.
4. Около дамы шла девочка-подросток, в синем, с волосами
старательно растрепанными на лицо.
5. К ней дама обратилась, качая головой и продолжала:

6. «всем вы довольны и нету заботы;
все для вас в розовом...»
7. Оба вступали на рынок — на Красную площадь,
на Вербы.
8. Визг «соловья», пронзающий уши, закончился словами
девочки
в синем:
9. «нет, я всегда не в розовом дома хожу, а чаще гораздо
в голубом.
10. Синий цвет и голубой ко мне больше идут,
чем розовый.
11. Вот и теперь я в синем, и дома бóльшею частью
тáк же хожу...»

V

1. Толпа начинала теснить. Оба вступили на рынок.
2. Порой зазевавшийся на надувавшегося воздухом «японца»
из резины мальчишка
3. Дробил святотатственно-дерзкой ногою диск в луже
сверкавшего солнца.
4. Огнистые струи взлетали фонтанно кругом сапогов
солдата,
5. ступнувшего в жидкое зеркало лужи.
6. Злато-червонные змейки разбегались перунами;
7. ослепительные протуберанции выбрасывало Солнце
под ногою;
8. из ничего-возникающие нимбы нанизывались одно в
другое концентрически кольцами,
9. когда огнистая лодочка с апельсина — солнечная скорлупка
упадала в море волнующегося стекла — в лужу.
10. Но проходили секунды — разрозненные куски великого
Солнца
срастались,
11. втягивались блестящие щупальцы — протуберанции,
12. взволнованная чуждыми силами лужа исполняла свое
назначение
по-прежнему,
13. назначение — отражать блеск единого Солнца
великого.

VI

1. Охватывало жужжание и гул, — крики; носились
и перебрасывались обрывки фраз — все о войне.
2. Кричали мальчишки-разносчики — горланили,
шныряли и сновали между прохожих с газетами.
3. «Двухчасовые поражения японцев...». — Двухчастные
телеграммы
интересные...
4. «Новейшие новости двухчастные... Славная победа
японцев...»
5. А господин в холодных очках читал мальчишке
нотацию строгую.
6. «Победа японцев? Да кто победил: мы иль японцы?
7. Если мы победили, так это одно, а японцы — другое.
8. Как ты газеты берешься продавать, когда сам говорить
не умеешь...».
9. Господин был сердитый, но мальчишка не обращал
на него внимания и досадливо отмахивался,
10. кричал все свое: «победа японцев...»
11. Господин в очках просмотрел телеграммы, но так ничего
у мальчишки и не купил, рассердившись совсем.
12. Кругом говорили — спорили и сомневались.
13. «А наш-то как пошел стрелять в них, в японцев-то,
да поднялась буря... Вот, грит, вам... А качка такая
раскачалася...
14. Желторожие клапают и клапают зубами-то... так все
и потопли... сказывают, осемьсот их было...
15. Наш-то дал им высадиться, будто убёг. Нате, грит,
жрите, нехристи, нашу землю... Ну, нет,
16. это он только показывал, братцы... А как высадились, так
их всех голубчиков перестреляли, а кого в море утопили.
17. Больше трех сотен их было... перевешали, сам я читал
тó намеднись...»
18. «Это не так... Вот японец в бутылке!..
19. Был такой человек. Он все напророчил.
Вот, грит, Антихрист идет. Готовься, царь православный,
20. так государю сказал... Желтый Антихрист нагрянет...»
21. «И не так было дело-то. Сначала Японец с Китайцем,
22. потом уже будет Антихрист. Вот скоро уж, значит.
23. Ан угодник-то нам напророчил. Мощи откроют его
алхиреи...»

24. «Сам государь придет, ... Да, как же. Этот совсем не таковский.
25. ладан чертям воскуряет... Что, он все, да он?»
26. «А сам-то ты куришь вот целый день папироску поганую.
27. При чертовом ладане Бога-то разве упомнишь?...»

1. Оба проходили мимо прилавков. Начинались разговоры женские.
2. «Петухов, слышь, запретят... Цыплят машиной будут делать...
3. Чтоб им пусто было... Петуха боятся...
4. Петух — птица Божья, нечисть прогоняет, от злых чар охраняет,
5. солнышко встречает, за часом примечает...
6. чертей пугает...
5. Петра апостола, хоть и святой был, петух обличил...
6. Бог Иисуса Христа при пеньи петуха воскресил...»
7. «А знаете ли, в самом деле, сказал “только контур”,
8. в самом деле петух — священная птица у всех народов, —
9. птица Солнца и Блага... — символ Вышнего — Чистого...»
10. Море возгласов бабьих шумело кругом — гудело. Кого-то обличили,
11. Какой-то смутной тревогой народную тишь всколыхали
12. глухие слухи.
13. «Нечисть завелась на Руси... вот петуха и боятся...
14. Цыплят и нечисть на машинах разводят — плодят...
15. У попа-то на Знаменке, слышала? Вещи в трубу улетают,
16. нечистые добро поповское в трубу таскают,
17. моя тетка видела намеднись змéя красного-красного,
18. так из трубы ей краснющим своим
языком повилял окаянный...
19. Коль петухов запретят, откуда ж цыплята
возьмутся у нас-то. Машина, чай, дорого стоит...»
20. «Все тогда покупай... в кабалу совсем попадем мы.
21. Вот уж и нынче яйца все дорожают — пять
рубликов сотня. Шутка ли?...»

VII

1. Глаз начинал привыкать к слепящим
кускам жести, пролитым между
камнями мостовой — к лужам,
2. А ухо терпеливее относилось к потокам
журчащих разговоров, к гудящим звукам торга,
к фейерверочным каскадам выкрикиваний.
3. «Ты сияешь лучше лужи и радостен...
Будто этот шум для тебя — симфония.
4. У меня трещит голова от этого гвалту.
Что же с тобой? Иль я ошибаюсь?»
5. Это спросил у «контура» «контура» спутник.
6. — «Правда — сказал ему “контур”...
7. езда экипажей — почти что музыка. Слышишь?
8. Милый друг, или ты не видишь,
что все, видимое нами,
только отблеск, только тени
от незримого очами?..
9. Милый друг, или ты не слышишь,
что весь этот гул трескучий
только отклик искаженный
торжествующих созвучий?»
10. — «Да что с тобою случилось? Ты раньше не был
ведь таким.
11. Помню, как раньше тебе шум был невыносим...»
12. — «Сам не смогу объяснить тебе толком. Знаешь?
13. — Кажется мне, будто только что встал после долгой болезни,
только теперь я проснулся.
14. Кажется мне, будто целых семь лет я был, как в гипнозе,
темными силами страшными вечно давимый,
15. иль в лунатизме... подавлена воля была!
Призраки...»
16. «В чем же они состояли?» — «Теперь не скажу,
нельзя тебе слышать — страшно.
17. Только на исповеди могу сказать. А кому?
Священник не поймет — станет переспрашивать-терзать.
18. Надо омыться, но как?
19. Вот уже сколько лет, как не был у святого причастья.
Боялся. К чему? Ведь тотчас же хуже еще нагрешишь...

20. Теперь все прошло. Ты представить не можешь себе, как близко
был я от гибели.
21. На паутинку, — ближе, — подходил к бездне, проползал в
лунатизме к краю пропасти, свешивался с острого камня.
22. Хорошо знаю, что моя песня уже спета была. Прямо насильно,
будто за волосы оттащил от бездны Христос». —
23. — «А ты в Него веришь?» — «Знаешь ли, милый,
я иногда, позабывшись, начну сомневаться, но после
спрошу я себя — могу ли в Него я не верить.
24. Нет, не могу я не верить. Факты и действия явные
чуть не рукой осязаю. Могу ли не верить?
25. Самая элементарная научная добросовестность не позволяет
не верить. Ведь факты...
26. Не верить... Да ведь я же люблю Его, всякое время чувствую Его.
27. Он не только спас, но и все спасает, — поддерживает.
28. Если бы Его я не чувствовал около себя — каждое мгновение
я мог бы снова погибнуть.
29. Мог бы каждое мгновение сойти с ума или разбить
голову о стены.
30. Даже в самые страшные минуты обращаюсь к Нему...
31. Он остановится передо мною, между мною и *Ним*...
32. — «Кем это "им"... Ты, кажется, бредишь?..» —
33. — «Сказал я — не спрашивай, Это нельзя тебе слышать...»

1. «Только контур» чувствовал, как искажается лицо его
от воспоминаний ужасов,
2. как в голосе появляются ноты сдавленности.
3. И спутник его тоже чувствовал это и видел.
4. Он вдруг оборвал разговор, повернулся резко кругом
и, схватив собеседника за локоть, потащил обратно домой.

1. Разговор изменился. «Знаком ты ведь с NN, — сказал он.—
сегодня пойдем оба к ним — услышать последние вести».
2. — «Зачем же сегодня? — «У них в воскресенье jour-fixe'ы*.
Пойдешь ты?»

* Буквально: фиксированный день (*франц.*), когда принимали гостей, называли журфикс.

3. «Пойду, хорошо... Но сейчас оставь ты меня, пожалуйста. Нужно...»
4. Было около четырех часов. Оба вышли уже из рынка.
5. Радостно крикнул петух за стеною привет им прощальный,
6. звучно горластая птица вдали прокричала.

Пока перемешано-слитно.

1. Небольшая гостиная была полна дамами; были также и знаменитости,
в кавычках и без кавычек — старшее поколение.
2. Говорили о выставке московских художников, о литературных
новостях, о концертах. Разговор был «культурный».
3. Молодежь сидела в кабинете у хозяина, многообещающего писателя,
еще зеленого.
4. Многообещающий писатель, «Зеленый», слушал другого, слишком
много наобещавшего. Говорили о спиритизме.
5. «Молодые мистики чуждаются спиритизма...», — говорил «много
наобещавший» матово-тускло,
6. и со стороны казалось, что писатель превращается в черную пантеру. Вот-вот бросится —
7. выгнув спину, с кошачьей легкостью прыгнет на представителя
«молодых мистиков» — Зеленого.
8. «...им кажется, что спиритизм порывается к опытному исследованию... они бояться опытного...
9. Духовенство то́же настроено против нас. Позитивисты чего-то ярятся...
10. Но я скажу решительно: мы одержим верх скоро. Недалек час, когда и правительство —
11. Когда и правительство станет не против нас. Позитивисты созна́ют ошибку...»
12. Вкрадчивым голосом пантера-поэт звал к единению. Писатель Зеленый беспомощно вертел пальцами.
13. Он старался как будто бы что-то выяснить, высказать поэту с кошачьей ухваткой, ответить должное.

14. «Спиритизма, — говорил он неловко, — мы не отвергаем
покудова,
но это — слой нам чуждый.
15. Мы хотим — стараемся переплыть через море и...
и по дороге встречаем мы холодный поток...
16. встречаем холодное течение. Надо пробиться через него...
проплыть чуждый слой насквозь...
17. вы хотите поддаться течению — остаться в этом потоке
к нашему направлению ортогональном...»
18. Зеленый писатель скрестил свои пальцы для объяснения.
Он говорил мягко и кротко,
19. но пантера-поэт почувствовал резкий отказ.
20. Сделав прыжок, она отскочила в строну гибко.

II**

1. Знаменитый поэт был красен; это к нему не подходило,
так как каждый ожидал увидеть его с лицом
зеленоватым, — испитым.
2. Он кокетничал за чайным столом — жеманничал,
говорил манерным голосом, будто конфузясь,
3. будто конфузясь всеобщего внимания, хотя не ждал
меньшего,
меньшим обиделся бы он наверно.
4. «Прочтите нам что-нибудь, — сказала хозяйка слащаво, —
вы так нам нежите слух своим чтеньем...»
5. Поэт знаменитый, слегка пожеманясь, достал из кармана
тетрадку
6. и долго, весь красный, читал о разных воды превращеньях
в природе.

III

1. «Позвольте представить», — сказал молодой хозяин. —
При этом он улыбнулся по-детски, смущенно.
2. Он робел в обществе, хотя бывал в нем часто —
робел и конфузился, т. к. был запуган мамашей,
все время делавшей ему замечанья строгие,
как ребенку, хотя он был уже взрослый.

** (Слишком протокольно и ни к чему; переделать или вовсе выбросить) — *Приписка карандашом П. А. Флоренского.*

3. Стояли двое, а около них — молодой хозяин;
смущенно нагинаясь, улыбаясь, он беспомощно вертел
пальцами.
4. Стояли двое. Один был «только контур», забившийся
в угол
между шкафами; другой же — какой-то незнакомец
с золотой
бородкой и взглядом —
5. темно-серым взглядом, как сапфир бывает серый,
как Франциск представлен у Джиотто,
Серафим Саровский на моливе — в дýхе.
6. Серый взгляд смотрел открыто и чуть строго,
но сквозь строгость сильной лаской обдавало.
7. Как ручьи струили оба глаза
Странной силы хладно-чистые потоки.
8. «Серый взгляд» стоял молча,
излучал в пространстве струи ласки.

IV*

1. «Некто» говорил с «белым мистиком» —
мистиком почти прозрачным, убеленным.
2. Глаза у него были карие — чуть испуганные, — круглые,
как у болотной птицы — водяной,
3. Собирающейся улететь — улететь в бездонность
с прозрачных вод созерцания ясного.
4. «Мистик» говорил о святости — убеленности,
перечислял своих любимцев,
5. восторженно захлебывался и заикался,
заикался от восторженной воды созерцания.
6. Главным святым для него был Серафим —
Серафим Сарóвский — Саровский чудотворец,
7. убеленный и просветленный,
убеленный паче снега.
8. «Некто» указывал на Соловьева —
на Соловьева Владимира,
9. говорил, что видит в нем святость —
святость нóвого порядка и сильную.

---

* (Слишком протокольно и мало творчества. Переделать!) — *Приписка карандашом П. А. Флоренского.*

8. Заказ № 674.

10. «Мистик белый» этого пугался — ведь Владимир...
Соловьев не признан Церковью.
11. «Правда, — он сказал, — что в Соловьеве
было очень-очень много... но *святой*...
12. но *святой* — такое слово...
неужели можете ему молиться?»
13. — «Да, могу молиться, как перед иконой,
пред иконой Серафима иль Франциска...»
14. «Белый мистик» побледнел весь от испуга,
от испуга сделался белее.
15. «Но Владимир Соловьев, сказал он,
но Владимир Соловьев Христа не знал ведь...
16. Только Логос знал он и едва-едва Софию,
хорошо же знал одну лишь Матерь.
17. Жизнь он всю свою боялся черта
и стонал в неведеньи Христовом.
18. Наконец, вы знаете, как жил он?
Узнавали ли вы частности всей жизни?» —
19. «Некто» был испуган очень сильно
этим резким заявленьем,
20. хотя был в святом своем уверен —
твердо был в святом своем уверен.
21. — «Кто же свят? Христа кто ж знает,
если даже он Его не видел?
22. Чтó же мы, чтó ж я тогда? Погибнуть
мы должны, совсем Христа не зная...»
23. «Мистик белый», а с ним «некто»
еще долго в том же духе говорили,
24. в темный угол комнаты забившись.
Гости понемножку уходили.

1. Было уже поздно. Чуть прозрачным и смарагдным делался
горизонт.
2. Одобрительно звонко влетел крик петуха,
возвещавшего близость рассвета,
возвещавшего Солнце
3. и свет.

V

1. «Только контур» сидел за рабочим столом
в своей комнате, —

2. строчил груды бумаги вакхическим почерком,
буквы плясали танец диких, схватившихся за руки,
задирали ноги — бегали группами —
подпрыгивали на пружинных лапках.
3. «Только контур» сражался с позитивистом,
обличал его по всем пунктам,
находил во всех убежищах,
вскрывал антитеичность во всех формах.
4. С пером в руке он гонялся в пустынных степях,
выискивал факты доказательные,
высматривал слабое место — настораживался,
5. а потом... стремительным ударом пера
прибивал их к бумаге крепко — будто копьем.
6. Должен был выйти большой том — он был почти готов.
7. но «человек, чертящий контуры» не надеялся, что его
пропустит цензура,
8. потому что и полиция есть только форма неверия —
неверия в Силу Бога и Его Мудрость;
9. потому что полиция
хочет действовать от себя — тварно,
вопреки воле Божией
и заповедям, — как позитивисты.

1. Одной из форм антитеизма
«только контур» считал ученье спиритов, —
2. спиритизм как систему.
3. «Только контур» предсказывал —
предсказывал в своем томе толстом
4. будущие судьбы спиритизма, —
признание его государством,
5. возведение в официальную религию —
религию правительства, обязательную для всех —
6. для всех.

VI

1. В Москву приезжала девица петербургская.
2. Знакомые ее звали «Связкою» — связкою психических
состояний,
3. видели в ней хорошую иллюстрацию к Юму и школе
4. ассоциационистов.

5. «Связка состояний» рассказала анекдот,
6. эффектно выругалась по-латыни,
7. кое-кого очаровала незлобивостью,
8. а потом уехала — уехала —
9. укатила в свой Санкт-Петербург.

1. События текли стремительно.
2. Быстро сходились, — быстро расходились
3. молодые деятели — деятели будущего.
4. Намечались основные направления:
5. одно — христианское,
6. другое же явно стремилось стать христианству враждебным,
7. даже стремилось вообще к антитеизму.

1. В народе ходили глухие слухи — совсем неясные,
2. но они были очень тревожны.
3. Дело как будто бы шло о каких-то реформах в религии.
4. Война беспокоила тоже, но исход ожидался счастливый.
5. Рассказывались анекдоты — без смысла,
6. анекдоты о петухах и правительстве,
7. но им, конечно, не верили,
8. хотя усиленно распространяли.

VII

1. «Человек, чертящий контуры» ходил по знакомым,
пил чай и неустанно говорил, меняя форму речи.
От разговора к проповеди, от беседы к диспуту.
2. Он расхаживал по всему городу — торопился,
будто боялся, что не успеет —
3. не успеет исполнить своего дела и высказаться.
4. Иногда его слушали, хотя внутренно упирались,
закрывали сердце,
но чаще просто подсмеивались,
5. хотя и не слишком злобно — не слишком, потому что
считали
его ненормальным — больным.
6. Охотно угощали и поили чаем,
7. хотя и считали больным.

1. «Человек, чертящий контуры» пил чай;
2. стремительно носился по разным вопросам,
3. мешал физику с теософией, язвительность насмешек с дрожью в голосе, почти слезами.
4. Но эта пестрота объединялась — объединялась чем-то,
5. чувствовалась какая-то цельность; но в чем было
единство —
не знали.
6. Единством был только Христос — ничего более.

1. «Лягушонок» сидел с «Контуром»
за чаем,
2. выкрикивал резким голосом защиту гностиков,
3. манихеев, ариан, спиритов,
4. и оккультистов.
5. Все соединялось в общую кучу — кучу кухонного сору,
6. получалась смесь дурного вкуса — дурного научного вкуса.

1. «Лягушонок» выдавал себя православным,
2. но в одной фразе ухитрялся высказать с десяток ересей,
3. взаимно друг друга исключающих — получалась
4. мешанина мыслей, цитат всевозможных
5. и ересей.

1. «Лягушонок» был трогателен всею своею безвкусицей.
2. Он был ребенок, любящий пестроту,
хоть и женатый —
3. хотя и женатый, но ребенок.
4. Жена его таскала за волосенки и била,
5. а «лягушонок» работал над собою, утешался ересями
6. и стал злиться, по его же словам, —
7. только два раза в неделю — в неделю дважды,
8. не чаще.
9. Это был для него прогресс, и большой.
10. А все-таки «лягушонок» жалобил до слез
и смешил до упаду.

1. Разговор с ним шел по ассоциациям — по странным филологическим сцеплениям.
2. Кружилась голова и болела, как будто объелся безвкусицы,
3. Как будто объелся безвкусицы приторно-сладкой, — сладких кореньев.
4. Разговор запивался чаем — универсальным и шел по ассоциациям странным,
5. чисто-филологическим и дурного тона научного —
6. дурного.

Временно просветляется

1. «Серый взгляд» сидел в комнате с «только контуром». Никого больше там не было. Разговаривали.
2. Вдруг он сорвался с места, будто только что вспомнил забытое.
3. Он подошел нерешительными-просящими шагами к постели.
4. Над постелью висел образок овальный — Спаситель в тернии. Это была старинная флорентийская работа на стеклянном медальоне.
5. «Я давно уж хотел посмотреть, — сказал он, нагинаясь. — Можно?..»
6. «Человек, чертящий контуры» встал; смахнул пыль с простой деревянной рамочки — обгоревшей платком, он снял образок
7. молча,
8. молча передал его «серому взгляду».

1. За окном громыхала повозка.
2. Досадно гремели железные трубы.
3. Морщились.

1. Странно-внимательно, совершая что-то серьезное, — сосредоточенно
вглядывался «серый взгляд» в полустертые краски старинной работы.
2. Он заметил в них явный отпечаток творчества,
3. хотя краски уже поистерлись — были чуть видны,
4. приготовился что-то сказать. Но неожиданно...
5. неожиданно для обоих образок выпал из рук, упал на пол и, упавши, разбился — разбился на мелкие кусочки.
6. Разбился неожиданно вдребезги.
7. Начатая фраза замерла на губах, которые уже сложились на говорения;
8. «серый взгляд» побледнел слегка и молчал.
9. Жалостно-беспомощно опустил руки, а его собеседник —
10. а его собеседник стал бережно подбирать осколки
11. странно-спокойно.

1. «Как это вышло? Не понимаю, — бормотал про себя сдавленно
“серый взгляд”, опечаленный. —
2. Держал крепко. Будто *что-то* выбросило образок из рук на пол...»
3. Он казался в полном отчаянии. «Вы очень сердиты?»
4. «Человек, чертящий контуры» отвечал почти что спокойно:
5. «Милый, я доволен...» — «Довольны, что нет образка?!»
6. «Серый взгляд» таращил глаза, был в недоумении...
7. «Ну, это я нарочно парадоксально сказал. Видите ли, мой дорогой...
8. придется теперь рассказать кое-что из того, что я откладывал
на какой-нибудь из будущих, сильных моментов...
9. Да, я доволен, что разбит этот образок, именно этот, и разбит вами.
10. Вам дико? Подождите пока удивляться... Он был мне очень и очень
дорог, дороже всего, что имею
11. или могу я иметь; и тем более стану теперь ликовать и радоваться. Почему дороже всего? — говори́те Вы.
12. Была одна женщина — меня воспитавшая и положившая душу

на это. Она — вроде девственниц древне-христианских
или святых,
13. но была развитой и многое знала.
14. После, в другой раз, о ней расскажу Вам. Теперь я не в силах.
Лучше покуда молчать, не портить чистого образа.
15. Для рассказа нужен особый, святой момент, когда будет
дано
вдохновенье.
16. Сейчас Вам важно одно — она была святой для меня,
идеалом чистым
высоко светящим и близко.
17. Образ такой сложился с детства — таким он остался навеки.
18. Этот злополучный образок она получила в качестве
фамильной
реликвии от своей матери, а потом, перед смертью, мне
передала.
19. Говорят, она умерла. Но ведь я чувствую каждый миг ее
присутствие
около себя. Еще только что Ангелом-Хранителем она
стояла
над нами.
20. Этот образок всегда служил мне напоминанием о ней.
Теперь
Вы пóняли, должно быть, что он мне дорог?»

1. — «Я вижу одно, — сказал “серый взгляд”, — вижу, что Вы
деликатничали —
2. вижу, что из деликатности говорили о своей радости —
но мне
от этого еще тяжелее.
3. Ничего Вам дать я взамен не могу...»
4. — «Совсем не так, дорогой. Пока не перебивайте.
Погодите немножко.
5. Нет, не из вежливости или деликатности сказал я.
Существенная
правда все сказанное.
6. Когда я познакомился с Вами, чувство присутствия *ея*
стало слабнуть.
7. Я печалился, не зная, как объяснить это, думал все о своей
негодности, мучился,

8. Но что-то сладко-тревожное волновало меня после каждой встречи
с Вами — какое-то дуновение оттуда.
9. Я не понимал, почему. Но когда Вы разбили сейчас образок
и смущенно взглянули,
10. Когда наши взгляды встретились, то я тотчас “припомнил”.
11. На меня посмотрела *она*. *Тот* же взгляд серых глаз — хорошо
его помню.
12. Я бестолков... я понял сейчас, что Вы связаны как-то, — как
сам не знаю, с родимой.
13. Вижу, *она* привела Вас ко мне, *она* ж образочек разбила,
14. не могу я не видеть тут знаменья: — образ разбился
15. в знак того, что кончилась смерть — смерть ее для меня, и что
снова
16. снова жива предо мною...
17. Не бойтесь. Не брежу я, Вас за другого,
Вас за другого я не принимаю. Не брежу... Но как-то...
18. Как-то *она* в Вас для меня.
19. Не можете дать ничего мне взамен — взамен образочка!
20. Вы *ее* мне даете взамен — все той же; —
21. живое даете взамен воспоминаний...
22. Образ потерян!.. Но ведь Вас приобрел взамен и *ее* — так как же,
23. как же не радоваться?.. Если бы Вы не рассердились,
24. то я б не устал целовать Вам ноги, обнявши колени.
25. О, брат дорогой, поймите, как рад я...»

1. Где-то близко-близко, почти над ухом
2. у самого окна, которое было раскрыто,
3. захлопал крыльями петух вдруг шумно.
4. Трижды хлопнул крылами торжественно-шумно и крикнул,
5. крикнул ликующе голосом медно-трубастым.
6. Горизонт делался прозрачным — бесцветно-прозрачным.
7. Открывалось «стеклянное море».

Спутанность в Санкт-Петербурге

I

1. Петербургская девица, — «связка психических состояний», — проводила гостью.
Та была либералкой. «Stervosa maxima!» — подумала в связке.
Связка была зла на либералок и знала латынь.
2. Было поздно. Мглистая слякоть петербургская воздуха клубами ударялась в оконные стекла. Окна были без ставень и занавесей.
Девице становилось страшно, потому что нервы ее были развинчены.
3. «Если добро есть должное, — старалась она возобновить ход психического потока, прерванного гостьей, —
если хороший поступок есть поступок должный,
4. то почему, именно, должно делать должное, а не недолжное?
5. Если познавание есть совокупность должных процессов мышления,
то почему нужно проделать именно должные процессы для познавания,
а не какие-либо иные?
6. Могло бы случиться, что мы мыслим не по законам логики нашей,
а по иным законам.
7. Можно представить себе человека, для которого законы тождества
и противоречия — ничтó, а не нéчто.
8. Ницше говорит: “на что вам истина”, — и правда:
9. Истина — должное, а почему должное более должно, чем недолжное?»
10. В этот раз в «связке» состояния вязались легко, несмотря на страх и туман,
11. и она осталась довольна своими состояниями, потому что казалось,
что она подымала новые проблемы и расчищала догматические
туманы критицизмом.

12. Впрочем, это ей не казалось всерьез, потому что она была «связка»
13. и ни в чем не могла быть уверена твердо.
14. Поток психического бывания клубился в «связке».
15. А клубы темного хаоса беззвучно толкались в оконные стекла.

II

1. Александр Иванович Введенский — «единственный кантианец в России и знаток Канта» приехал с заседания.
2. Он был доволен — доволен весьма и очень,
3. потому что целый вечер поклонницы не давали ему проходу,
4. попадались под ноги восхищенные,
5. заглядывали в глаза обожающие.
6. «Единственный кантианец» был доволен, несмотря на туман
7. и сырость.
8. А клубы темного хаоса беззвучно толкались в оконные стекла.

III

1. Погода менялась. Делалось удушливо тепло, приторно, как в парнике.
2. «Связка» начинала «краснеть»,
3. потому что краснела «подмигивающая подруга» — подруга «связки».
4. Эта подруга была вероломна и, несмотря на собачью преданность «связке», косилась при посторонних на нее —
5. подмигивала глазами на нее, будто усмехаясь загадочно,
6. и говорила: «вот же бывают дуры!».

1. Обе они носились по Невскому стремительно, отыскивая прозелиток,
2. чтобы устроить демонстрацию какому-то профессору — какому, сами не знали, «какому-то».
3. И их деятельность, — их обеих, — не оставалась без успеха.

4. Даже «сама», главная, давно уже перешедшая из «красной» в «багровые», жала им руки,
5. и это окрыляло им ноги, обеим,
6. хотя они знали, обе, что «главная» их морочит,
7. что, выжав соки, отбросит за ненужностью.
8. А пока они носились в наклонном положении, как фигура женщины у Ге,
9. сбивали с ног прохожих.
10. Прохожие подымали головы и смотрели удивленно.

IV

1. В Санкт-Петербурге, на Невском, открылись два журнала,
2. оба спиритические, роскошно издаваемые.
3. Впрочем, первый был скоро переведен в Москву. Он назывался
4. «Ревенант-Фантом» и выходил ежемесячно.
5. А второй оставался в Санкт-Петербурге. Его заглавие было французское — почему? — неизвестно:
6. «Revivant ou Le Progresse Positiviste.
7. Revue mensuelle de spiritisme,
8. des sciences occultes
9. de la mantique
10. et de la pneumatologie de toutes éspèces.
11. Edition à bon marché de luxe»*.
12. Ходили слухи, что его негласно субсидирует само правительство.

V

1. «Связка» менялась. Краснуха кончалась, и опухоль спадала. Она снова принялась за философию.
2. «Я согласна с Соловьевым, — говорилось в "связке", — что есть мистическое вооприятие.
3. Но если мистическое восприятие есть мистическое восприятие,

* «Возрождение или прогресс позитивизма. Ежемесячное обозрение спиритизма, оккультных пророчеств и пневматологии (науки о духах) всех родов. Роскошное издание по дешевой цене» (*франц.*).

4. то что же гарантирует, что оно не может быть
немистическим
невосприятием».
5. «Связка» видела подвохи Соловьева насквозь.
6. Зато «дочь радикальных родителей» превращалась в явную консерва́торку,
5. вроде Грингмута — вроде Грингмута.
6. А «девица-связка» все сомневалась,
7. сомневалась.

1. Ее знакомые читали Канта в кружке́.
2. Комментировали.
3. Но «связка» сомневалась в Канте,
4. видела все подвохи Соловьева насквозь, потому что,
5. потому что ничего не гарантирует «единства» истины.
6. «Если говорит Соловьев, что истина есть всеединство,
7. то что́ же может ручаться за то, что всеединство,
действительно,
едино».
8. И она усомнилась в Соловьеве,
9. а потому начинала «краснеть».
10. Это бывало у ней периодически, в год пять или шесть раз.
11. Маятник теперь качался вправо.

VI

1. «Колонки — колонки, а дует», — говорил Василий
Васильевич своему собеседнику —
спириту из Москвы — и мигал красными веками без ресниц.
2. — «А вот мы поставим, Василий Васильевич, между
колонок... хе-хе...
по геридончику. Посмотрим, чем тогда подует!»
3. Василий Васильевич жался и чувствовал, как в его
уютную квартирку
с пеленочками, штанишками и деточками вползают
клубы тумана.
4. «Заколышатся голубчики мои туманом, пахне́т сыростью
и вековою —
вековою плесенью. Вот мы и станем жить *с ними*», —
захлебывался его собеседник.

5. Но Василию Васильевичу становилось сыро и чуждо, хотя собеседник
того не замечал и все продолжал восторгаться дýхами —
6. спирит того не замечал, и радостно потирал руки, приговаривал:
7. «Вот, говорят, наш просвещенный, высококультурный государь
ассигнует суммы на геридоны из личных средств,
8. и тогда кончится вся эта варварская история — теократическая.
9. Человечество родится дýхом, — с помощью гениев покровителей —
умерших, мы устремимся в безбрежное море прогресса.
10. По воде ходить будем и скалы сдвинем — не верой, а мощью собственной.
11. Лозунг наш будет “вперед бесконечно — без Бога” —
12. Нам Бога не нужно. На что он? Он только мешает прогрессу.
13. Пока-то Его мы оставим в покое. Но только лишь сил наберемся,
14. заставим примкнуть мы к движенью Его — дадим Ему голос
15. мы в хоре духов, но не первый. Мы сами!...
16. Пускай государь наш прикажет — нам Бога не нужно,
17. А если Он станет бороться, не станем стесняться мы в мерах».
18. Московский спирит жестикулировал, подпрыгивал,
19. тряс безумно головою, плевался хуже лáмы во все стороны,
20. им как-будто овладели какие-то силы.
21. Василий Васильевич жался — терялся,
22. не знал, что делать, уйти не решался —
23. Слушал смущенный безумные речи.

1. Заплетаясь в длинных фразах, «московский спирит» развивал
какую-то теорию прогресса,
2. безумие и одержимость сквозилось в его глазах. Он подпрыгивал
и плевался.
3. «Замените в загадке сфинкса третью опору громоотводом,
поднятым до облаков,

4. тогда достаточно человеку трехаршинного надела земли, и этой третьей рукою
5. коснется тогда человек облаков и будет, как боги.
6. Он молнии с неба совлечет, утишит бури, направит ветры.
7. Энергия, высасываемая из неба сетью громоотводов — тысячами третьих рук, изменит вес земли — воскреснут люди,
8. и понесется наш земной электроход вперед в волнах эфира — к другим планетам он пристанет,
9. и их из уз законов извлечет — и улетят все.
10. Я говорю, что будем мы как боги, нарушив все реальные условья...»
11. «Московский спирит» говорил глупости,
12. но в его глупых речах сквозило серьезное, чего сам он не понимал.
13. темные клубы хаоса ударяли в оконные стекла.
14. Василий Васильевич чувствовал, как от безумных речей собеседника подымается с новыми силами хаос — врывается в его квартирку.
15. Ему становилось страшно, но не было у него твердости.
16. Он не знал, что́ делать и что́ сказать — только терялся.
17. А темные клубы хаоса беззвучно ударялись в оконные стекла.

VII

1. Говорили о «связке».
2. «Так она радикалка?» «Видите ли, Вы хотите точного ответа?» — «Конечно» — «Тогда, —
3. были вытащены часы, — тогда три часа пятьдесят минут тому назад она была радикалкой, а теперь...» — «А теперь?» — «Не знаю».
4. — «Объясните, что же это все значит?» — «А вы помните химическую терминологию?» — «Немножко» — «Ну, тогда объясню. Она не радикалка, а радикал» — «Как так?» — «Слушайте: Она, химически выражаясь, — радикал, но радикал сложный. В качестве радикала он может быть только в соединении с

другим; сам же по себе существовать он не может и разлагается: Связка распускается на составные части. Как нечто единое она — фикция.

6. Она — "красная", но на манéр того, как красен в "потенции" роданистый аммоний, Ammonium rodanatum. Ибо сам он бесцветен, а красным получается продукт двойного разложения с железною солью.
7. Также и "связка". Она "красная", когда есть железо, на нее действующее, и разлагается, как только ни с кем не соединена».
8. — «А, вот как...»

VIII

1. «Связка» разлагалась, потому что она ни с кем не была соединена.
2. А когда «подмигивающая подруга» бросила ее за ненужностью,
3. то «Связка» взялась за Соловьева. —
4. Маятник качался налево.
5. Впрочем, она не сердилась на «подругу», потому что была незлобива.
6. Да и к актам вообще была не способна, особенно длящимся долго.

Фиоритура

1. Лиственницы росли рядами, вперемежку с елками суровыми.
2. На лиственницах были насажены мягкие кисточки, точно акварельные, светло-зеленые,
3. и ими было приятно водить по лицу,
4. а елки аккомпанировали им блестящими длинными хвоями
5. иглистыми, строго-зелеными.

*

1. Двое шли лесной тропкой, и на одном было ружье;
2. а другой кутался в плащ — в плащ бледно-пепельный.
3. Человек с ружьем обернулся —

4. обернулся на шедшего позади и, опуская глаза к земле,
5. предложил его убить — убить из ружья, —
6. из ружья.
7. И тот не противоречил, но молча — молча
8. скинул плащ свой серый — свой бледно-пепельный плащ скинул,
9. скинул на зеленые ветви ели и обнял дорогие ноги —
10. обнял дорогие ноги, не сказав ни слова —
11. ни слова. А потом поднялся,
12. смотрел с любовью и радостью,
13. стоял с лаской во взоре — у ствола лиственницы
14. молочно-зеленой и нежной
15. стоял. Легкий ветер шелестил бледно-пепельные каскады плаща на ели,
16. и так все застыло.

1. Лиственницы нежные росли вперемежку с суровыми елями
2. иглистыми.
3. Шелестящий ветерок колыхал бледно-пепельные складки мягко,
4. и так все застыло —
5. застыло.

— . —

Охота (тема с вариациями)

I (Тема.)

Allegro

1. Готовили сапоги, ружья и другие принадлежности.
2. Радостно собирались — приготовлялись.
3. Уговаривались о дне и часе, — бросали дела,
4. волновались.
5. Ехали на охоту — на тягу.
6. Дни были чистые — ясные.
7. Дни улыбались.

1. Ехали многие — за город.
2. «Серый взгляд» тоже, и это было удивительно — непонятно.

3. В его присутствии охотники краснели — прятали стыдливо все ружья, потому что не предполагали его страсти — странной.
4. Когда же узнавали, — удивлялись, плечами пожимали и втайне негодовали.
5. Они сердились на поругание чистоты; себя считали отпетыми.
6. но «серый взгляд» охотился по-прежнему.

1. Дни были чистые — ясные.
2. Дни улыбались.
3. Собирались на охоту многие.
4. С ними был «серый взгляд» тóже.

(Вариации)

II

1. Двое сидели на диване пружинном, — красном.
2. Зашел разговор о «сером взгляде»,
3. «Некто» узнал, что он уехал — уехал на охоту,
4. не верил — смутился,
5. жалел, что ему рассказали — дивился;
6. ушел расстроенный сильно,
7. хотя не показывал виду.
8. Все это было так странно — так странно.
9. А «другой» удивился тоже, — хотя смеялся,
10. смеялся неожиданности —
11. превращению.
12. Вдали прокричал петух. Все замолкло.

III.

Praesto agitato

1. В Москве «некто» волновался,
2. почти сходил с ума,
3. борясь с наваждениями, — с последними.
4. И «другой» волновался тоже.
1. «Некто» видел интригу —
2. интригу нечистых.

Его хотели нечистые обмануть — подбором
фактов,
чтобы он перестал верить в Добро,
сознавать Его силу —
поклонился пред силою
Диавола.
Бороться было трудно, потому что
надо было не видеть видимого
и не верить фактам. И «некто»
целый день старался молиться,
чтобы рассеять наваждения — последние —
не верить фактам.
А «другой» волновался тоже.

«Некто» изнемогал во Храме —
во Храме Христа Спасителя.
И ему мерещились
дикие образы — ложные, —
то были наваждения — последние.
«Другой» волновался тóже,
Но интриги нечистых не видел.

«Некто» имел видения
вполне определенные — резко очерченные.
Сидит на веранде
ночию, летом;
полной грудию вдыхает
теплый воздух
благовонный уханием лилии —
лилии, которой он не видел.
Тревожное теснится в духе —
смутно, чрез истому,
но «некто» не знает, чтó это такое.
Что это такое?
Прогорланил звонко зычно-громкий петел.
День проснулся светел.
«Некто» подходит к лилии — белой.
Лилия поломана и óблита красною —
красной крóвью.

18. И «некто» с криком топчет ногами лилию белую — обрызганную красною кровию.
19. Кругом темнеет —
20. темнеет...

1. «Некто» видел образы, а «другой» волновался.
2. «Некто» видел еще образ.
3. Он сидит на диване с «серым
4. взглядом».
5. Он сидит на диване и разго-
6. варивает.
7. А «серый взгляд» смотрит дико и необычно,
8. отвечает цинично.
9. Тогда «некто» удаляет посторонних
10. властно;
11. и читает «взгляду» главы
12. Иоанна.
13. Но «серый взгляд» смеется
14. нагло —
15. кощунствует.
16. Когда же упоминается имя
17. Христа Иисуса,
18. то он в судорогах катается по пóлу,
19. изрыгает хулу и
20. ругательства...

1. «Некто» был измучен своими образами,
2. потому что он знал, что это ложь,
3. но не видеть мог только минутами,
4. когда он сильно молился.
5. А «другой» волновался тоже.

IV

1. Прошли дни — сколько-то.
2. Оба волновались — оба.
3. Волнения усмирялись, а после —
4. после снова подымались.
1. «Серый взгляд» шел по улице

2. под дождиком, с зонтиком.
3. А около него топтался «некто»,
4. «некто» волновался и топтался, —
5. был в нерешительности. Надо было прощаться.
6. «Я провожу Вас... у меня — дело...» сказал он
«серому взгляду».
7. Тот был серьезен — нахмурен. — «Проводите!».
8. Они пошли молча. «Некто» волновался и топтался,
9. комично топтался, но говорить не решался.

1. «Серый взгляд» прервал молчание, потому что было оно
2. томительно;
3. были слышны удары сердца — глухие. «Вчера я приехал —
4. приехал с поездки — я ездил. Чудная была погода.
5. Листочки
6. клейкие...» «Некто» сорвался с места
7. — «Об этом я и хотел говорить с вами...»
8. «Некто» говорил сдавленно, волнуясь — «с вами...
9. мне сказали... что вы... на охоту...
10. Эти дни я был почти болен... — не спал ночью... все думал...
11. был в тоске почти смертельной... все думал,
12. были наваждения... волновался
13. не потому, чтоб я был очень-очень против охоты...
14. но для вас — вы поймите —
15. для вас она недопустима...
16. грех...
17. нарушает все остальное...
18. одержимость...»
19. «Некто» говорил, запинаясь,
20. почти что забываясь.

1. Настала пауза, небольшая — пауза в стремительности,
2. Но «некто» переживал ее как событие долгое-долгое,
3. Как историю в веках. Было молчание, а потом «серый
взгляд»,
4. потом «серый взгляд» начал говорить будто спокойно,
5. бу́дто.
6. «Я не удивляюсь — не удивляюсь этому разговору —
7. не вижу в нем странного, как вы боялись. Даже напротив,

8. я был бы очень удивлен — неприятно, если бы знал, что вы, зная
все то, что сказали — зная об этом, молчали.
9. Я объясню вам, в чем дело — во многом вы, может быть, правы,
10. Вы слышите?» — «Слышу» — «С самого детства — уж так я воспитан,
11. привык я к охоте — любил ее очень, до страсти и, прямо скажу,
не видел в охоте дурного.
12. Знакомые, знавшие это, весьма удивлялись. Но я не видел в охоте
дурного — продолжал охотиться. Теперь же думаю иначе.
13. Было на мне будто наваждение — гипноз, и я вижу отчетливо-ясно,
14. что тут не просто болезнь и не просто непонимание — больше,
15. тут я на днях усмотрел влиянье нечистых — их силу.
16. *Их* силу.
17. Раньше я относился безразлично к убийству животного, но теперь увидел,
18. теперь я увидел, что убийство животного на охоте — не всякое, а, именно
на охоте, для удовольствия, почти что
19. равносильно убийству человека, грех — не совсем такой,
как убийство человека,
20. не совсем такой, но все-таки очень великий...»

1. Дождь шел, затихая. Оба молчали. Наступила пауза,
2. но уже не такая томительная — с просветами.
3. Дождь капал с крыш, затихая. Оба молчали.

1. «Я расскажу, как это случилось — расскажу, потому что нужна
откровенность.
2. Когда мы поехали, — погода была очень хорошая. Клейкие листочки...
3. Солнце было ясное, не жгучее — точно целовало.
4. Лазурью опьяняло.

5. Но у меня была какая-то тревога — смутная.
6. Мы стояли на тяге — нужно было выстрелить,
7. выстрелить из ружья, но вдруг я почувствовал, —
8. вдруг пришло в сознание, что я *не могу* выстрелить.
9. Тянуло опустить ружье — бросить, но меня удержало смущение.
10. боязнь быть в неловкости перед спутниками.
11. Хотя они уже привыкли к моим странностям, но я все же боялся — боялся попасть в положение глупо... — глупо-комичное.
12. И я выстрелил в воздух, покаюсь.
13. Выстрелил в воздух — мимо.
14. В это мгновенье я понял — понял, что был, как в гипнозе.
15. Не хочу оправдываться, но сознаю — сознаю, что воли моей тут не было — было наваждение, *их* сила —
16. сила нечистых...»

1. Дождь не прекратился. Оба шли и молчали. Была снова пауза,
2. но теперь перерыв был торжественным.
3. Дождь совсем прекратился, темнело.
4. Звонко-звучно прогорланил петух
5. победу.
6. Сердце разрывалось ликованьем,
7. радостью.
8. Оба шли молча.

Форшлаг

1. В Петербурге были нерешительны, — не знали, чтó делать.
2. Что делать?
3. Чувствовали какую-то беду — грядущую.
4. Связывали почему-то ее с новыми журналами, спиритами,
5. связывали ее с оккультистами.
6. А все-таки терялись: там было сыро, туманно,
7. туманно в головах и на улицах.

1. «Связка психических состояний» бегала по домáм,
2. пропагандировала дýхов, создавая спиритам рекламу
3. безвозмездно — она была искренна и бескорыстна.

4. Впрочем, чувствовалась в ней перемена
5. к иному:
6. в «связку» вплетались от ду́хов состояния скверные —
7. склизкие, так что тошнило —
8. тошнило не очень, но непрерывно —
9. непрерывно.

Последнее в Москве

I

1. В редакции нового журнала было холодно,
2. холодно и будто пусто,
3. хотя в редакции было несколько человек.
4. Все они были писатели.

1. В редакции нового журнала было пусто,
2. хотя была мебель и всюду валялись журналы
 и книги.
3. Было холодно и как-то пусто.

1. «Писатель-пантера» говорил вкрадчивым
 голосом,
2. обнаруживал большую
 начитанность,
3. бросая порою цитату
 редкостную.
4. Мягкий матовый голос звал вкрадчиво к пневма-
 тологии,
5. Говорил, что это — только наука —
 только наука,
6. которую не знают и которую надо
 изучать.
7. А вместе с тем «писатель-пантера»
 с скрытой иронией
8. цитировал Кардека, выбирал места,
 относившиеся
9. к «новым мистикам»,
 будто бы.
10. Но его собеседнику дело казалось не так уже
 просто,

11. и он видел причины вкрадчивости
«пантеры»:
12. она хотела усыпить бдительность.
13. Но собеседник «пантеры»
14. молча слушал — не говорил
ни слова.

1. «Пантера» была загнана и измучена.
2. Глаза смотрели будто просительно,
3. будто просили о ласке.
4. «Пантера» возбуждала глубокую жалость —
5. острую жалость в собеседнике.
6. Возбуждала жалость своею забитостью,
7. хотя имела вид важный.
8. Вскипали на сердце слезы
горючие,
9. хотелось подойти к ней, приласкать —
обнять.
10. сказать ей доброе слово.
11. Но стеклянная витрина стояла между
«пантерой» и всяким —
12. доступа к ней не было.
13. «Пантера» была *во власти*,
14. но сама того не сознавала,
15. хотя чуяла витрину —
чувствовала
16. и мучилась.
17. Она сидела будто в стеклянной клетке —
18. Стукалась головой о стенку —
19. Лизала холодный хрусталь —
прозрачный
20. своим языком воспаленным.

1. В редакции было холодно и будто —
будто пусто,
2. хотя там были писатели
и мебель.
3. Глухо падали разговоры
о спиритизме,
4. и вкрадчиво-матовый голос «пантеры»
звучал, как в тумане

5. сыром.
6. Христа тут не было.
7. Он был неуместен —
лишним,
8. потому что Он живит —
оживляет,
9. а тут — царство смерти:
10. оживать никто не хотел.
11. Все довольствовались этим —
этим миром смерти,
12. подправляя его.
13. Смерть торжествовала
в туманах
14. и считалась благом —
желанным.
15. Христос был ненужным —
лишним.
16. В редакции нового журнала было холодно —
пусто.

II

1. Из редакции выходили двое... «Зеленый»
и «контур».
2. «Так вы, значит, поедете, — до свиданья».
— «Прощайте». —
3. «Я ему об вас так и скажу».

1. «Серый взгляд» и «только контур»
2. вместе собирались уехать
за город.
3. Поездку назначили на Святую —
на Святую неделю.

III

1. Было поздно.
2. «Человек, гравирующий контуры» лежал на столе
над томом
Соловьева
3. и плакал,

4. и плакал навзрыд.
5. «Тогда Пáули»

6. «Когда же, Господи? Когда?
7. Умири и утиши. Дай успокоиться неразумной злобе
8. на братьев...»
9. «...Едино стадо и един Пастырь
10. да будет» *
11. «Не оставлю вас сиротами; прийду к вам» **
12. «Когда же, Господи? Когда?..»
13. «Освяти нас истиною Твоею; Слово Твое есть истина...»
14. «едино да будем...»
15. «Тогда Пáули»
16. «Когда же, Господи? Когда?...»
17. И рыхлая бумага Соловьева жадно впитывала слезы,
18. как будто их и не было.
19. Только на листах появились полупрозрачные
20. пятна.

1. Светало.
2. Холодный горизонт трепетал чуть видимой смарагдовой улыбкой.
3. В открытое окно текла свежими прохладными потоками свежесть —
4. Струи утреннего воздуха, как горный ключ.
3. Чистый горизонт золотился радостно-нежно.
4. Трижды хлопнул крыльями петух в солнечном оперении,
5. Прогорланиия звонко-звонко за окном —
6. Прокричал торжествующе трубой о грядущей победе,
7. и пошли перекликаться горластые обличители мрака за соседними заборами. —
8. Широкой волной распространялись переклики, вдали замирая,
9. ликующие,
10. а «человек, гравирующий контуры» молился в окне восходящему Царю золотому.
11. Радость предчувствия разрывала его сердце.

---

* «И будет едино стадо и един пастырь» (Ин 10. 16) (*примечание П. А. Флоренского*).

** Ин 14. 18 (*примечание П. А. Флоренского*).

12. Горизонт восторженно разливал пурпур
13. и золото.

1. На другом конце города окно то́же было распахнуто.
2. В золоте ласковых лучей двое стояли на коленях.
3. Один был «серый взгляд», а другой — «некто».
4. И они молились — оба.
5. «Серый взгляд» был восхи́щен.
6. Казалось, он подымается в луча́х восходящего Солнца — исчезнет,
7. потому что он был слишком хорош для земли.
8. А «некто» тянулся за ним. Он был в глубине комнаты —
9. в тени.
10. Но светился светом «взгляда».
11. «Серый взгляд» сиял своею белой одеждой кругом себя, нежно-стрельчатые семена солнечности.
12. А на голове его огнисто-красным языком горела в солнечной ослепительности, будто пламя Святого Духа,
13. прядь волос, — поднявшаяся.
14. Она отбилась и торчала вихром,
15. потому что «серый взгляд» никогда не чесался —
16. никогда.

IV

1. «Человек, чертящий контуры» был не в духе — не выспался.
2. Он не спал ночью, думая о примирении —
3. думал о примирении Церквей и братьев;
4. а теперь, если бы дал себе волю, то стал бы посылать к черту всех вместе —
5. всех вместе или порознь.

1. У него был вид, как после попойки.
2. Но все это было внешнее; а *что-то* от ночи сохранилось —
3. Сохранилось в какой-то бездонности
4. общей истории.
5. Прогнав злых духов, он сел заниматься —
6. доказывать теорему.
7. Какая-то бесформенность хаоса формировалась,

9. рождалось стройное тело.
10. Прозрачный холод охватывал восторгом.
11. «Только контур» был лишь зрителем
тайны.

1. Не помня себя, в волненьи
он приписал на полях бумажки:
2. «Благодарю Тебя, что даровал мне постичь Славу Твою,
3. Символ бесконечности Твоей.
4. Молился я Тебе — Ты внял молитвам.
5. Вот я пред Тобою, чтобы служить Тебе.
6. Клянусь памятью *ее*, что не изменю Тебе,
7. потому что люблю Тебя, Господи...»
8. А потом «человек, чертящий контуры» добавил:
9. «Дай мне знаменье, Господи, что слышишь меня».
10. И внятно прокричал петух среди ясного дня.
11. Это было знамение.

V

1. Собралось целое общество. Разговаривали. Обсуждали
«только контура».
2. Обвиняли в бездеятельности.
3. «Почему он не действует в обществе? Почему не помогает?
4. много разговаривает, а ничего не делает —
рассуждает.
5. Для чего читает-читает, а так мало знает?»
6. Недоумевали и осуждали. «Некто» молчал,
но тóже не понимал.
7. «Сам поговорю с ним; поверю, чтó он объяснит.
8. Пока недоумеваю — не понимаю».

1. «Кто ты? — говорил “некто” “контуру”, —
объясни свое поведение.
2. Я не осуждаю, но и не понимаю». —
3. — «Глас вопиющего в пустыне. Исправьте пути Господу.
Уровняйте стези Его. Я — проповедник.
4. Внемлите проповеди очищения. Проповедую катарсис.
5. Покаяние — покаяние в предвзятых мнениях принесите. —

6. Смойте водою крещения, ключевой водой умозрения — холодной.
7. Очиститесь от грязи духа, смойте ложные мнения.
8. Крещу вас водой умозрения, готовлю к принятию Господа.
9. Перед Ним придут пророки Его — Илия и Енох. Крестят вас огнем мистики, зажгут пламенем теургии,
10. и вы просветитесь к принятию Господа — обновитесь.
11. Идущие за мною больше меня. Я дело свое сделал и уступаю им место — меркну.
12. Они — больше меня, и недостоин готовить пути им,
13. Но Христос поставил меня, недостойного,
14. чтобы я проповедовал катарсис — очищал от предвзятости мнений.
15. Мне пора уходить, и я указываю вам на двоих — знаете, на кого.
16. Их слушайтесь.
17. Потому что в них — Христос.
18. На святой расстанемся — до скорого свидания, ибо время близко.
19. Ничего не прошу, — их только слушайте.
20. Держитесь. Крепко стойте. Будут смущать вас теориями — теориями соблазнительными — ложными, чтобы вы забыли Христа.
21. Едино стадо и един Пастырь да будет...
22. вы двоих слушайте — сами знаете кого».

VI

1. У могилы Соловьева Владимира сидел «только контур».
2. Он пришел проститься, потому что предчувствовал, что это — в последний раз,
3. что он больше не увидит *легкой* могилки, покрытой смарагдовым дерном, —
4. не увидит ласково теплящейся лампадки, светящей неугасимо у самой земли, пред крестом,
5. не прочтет еще раз надписи на Ченстоховской Богоматери

6. «in memoria aeterna erit justus» * —
7. «Justus...»
8. «Только контур» пришел проститься перед смертью.

1. Рядом с могилкой стоял памятник Соловьева-отца, — историка.
2. На его белом мраморе сидел «только контур» — получался символ —
3. символ молодежи, сидящей на каменном фундаменте,
4. на твердых плитах науки,
5. плачущей на убеленную легкость,
6. смотрящих на мерцающую лампаду — мигающую.

1. «Только контур» читал стихотворения Соловьева.
2. *Нечто* значительное и ноуменальное,
3. исходящее от сущностей,
4. влекущее к ноуменам,
5. открывалось ему, и он видел — видел из стихотворений и из своих состояний,
6. что *это* знал и Соловьев. —
7. Знал *это*, но не хотел говорить —
8. не хотел говорить, хотя иногда прорывался случайно.
9. Поэтому и «контур» боялся высказать *это* —
10. все равно никто бы не понял.

1. У соседней могилы появилась дама.
2. Она была богато одетая, с виду приличная.
3. Уже не молодая — пожилая.
4. Она была с виду почтенная, но вдруг сердце сжалось предчувствием
5. у «контура».
6. Ему почудилось ноуменальное, ноуменально-злое у могилки.

1. Рабочие что-то копали у соседней могилы.
2. Копали — между собою толковали.

---

* «В вечной памяти будет праведник» (Пс 111. 6).

3. Раздался голос дамы почтенной, сначала ворчливо,
4. потом он сильней разгорался злым пламенем
ругани наглой.
5. Потоки постыдных слов, как фурия, дама
кругом изрыгала.
6. Потом напустилась на какую-то монашку
смиренную — бледную,
7. ругала позорнейшими словами без причины —
без всякой причины.
8. Собиралась бить ее зонтиком, разжигаясь злобой циничной.
9. Монашка молчала — стояла покорно — ничего не отвечала...

1. «Только контуру» больно было до слез
2. и тяжело.
3. «И тут не усмиряется безумство —
4. и злоба.
5. Когда же, Господи? Когда?»
6. Он рыдал на могиле — на зеленом дерне,
7. обнимал подножье креста,
8. всхлипывал, — прощаясь.

1. Произошло нечто.
2. *Что-то* прошло из дерна,
3. из дерна в прижавшуюся к нему грудь.
4. Лампадка мигала так кротко,
неугасимо.
5. «Ноуменальное зло» отошло в сторону.
6. Ругань слышалась где-то далеко — она удалялась:
7. Мистическая гроза пронеслась.
8. Лампадка мигала успокоительно.

1. «Только контур» запасся силами.
2. Он прощался.
3. Сорвал с могилки несколько травинок —
бледных,
4. взял их, как реликвии, — на память.
5. Лампадка мигала успоительно.

1. «In memoria aeterna erit justus» —
2. «Justus...»

Леса

I

1. Поезд несся стремительно.
2. Бегали кондуктора, хлопали двери.
3. Пронзительно дребезжали колокола. Дождь ударял
в оконные стекла,
4. стекал потоками по стеклам. —
5. Жидкой скатертью свешивалась вода с крыши — скатертью с
бахромою.

1. «Только контур» и «серый взгляд» сидели рядом.
2. В купе никого не было; они были одни — одиноки.
3. Выстукивал поезд вечную мелодию и несся стремительно,
4. в окно ударялся край водяной скатерти, бился в порывах
ветра,
5. ударялся в окно бахромой — водяною.

1. Оба чувствовали особое, — хотя молчали.
2. Будто поезд несется к Вечности,
3. минуя потоки дождя и ветер, —
4. несется к краю Вселенной,
5. и там все изменится внезапно —
6. *там* — на этой последней станции.

1. Поезд несся стремительно,
2. выстукивал однообразную мелодию.
3. Ритмически покачивались вагоны.
4. Укачивало.
5. Оба ехали к Вечности,
6. ждали последней станции — последней точки Вселенной —
7. кра́я,
8. там было обетованное Царство
9. и Вечность.

1. Дождь лил за окошком.
2. Мелькали мокрые поляны,
3. леса и сторожки, шлагбаумы,

9. Заказ № 674.

4. Все это поворачивалось — около оси,
5. около оси, лежащей на горизонте —
6. в Бесконечности.

1. Поезд несся стремительно.
2. Извивался змеей, ритмически покачивался.
3. Оба ехали в Вечность —
4. слушали однообразные мелодии стуков.
5. Дождь стучал по крышам,
6. ударял в оконные стекла.
7. Водяная скатерть спускалась с крыши.
8. Колыхалась в напорах ветра.
9. Жидкая бахрома билась об стекла.

1. Оба ехали в поезде.
2. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, наплывала серая пелена,
3. плыли свинцовые тучи.

II

1. Двое шли лесною тропкой, между сосен;
2. А в туманах бледно-синих, аметистных,
3. накренялись стволы важно и качались,
4. и качались рыжими телами.

1. Двое шли лесною тропкой, это были
2. «серый взгляд», свой воротник поднявший в уши,
3. а другой — другой был «только контур» —
4. только схема от лучистости идеи.
5. «Только контур» был плащом укутан.

1. Дождь накрапывал, и ветер холодный
2. стряхивал с сосны потоки капель,
3. потому что сосны были влажны.
4. Двое шли лесною тропкой, и качались
5. хмуро-важно синие верхушки сосен.
6. Было мрачно-жутко и тоскливо.
7. Так же в замке развалившемся бывает.

1. Порывы ветра усиливались.
2. Они играли плащом, стараясь сорвать.
3. Они были пронзительно холодны
4. и сы́ры.
5. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, наплывали тучи,
6. серая пелена затягивала небо.

1. Двое шли лесною тропкой по туманам.
2. Мертвым холодом пахну́ло, — будто из могилы
3. или погреба, когда спуститься летом
4. в мрак какой-нибудь подземной галлереи.
5. Вихрь крутил туманные отрепья,
6. Стряхивал с сосны фонтаны капель.

1. Двое шли лесной тропой сырою.
2. Мокротою хлюпало от листьев
3. под ногою.
4. Плыл от Запада покров свинцовый,
5. пелена затягивала небо.

1. «Вся эта картина, — сказал “только контур”, —
2. вся целиком мне напоминает настроения спиритов.
3. Та́ же сырость и туманность — та же мглистость,
4. тот же холод — та́ ж разъединенность.
5. Разве вы не чувствуете при этих картинах себя оторванными,
6. уединенными ото всего?
7. Будто несешься в бесконечном пространстве,
8. несешься “вперед” — “прогрессируешь”,
9. а зачем? Никто не знает,
10. и нет этому никакого оправдания,
11. нет даже конца...»

1. Двое шли лесной тропой сырою.
2. Лес шумел, и медленно качались
3. сосны важно-синие. Носились
4. между них туманные очески.
5. Ветер стряхивал фонтаны капель.

1. Налетали порывы ветра.
2. С Запада плыли тучи.
3. Наплывала свинцовая пелена,
4. затягивала небо.
5. Лес шумел —
6. шумел...
7. шумел...

III

1. После дождя неожиданно прояснилось, хотя было холодно.
2. Солнце было нежное, болезненно-хрупкое. Пятна света ложились жемчужинами. —
3. Это было странно, потому что жгучести в свете не было,
4. а было только вечно-женственное.
5. «Человек, чертящий контуры» притихнул,
6. а «серый взгляд» светился матовой жемчужностью
7. на солнце. Чуть слышно
8. плавал дух березок, потому что они еще сквозили —
9. были в нежном пуху́ — бледном-бледном, — зелено-влажном,
10. почти канареечном.
    1. «Невеста!» — говорил «серый взгляд» и светился
    2. на рощу,
    3. а другой ему будто бессмысленно
    4. вторил:
    5. «неневестная...
    6. в атласе белом
    7. стволы берез...
    8. мои чистые
    9. лилейные!..
10. ландыши чуть-зеленые... Распускаются — к Солнцу тянутся...
11. травка лесная — ласковая, будто из сердца растет — шелковистая!»
12. Будто из сердца растет. И все просветлялось.
13. А роща замирала бледной радостью — трепещущей.

4

1. *Она* мелькала между стволов,
2. в солнечных пятнах на теплой живой поверхности атласных телец,

3. в кивании бледно-зеленых ландышей, которые стрелками выскакивали из своих зеленых футляров трубчатых,
4. и отовсюду доносился неуловимый аромат *Ее* духо́в,
5. чуть слышный серебряный смех
6. чи́стый...

1. *Оба* знали о Ней,
2. но боялись сказать,
3. хотя не могли удерживаться,
4. и плакали украдкой
5. радостно.
6. Но *один* не выдержал, и с рыданиями
7. бросился на коленях обнимать
8. березы,
9. а слезы
10. играли радужно на атласе белом,
11. дрожащими росинками ложились на бледных листиках шелковистой травки лесной и на аметистовые фиалки.
12. Травка росла как будто из сердца —
13. шелковистая,
14. и *Она* мелькала между светлых стволов.
15. Легкий зефир стряхивал с листиков дождевые капли —
16. роща плакала радостно
17. в ответ.

1. Оба были сконфужены;
2. возвращались домой медленно.
3. Накрапывал дождик, а потом пошел
4. по-настоящему.
5. Оба были мокрые
6. и сконфуженные.

IV

1. Ели росли рядами — тесно, а под ними был красный хвой.
2. Вечный полумрак царил между стволов, но мрачно не было, а было
3. торжественно.

4. Ничто не давало теней: везде освещение было ровное,
без резкостей.
5. В опушку леса входили двое. Один был «серый взгляд», а
другой — «чертящий контуры». Он был в сером плаще.
6. Спокойная тишина и сериозное молчание охватило его,
потому что в лесу было величественно, как в храме...
как в готическом храме — строгом. —
7. Теней нигде не было, и свет был ровный, торжественный.
8. «Чертящий контуры» украдкой снял шапку — незаметно...,
а за ним последовал его товарищ.
9. Ели росли рядами, как колонны, а под ними расстилался
ковер
красный; это были хвои. Капители колонн пускали ветви,
сплетаясь.
10. В величественном храме царил вечно-торжественный
полумрак,
и теней не было. Этот лес был священный.
11. С благоговейной дрожью ступали *оба* тихо — бесшумно,
опасаясь хрустнуть сухою веткой,
12. потому что в лесу было вечное молчание, прохлада и покой.
Это был готический храм — священный. *Оба* медленно
подвигались
без шапок,
13. хотя с деревьев опадали дождевые капли, дрожащие
на хвоях.
14. Где-то вдалеке, у опушки, меж стволов виднелась светлость.
15. «Чертящий контуры» пожал руку «серому взгляду» с
признательностью
16. и шепотом добавил: «сами знаете за что — за шапку».
17. Другой его понял и сказал в свою очередь: «Да, это правда.
Сам вижу тут Бога. Неуловимое дыхание Вечного, —
Хлада тонкого.
Эта роща — Бога-Отца,
18. а та́, березовая, — Софии...»

1. Колонны стояли рядами, — правильно, а капители
их сплетались,
и в храме было тихо.
2. Вечная тишина и торжественное молчание царили между
колоннами.

3. Двое шли еловой колоннадой. *Оба* благоговейно трепетали.
4. Затаив дыхание, шли они без шапок.

V

1. Лесные прогулки под дождем и в сырости не прошли даром.
2. «Человек, чертящий контуры» простудился — и сильно.
3. Он не боялся конца и предвидел исход.

Последнее на земле

I

1. Порывы ветра раскачивали сосны, с Запада неслись тучи.
2. «Человек, чертящий контуры» лежал на полу, прикрытый пóльтами.
3. В холодной комнате мебели не было — ничего, кроме стола
4. и стула.
5. Воспаление легких взяло последние силы. Источенный организм надломился.
6. *Оба* были далеко от города — от жилых помещений. Доктора поблизости не было.
7. «Да и как добыть его? Как оставить больного?
8. Ведь они вдвоем здесь одни — совсем одни — одиноки».

1. В лесу забушевали холодные ветры — весенние.
2. Внезапные порывы проносились и в комнате — через щели.
3. Захрипело в груди «только контура». Понял он, что весь круг,
4. «весь круг, предначертанный Вечною Волей, свершен и закончен.
5. Но таинство... таинство... Какого хочешь священника!..» —
6. — «Где же я его возьму? Не могу оставить тебя. Тут нет никого, не только священника».
7. Было близко к рассвету. Серый полусвет делал комнату жутко-таинственной. Были видны одни контуры.
8. «Слушай, брат, и исполни. Ты́ будь священником, ты́ исповедуй...»

9. «Серый взгляд» опешил, — смутился, — молчал.
10. «Ты исповедуй меня. Ты сверши Евхаристью...» —
11. — «Я... не могу... Я не знаю даже молитвы и службы...»
12. «Ничего не нужно теперь. “Примите, ядите...” Вот все... Хлеб е́сть тут, вино, — видишь, — то́же...»
13. — «Не тот это хлеб; он — кислый». — «Ничего-ничего. Не медли, брат, соверши. Сделай, умоляю...»
14. Больной захлебывался словами — ерзал по полу в глубокой тоске и отчаяньи.
15. Серый взгляд опустил голову. Он дрожал — раскачивался автоматически.
16. Побледнел смертельно.
17. Он упал на пол, обнимая больного, покрытого порыжелыми по́льтами.
18. Больной лежал обессиленный разговором, в полузабытьи.
19. Голова была высоко поднята. Она лежала на книгах, взятых для занятий, — взятых напрасно.
20. Прошли минуты. Больной снова очнулся, и с тяжким усильем и хрипом в груди поднялся он с полу — слегка приподнялся.
21. «Скорей!» прохрипел он и снова упал навзничь, ударяясь головой о книги.
22. Книги издали странный пустой звук, как картонные коробки...
23. «Не могу... не смею свершить Евхаристью». «Серый взгляд» шептал с глубоким отчаянием.

1. Больной вдруг поднялся снова, но уже без особого усилия — ле́гко.
2. Огонь пронесся по всему лицу его.
3. Поднял молитвенно руки в экстазе.
4. «Брат! Сознаю, что ухожу. Сознаю исключительную важность момента.
5. Вот перед Христом говорю: если есть грех в моей просьбе, то беру его на себя.

6. Перед Христом говорю — помоги.
7. Ты не имеешь посвящения. Но сам Христос посвящает тебя.
8. Помоги. На мне страшный грех.
9. Уже сколько лет из-за него я не был у Причастия.
10. Вспомни: “где двое или трое во Имя Мое, там и Я посреди них”».

1. Больной делал последние усилия, несмотря на огонь, и оставался сидя.
2. Пафос замирал, как бы переходя в «серый взгляд».
3. Вот он, исполнившись силы, встал с места,
4. не говоря ни слова, но радостно.
5. Растерянность ушла. Сосредоточенность и серьезность, — радостная строгость увеличили его рост.
6. «Серый взгляд» наклонился над больным. «Во имя Отца, — и Сына, — и Святого Духа» проговорил он не своим — проникновенно-торжественным голосом, с расстановками.
7. Исповедь началась.

II

1. «Слушай, брат мой — брат мой... отец...
2. Грех мой тяжелый — великий. Как его рассказать?
3. Брат мой, тоска...
4. Дай обойму́ ноги твои и тогда расскажу я...

1. Было искушение *от них*: —
   и я пал.
2. Было наваждение *от них*: —
   Он говорил:
3. “Пади́, пади́. Я — все.
   Все у меня. И твой Христос
   Попался уж ко мне.
   пади́, — пади́...”
4. Я входил в Церковь и там... на престоле...
   там на престоле — я видел... паук,
5. Паук-птицеед... черный, — мохнатый, — огромный...

6. Сплел паутиною все,... запутался
крест в этой сетке.
7. *Он*... злыми круглыми глазками — черными,
будто бы бисер,
8. смотрит кругом, а мы молча стоим и ждем
участи брата... Он брата сосет в паутине
9. и визгом пронзительным... *вскрикнет*.
10. А Церковь — ловушка, куда уж попал...
... Христос!...»

1. Больной был почти в обмороке
и не понимал себя.
2. Прижимался к ногам,
ерзал в тоске.
3. «Серый взгляд» —
серьезный и бледный... он слушал*.

1. «Слушай же, брат мой, — брат мой, — отец:
2. было еще наваждение.
3. Я видел трясущуюся массу — студенистую, похожую
на медузу.
4. Это чудовище уходило своим хвостом в бесконечность.
5. Дряблые губы зашлепывались и высасывали братьев.
6. А мы молчали в глубоком отчаянии, потеряв надежды на
Спасителя.
7. молчали и тупо застыли...

1. Видишь отчаянья грех?
2. Был я в гипнозе, в тяжелом как будто сне. Был я в клетке,
3. в клетке стеклянной. Я бился в ней, тосковал я.
4. Протягивал братски руку и тут на стекло натыкался.
5. Жаждал увидеть Христа и видел Его... за стеклом, —
отделенным.
6. Запрятанным в клетку я видел Его, как себя.
7. Грех мой — отчаяние, я забывал — не забывал, а не мог
думать
о Христовой победе над *ними*,

* Слишком грубо, развить и облегчить, а вместе с тем усилить (*примечания П. А. Флоренского*).

8. и только метался... метался в тоске.
9. Слушай же, брат мой; Христос меня все-таки спас.
10. Сам спустился
11. в бездну ко мне и за волосы разом извлек Он.
12. Вижу теперь — к краю пропасти страшной тогда я приникнул,
13. должен был вниз полететь, но Он спас...».

III

1. «Отпускаются тебе грехи твои...».
2. «Серый взгляд» снял с шеи серебрянный крестик — весь измятый — дал приложиться к нему.
3. Он встал с полу и не своей — преображенной походкой пошел к столику.
4. Зазвенели ложки. Щелкнула пробка, вытащенная из бутылки.
5. Знакомые звуки — обыденные. Теперь они были *иными*: больной слышал сквозь банальное, хозяйственное — обрывки вечной мелодии.
6. Лицо его начинало просветляться, несмотря на болезнь.
7. «...иль ты не слышишь,
что весь этот гул трескучий
только отклик искаженный
торжествующих созвучий...»
8. Это промелькнуло у него в мыслях.
9. ... Кусочек мякиша от французской булки...
10. ... Несколько капель вина — красного...
11. ...Торжественность...
12. Обыденное преображалось, засохшее оживало — наполнялось соком жизненным — водою живою.
13. «Аз есмь Лозá»... Лозá...
14. Пыльная серая перчатка была снята с знакóмого.
15. То, что казалось ранее кожей живою тела, вышло только грязным и безжизненным покровом ее.
16. Стакан засверкал светом Вечного. На дне был рубин.

17. «Примите, ядите... сие есть тело Мое. Яже за вы и за многие ломимое...»
18. Французская булка и скверное красное вино пресуществились.
19. В стакане было пречистое Тело и честная кровь Агнца,
20. взявшего на себя грех мира...
21. ... «от них же первый есмь Аз...»
22. На чайной искривленной ложке поднес умирающему «серый взгляд»
тó, что есть самое ценное в мире.
23. Почти не веря счастию — с какой-то мистической жадностью
приобщился Святых Даров умирающий.
24. Христова теплота охватила его. Он хотел что-то сказать,
но новый прилив восторга
25. лишил его слова.
26. Вдруг он, свободный и сильный, как бы победив болезнь, встал
перед «серым взглядом»,
27. который все еще держал стакан с пречистым Телом,
28. поднял руки в неизъяснимом трепете, —
29. воскликнул громким голосом:
30. «благословенно все!» и вдруг упал подкошенный,
31. обнимая дорогие ноги.

1. Закричал за окном петух горласто.
2. Громким голосом возвещал он день грядущий.
3. Торжественно откликнулись ему вещие птицы.
4. И долго еще победною радостью перекликались петухи.

Срыв (в Москве)

I

1. «Господи! Ты один... Ты только.
2. Никого у меня нет. Ты — опора.
3. Они — хорошие; но — люди.
4. Они не могут иначе, о Господи.
5. Это я виноват, что ищут опоры в иных.
6. В них я ищу Тебя, Господи, — Твоего отражения.

7. Но ведь они — люди, Господи,
8. хотя и хорошие — хотя хорошие.
9. Они не могут вполне светиться Тобою.
10. Я виноват, забывая, что они — не Ты.
11. Ты — единственный...
12. Но дай любить Тебя: сам не могу.
13. Хочу любить всей душою Тебя, и — не могу.
14. Хочу забыться о Тебе, Господи, все делать в Тебе,
15. и не могу. Хочу и не могу без Тебя,
16. потому что Ты — единственный, и все от Тебя.
17. Делаю для любви все, — что могу.
18. Отрекаюсь ото всего и ищу только Тебя.
19. У меня уже ничего нет, кроме Тебя.
20. Господи, дай любить Тебя всей душой.

1. Господи! Ты один... Ты только.
2. Помоги и научи любить Тебя.
3. Через Тебя только могу любить братьев
4. Истинно. А без Тебя не могу,
5. потому что в Тебе — все.
6. Хочу любить их, но могу, насколько вижу в них Тебя,
7. и когда этого нет, то не люблю —
8. отвертываюсь невольно.
9. Господи, добрый. Все делаю для Тебя,
10. дай только силу любить,
11. любить Тебя сильно. —
12. Я не хочу и не ищу знамений
13. или чудес...
14. мне не помогут они,
15. но дай любить Тебя всею силою.
16. Оживи и зажги...»

1. «Некто» валялся в углу
2. перед иконою Спасителя, —
3. плакал в три ручья,
4. всхлипывал почти до истерики.
5. Это был срыв — срыв напряжения
6. слишком ранней весны.
7. Оно оказалось не под силу,

8. потому что силы было мало,
9. а видения идей в других —
10. слишком — слишком много.
11. Никто не выдерживал экзамена,
12. потому что сравнивался с идеей,
13. и та́ял — таял почти бесследно,
14. таял как воск свечи, как облака
15. на солнце.

1. «Некто» ломал руки,
2. плакал в три ручья,
3. искал опоры, потому что был один,
4. один — как прежде —
5. как прежде.
6. Лампадка теплилась чуть видно,
7. грозила загаснуть,
8. мигала от холодных потоков ветра, —
9. врывавшегося щелями в комнату,
10. но не гасла и теплилась, мигая
11. кротко.
12. Между порывами ветра
13. и шумом деревьев раздался —
14. раздался петух
15. едва слышно — далеко...
16. Светало...

II
На даче

1. «Некто» сидел за столом, за письменным столом, водил пером на бумаге.
2. Слова нежности готовы были сорваться с пера, «Милый...
3. как прежде...»
4. Дерева сгибалась в порывах ветра — холодного. Дождь шел порывисто, то затихая, то лил стремительно,
5. как будто на небе открыли кран — с ситечком.
6. С Запада плыли свинцовые тучи. Наплывала тяжелая пелена на небо.

7. Дождь лил за окном. За стеной — за стеной в соседней
комнате шумели дети — капризничали.
8. Порою сыпалась крупа — белыми зернышками, — круглыми.
9. Шумели за окном в порывах ветра сосны.
10. Дерева сгибались, запахиваясь в свои зеленые плащи,
а ветер распахивал их, — подбрасывая светло-зеленую
подкладку.
11. Изнемогал «некто» в сладком воспоминании. Он любил, но
не кого-нибудь определенного; — не определенного,
а вообще.
12. «Милый... как прежде...»
13. Сосны шумели — шумели по-старому, —
14. как прежде.
15. Казалось, что «некто» сидит века — века за письменным
столом.
16. Изнемогает в сладости любви — беспредметной,
17. твердит свое: «милый... как прежде...»

1. За стеной капризничали дети — ссорились.
2. Лился за окошком дождь, стучал по крыше погребально.
3. «Некто» думал, что он сидит от вéка,
4. а все за стеной только призрак,
только одна обстановка.
5. Глубоким грудным контральто кричали поезда из-за сосен.
6. Едва доносился их стук из-за сосен.
7. «Некто» знал, что поезда — только символ —
символ стремления к Богу.
8. И он сидел за письменным столом
от века.

1. Дождь переставал, потом лил снова
порывисто,
2. иногда сменялся крупой; она сыпалась белыми шариками.
3. Ветер заворачивал подол зеленых плащей у деревьев,
4. раскачивал их стволы и обламывал ветви.
5. За стеной капризничали дети, —
слышались сердитые окрики.
6. Потом нянька успокаивала, и сама шумела еще больше
долго.
7. Приносились за стеной самовары —
потом уносились — подогревались.

8. С Запада наплывали тучи —
пеленою.

1. «Некто» сидел за столом от века,
2. За стеной сменялись самовары,
3. Капризные крики сменялись окриками —
сердитыми,
4. а потом плачем.
5. Дождь прекращался; потом шла крупа —
крупа и снег —
6. снег крупными хлопьями.
7. Ветер раскачивал сосны,
8. а «некто» сидел за столом неизменно —
от века.
9. «Люблю тебя... милый...
10. неужели не видишь, как люблю тебя?..»
11. Но куда был обращен этот возглас,
12. «некто» и сам не знал.

1. С Запада неслись свинцовые тучи —
2. пелена затягивала небо, —
3. как прежде.

III. (Форшлаг)

1. В народе ходили глухие слухи — тревожные.
2. Чуялось что-то стихийно-грозное.
3. Обычное получало *иное* значение.
4. Казалось, земля оскудевает.
5. Предсказывали дождливое лето —
6. ходили слухи о неурожаях — о голоде.
7. Война кончалась плачевно-странно.
8. Шла какая-то беда новая — какая? Никто не знал.
9. В народе ходили глухие слухи — тревожные.

IV. (Финал. В Москве)

1. Май кончился. Ландыши распускались.
2. Наступали жары жгучие, но всем неожиданно вдруг
захолодало.

3. Понеслись холодные ветры — с Запада поплыли тучи.
4. Вихри крутили тяжелые капли дождя.
5. Все прятались, забывши о лете — зябли.
6. Пошел сильный снег — крупными хлопьями.
7. Оческами туманов засыпал дорожки,
8. бледно-бледно-зеленую травку лесную —
9. шелковистую,
10. засыпал покровом саванным прогалинки,
11. спрятал бледные ландыши.
12. Наступала зима — вечная.
13. Все холодали и зябли — ежились,
14. прятались за окнами, — готовились —
15. готовились к зиме бесконечной —
16. вечной.

1. Печально сыпались хлопья — крупные хлопья снегу.
2. Смолкли милые птички.
3. Весна кончилась срывом — сорвалась.

1. Хоронили «только контура» —
2. только контур и схему весны.
3. Снег падал хлопьями.
4. Шлепали по таящему снегу и грязи,
5. даже «серый взгляд» как-то притихнул
на время.
6. А все готовились к стуже и слякоти, к вечной
зиме.
7. На минуту поредел чехол неба.
8. Далеко-далеко прокричал петух — чуть-слышно.
9. Небо будто просветлело, и стал виден солнца
10. только контур.
11. Солнце, однако, не грело — не светило.
12. Сырое покрывало скоро пеленой затянуло его — закрыло.
13. Сырость засосала солнца контур —
14. контур.

Конец I-ой части

17 июня 1904, Тифлис

Часть вторая. Эсхатологическая мозаика

Прелюдия

1. Голубчик мой, дорогой мой, милый мой!
люблю тебя искренно, — ото всея души.
Навеки люблю тебя, что бы ни случилось...

2. Боже мой! Боже мой!
Благодарю Тебя, Боже мой.
Воздаю хвалу Тебе, Боже мой, —
воздаю хвалу и славословлю Тебя
за брата,

3. которого ты послал мне.
Он, как светильник передо мною,
как образ Лика Христова...

4. Дорогой мой! Брат мой, брат!
Двое мы во имя Его, и Он — с нами,
Он посреди нас, как сказал.

5. Свет и тепло от Господа через Тебя.
Радость Господа моего через Тебя —
радость и ликование.

6. Боже мой! Боже мой!
Да будет слава Твоя чрез брата моего.
Посмотри, Господи, как он прекрасен —
    это брат мой...
Как отражает он Тебя, Господи!
Посмотри на него!

7. Милый брат мой!..
Я *весь* люблю тебя — весь до внутреннего моего.
Плачу слезами иступления, вспоминая тебя,
брата моего,
потому что Христос в тебе.

8. О, брат мой!..

Гимн хвалебный

1. Господи! Милый!..
2. Хочу хвалить Тебя слабым голосом своим, —
славословить нетвердой мыслью своею,
воздать хвалу Тебе, Господи. —
Сильный.
3. Трепещет в полноте душа моя,
изливает в меня тепло Твое, Господи.
Как прозрачный, высвечиваюсь насквозь светом Твоим:
в тихом исступлении бессвязное говорю Тебе, Господи —
в тихом...
4. Вот я пред Тобою с отверстою грудью, Милый.
Хочу слабым духом своим воздавать хвалу Тебе.
Замираю в радости Твоей, —
Сладкий.
1. За дела Твои, Господи, воздаю хвалу Тебе.
За ясное Солнышко, — светлое;
ведь оно любит всех нас, с лаской греет нас
и целует.
1. За солнышко, Господи, благодарю Тебя,
за тихую луну, — скромную, бледноликую,
и за звездочки:
2. золотыми ресницами они щурятся из своих стран на нас,
далеких,
утешают нас в горестях гла́зками чистыми —
лучистыми,
3. образуют корону светлую из своих лучей для бедняжки
Матери
измученной,
украшают многострадальную Матерь общую, успокаивают
ея муки.
4. За маленьких птичек — глупеньких, благодарю Тебя,
Господи.
Они — смешные, ничего не понимают в страданиях Матери —
страдалицы,
5. но ведь они — маленькие, они не виноваты;
их щебетанье слышит Матерь —
успокаивает.
6. За все Твои твари благодарю Тебя,
Господи.
Ты Один — Один создал нас.

7. Но больше всего благодарю Тебя, Господи, и славословлю
Тебя
за братьев своих, —
за братьев, которых Ты послал мне, вняв
молитвам, —
за ангелов-хранителей, ходящих вокруг меня, —
ласковых.
8. Пла́чу, Господи, перед Тобою, вспоминая
о братьях...
Плачу от радости, что Ты послал мне их —
ясных.
Они очищают меня, омывают грех мой
и умиряют.
9. Каждый, — как камень самоцветный —
драгоценный.
Сияет каждый лучом славы — лучом
самобытным.
Ни одного не могу лишиться без скорбей
и печалей,
10. ибо каждый излучает и отражает свет Твой,
Господи.
1. Еще, Господи, воздаю хвалу Тебе,
еще, Господи, искропляю слезами книгу Твою —
испещряю темными
кружочками.
2. За милого брата моего благодарю своего Господа, —
за ясного, за ясное солнышко,
за милое.
1. О, брат мой!..

Глава первая.
Солнечность

(Мало-по малу из связанных узами любви и единомыслия, в связи с надвигающейся мистической грозой и усилением антихристианских — спиритических и магических — общественных течений, составилось братство. Некоторые из братьев имели духовный сан. Сейчас они собираются на общее богослужение в условленный сборный пункт из своих приходов и мест своих занятий, где они борются с надвигающейся грозой, пока неявной. Дело происходит в начале лета, в ровной лесистой местности.)

I

1. Ельник помахивал ветвями; порою он замирал
в восторженности.
Старые сосны кивали с важностью; они млели в исступленной
умиренности.
Лесная стежка мерно покачивалась; между стволами
улыбались просветы.
Апельсинность запада таяла в Бесконечности; наступала
алость приветливая.
Лепестками осыпавшейся розы выглядывали о́блачки; гасли
и блекли с тихостью.
А на восток шли двое.
2. Елистой тропкой шли двое; двое были — Клеопа и Лука.
Они едва касались земли, почти скользили улегченные —
улегченные тихой радостью.
Они были в экстазе, — в экстазе было небо, разливаясь алостью.
И оба шли в белых одеждах — в холщовых.
3. Небо делалось прозрачным; открывалось «стеклянное море».
А сквозь него высвечивала огненность иного, — пламенность.
В небе открывались знаменья; небо было «стеклянным морем».
Лука и Клеопа не шли — скользили, улегченные.
Они захлебывались в созерцании.
4. Двое шли к востоку, на богослужение; за спиной их
беззвучно
рыдало небо, — в прозрачной восторженности,
высвечивало огне-то́чащими ризами.
А впереди, из-за аметистной полоски, из-за гиацинтной
ленточки
далекого леса
выкатывался гигантов апельсин —
Луна — с кротким добродушием голубоглазого великана.
5. За стволами рыжих гигантов — сосен — прятались пугливые
фавны,
и таращили на проходящих широко раставленные глаза —
с робким, но жадным любопытством.
На головах их рога еле можно было нащупать.
1. И тоскуя прозрачной истомой, —
изнывая плескающей ласковостью,
Лука, весь хрустальный, прозрачный-прозрачный
простонал.

2. «Отойди от меня, брат мой. Отойди от меня, ибо грешный
я человек».

А потом замолкнул...

Двое шли к востоку; за спиной их восторженно затихали
небесные пожарища.

Медяным кимвалом висела впереди них круглая луна.
Она вскарабкалась над переплетом ветвей
и вся тряслась и дрожала трепетом-смехом и радостью.
Промелькнули мгновения и вместе с падучей звездою
скатились в Вечность.

3. Атласным шелестом прошептали переплеты веток.
Лука сказал-повторил за лесным шопотом:

4. «Добрый друг мой, — брат мой милый, — Клеопа, Клеопа...
Недостоин идти я с тобою — недостоин быть я с тобою...
Но позволь мне остаться с тобою... Потому что люблю я...
Любовь все искупит...»

5. Двое шли к востоку. Ельник приветствовал их кивками.
Смарагды живые — светляки — зажигались перед ними,
теплились зелеными лампадками.

Ветерок исполнялся несказанным благоуханием.
Задыхаясь в восторге, шумели ели. Темнело.
В трепетных порывах вздрагивали красные гиганты.

6. А рядом с двоими шел Третий — Некто; был он в темном.
Лука и Клеопа не помнили, был ли Он с ними с самого начала
или же пошел около них после, на дороге.
Некто попросил двоих проводить Его до Эммаусовки.

7. И все трое шли молча. Вдали протрубил алектор.
Они подходили к Эммаусовке. Стежка качалась в полумраке
между деревьев.

1. Уже почти стемнело.
Двое шли рядом. Около — был Незнакомец, в темном.
Он шел так незаметно-скромно, что забывалось о
Его присутствии.

И только в груди разгоралось.

2. Клеопа не находил звуков для ответа; он задыхался
в волнах ласковости.

Наконец, он пробормотал чуть слышно.
Лес прошумел восторженно; в колоннаду стволов юркнула
любопытная фигурка,

и под копытцем хрустнула ветка.

3. «Не могу высказать, как люблю тебя...
Но это не нужно... Душу свою полагаю...
Когда будет вре́мя — увидишь.
Знаю, что недостоин тебя. Но сердце мое разгорается...»
«И я буду, где ты.
Твой дом будет моим домом...
И твое горе будет моим горем...»
4. Они мелькали среди стволистой колоннады — двое.
А около — шел Третий. Он был как-то незаметен.
Забывали об Его молчаливом присутствии.
Но сердце разгорелось.
5. Они подходили к Эммаусовке. Замелькали приветливо огонечки.
Незнакомец воздел руки и воскликнул взволнованно: «Мир Вам!»
А потом исчез — затерялся между деревьями.
6. Лука и Клеопа не обратили на него внимания.
Сердце догорало восторженно. Таяла алая сладость.
Грудь плакала умиленно — плескалась в благодарности.
7. Скатились мгновения и юркнули в Вечность с падучею звездочкой.
Атласным шелестом зашептало в переплете ветвей.
Тело нежно та́яло; насквозь провеивало легкостью.
Казалось: еще мгновенье, еще легкости, и оба подымутся навстречу облак —
подымутся со всеми деревьями.
8. Вдруг Клеопа остановился и прошептал с сериозностью:
«Брат мой. То, что мы говорили, относилось не к нам —
не к нам, а ко Христу, Который в нас и был около...»
— «Около? — прошептал Лука, пораженный. — Около?
Не горело ли сердце наше?..»
9. «Не горело ли сердце наше? — повторил Клеопа. — Это был с нами — Христос».

1. Короткими зелеными лампадками теплились светляки.
Лес перешептывался умиленно — затихая.
Лука и Клеопа остановились в восторженности.
Сердце догорало сладостно.
И оба воздали хвалу Богу.
2. В Эммаусовке загорланил алектор в восторгах.

II

1. Наступило утро. Березовые рощицы перемежались проталинами.
Потом деревцá частéли, сплачиваясь атласными стволиками.
2. Солнце высвечивало их маковки, зажигало зеленоватой золотистостью.
Янтарными струями лились теплые лучики, — радостные.
Солнце плакало умиленно — светозарным дождиком.
А внизу дождик света расплывался в круглыя пятна.
Солнце омывало землю слезами радости — целовало теплыми поцелуями,
2. Стежка качалась между атласными тельцами березок, порою выныривала на проталинку.
А потом снова скользила под изумрудно-гривым морем —
под морем золотых и изумрудных макушек.

1. По тропинке двое почти бежали; они, видимо, торопились.
Оба были в белых балахонах, — холстяных.
Мерцающим отблеском играли березово-белыя ткани —
шелковились под пятнами солнца.
2. Впереди терялся между деревьев иерей — Лука,
Бережно нес гранатно-пунцовый антиминс.
Антиминс был развернут и зажигался винностью под пятнами,
и маленький крестик на нем порою сиял исступленно.
3. Луку догонял диакон, — Клеопа; он был навьючен священными принадлежностями.
Искрились серебрянные сосуды и брызгали слепящие струи лучистости:
снопами разбегались серебрянные каскады.
Бежали у него из правой руки три серебрянные струйки;
а на них нависла гигантская капля — капля слепящего серебра,
будто расплавленного.
Из нея исходило благовонное облако синими ниточками и лентами.
5. Ниточки сплетались в опалесцирующее кружево, — кружево фимиамности, переплетаясь с лентами.
Это была кадильница из белой ослепительности, — серебряной.
И она выплясывала ликующий танец: диакон почти бежал неровным шагом.
6. Кадильница кидалась из стороны в сторону, напояя воздух благоуханием.

1. Двое шли по стежке скорым шагом. Они почти бежали, и потому не говорили ни слова.
Но сердца их та́яли в умиренности.
Лука и Клеопа выходили на прогалинку.
2. Глаз утопал в сочном клевере; не было ни одного листика засохшего.
Пьянящею зеленостью дышала вся прогалинка; там, и сям розовели сладкия кашки.
Лужайка была обрызгана розовыми кашками.
А над кашками жужжали пчелы.
3. Утренний воздух был кристальным. Кристально чистым был иерей.
Иерей Лука был вечно-прозрачным, без пятнышка и без мути.
Он был, как богоявленская вода, святая —
Вечно-прозрачная, никогда не мутнеющая.
4. Лука, «богоявленская вода», был свежим, как лужайка.
И в нем не было ни одного листика помятого или желтого.
5. Прозрачностью веял утренний воздух.
Прогалина дышала зеленой прохладою; не было ни одного листика пожелтевшего.
По лужайке, среди кашек, протекала «богоявленская вода».
Она спешила к жертвеннику — к столбу, сложенному из дерна.
А за нею пробирался Клеопа.
6. Оба шли прямо по сочному клеверу.
Мириадами росинки покрывали его, дрожали на листиках круглыми упругими шариками;
тысячами искр и отблесков вспыхивали меж травинок.
7. Тысячи сверкающих рубинов и гиацинтов, хризопразов и топазов бросала им обоим в глаза поляна.
Неслись в светоносных лучах бериллы и аквамарины.
Появлялись и таяли синеокие сапфиры и аметисты.
Многоцветными звездочками зажигались росинки.
8. Лука, «святая вода», и Клеопа подходили к жертвеннику — служить литургию на антиминсе.
Тут было сборное место для братьев.
Гудели над кашками розовыми пушистые пчелы.
А поляна швырялась пригоршнями самоцветных каменьев.
1. С разных концов полянки стала стекаться братия.
Одни были в белых балахонах, а другие — в светском.
Все они стекались для общей молитвы.

2. Они покидали свои приходы и свои школы; оставляли
всякое житейское попечение;
чтобы вместе молиться —
чтобы вместе приготовляться к грядущей борьбе
и ужасам.
3. С веселым щебетом за ними припрыгивали ребятишки —
питомцы братьев.
Их головы золотились на солнце.
Медовые и льняные волосики разносило атласными
дуновениями зефиров.
4. А солнце зажигало из них святые венчики — нимбы, —
нимбы над ясноглазыми головками.

III

1. Розовое облачко таяло на горизонте.
2. Злато-брызжущий Царь возносился над морем —
над изумрудно-гривым морем березок.
3. Налетали рвущиеся дуновения, и малой птичкой
трепетали в
складках белой одежды,
4. играли, мерцающие, подолом, как котенок — как котенок
расшалившийся.
5. А потом врывались в медленно-перекатные волны зелени,
бросались в волны головою, брызгались зеленью,
6. и, заливаясь смехом счастия, прятали в листве свои
мордочки.

1. Щебечущее море раскрывало грудь солнцу;
2. жадно впивало льющуюся медовость.
3. Омывалось прозрачным, утренне-ясным воздухом,
4. а розовое облачко дотаивало на горизонте.

1. Братия застыла у жертвенника — из дерна.
2. Квадратным рубином горел на нем антиминс, впитывая
солнце.
3. А свеже-серебрянные сосуды брызгались, расплавленные
солнцем —
4. Кололи на тысячи стрелок исступленную солнечность.
5. Братия застыла у жертвенника.

1. Золотой Царь, лучисто-коронованный, восходил в тишине —
в полной.
2. Только далеко-далеко, в какой-то деревне, — в Эммаусовке, может быть, — где-то далеко-далеко лаяли собаки.
3. И их лай отдаленный та́к веял торжественной вечностью — величавой вечностью безмолвия,
что делалось таинственно-жутко, — жутко,
с далекой сладостью...
4. Братия невольно застыла у жертвенника и слушала — слушала звуки природы.
5. Тонким трепетом пронизывалось все от *голосов природы.*

1. Отдаленный лай деревни перекрикивался с трубным
ку́-ку́-рекку.
2. А за ним следовала тысяча всплесков — переклики,
уходящие в бесконечности —
выпрыгивали переливы по задворкам — петушьи.
3. Расходились волнами — разбегающимися кругами,
4. и терялись в бесконечных далях, как изображенья между
параллельными зеркалами, —
5. нарастали убегающей в да́ли лавиною от новых перекликов
6. и терялись в бесконечных далях — смешивались
с отдаленным лаем...
7. Братия застыла у жертвенника и думала:

1. «В вечных вскликах вселенной — в таинственном лае сил *этого* мира,
2. в жгучей жуткости *этой* природы, — в ковре
сплетающихся лаев,
3. среди них встают иные звуки — звуки *иного* мира.
4. Говорят о светлом дне пробуждения.
5. И теряются перекликающимися букетиками
во всепоглощающей
бездонности Времени;
6. исчезают в пучинах Пространства.
7. Но, Господи, яви, яви нам скорее —
яви светлый День Восстания Милых».

1. На горизонте та́ял последний лепесток осыпавшейся розы — розовеющего облачка.

2. Ребятишки сбирали около леса ландыши —
для украшения, —
распевали неопытными голосенками:
3. «Пря́дями лучи́стыми ковыля тянутся облачки
белосне́жные —
4. хороводами чи́стыми тихих ангелов
скользят в лазури,
безмятежные, —
5. как кудри шелковистые, мамой расчесанные,
вьются локонами,
прене́жные.
6. Вы плыви́те, серебри́стые лодки, в бирюзовости.
Вы везите Папу,
приле́жные».

1. Так голосили дети. А потом их песенка затерялась между
березками.
2. Братия готовилась к литургии, — с ласкою друг друга
расспрашивали.
3. Дети возвращались из лесу. Доносилась снова их песенка.
4. «Шепчет море берез
изумрудногривое,
5. сыплет фонтаны сле́з
радостно-игривое...
6. Плачет роща и ждет сла́дости —
ясно-взо́рая.
7. Дни придут к нам легкой ра́дости
очень скорые.»

1. Дети тащили целые ворохи жемчужных ландышей
и голубеньких незабудок.
2. Незабудки выглядывали та́к ясно, как детские глазыньки
исподлобья.
3. А детишки таращили из-под золотой листвы кудряшек
свои
незабудки.
4. Далеко-далеко слышался лай из деревни.
5. А порой его сопровождали петушиные всплески.

1. Гирляндами скромных ландышей овили смарагдный
жертвенник.
2. Каждая душистая чашечка была жемчужинкой, и
казалось, что
на жертвеннике — тяжелые монисты, пахучие.
3. Зерна отборнаго жемчуга прятались в волокнистых прядях золота — в нимбах детских волосиков.
4. Полоса, обрызганная густо-сидящими каплями
жемчужности —
эпитрахиль, сплетенная из ландышей, ласково жалась вкруг
шеи иерея —
«святой воды»,
5. а потом спускалась вниз жемчужным водометом. Среди
жемчужинок дрожали росинки-алмазы.
6. По краям ея лукаво улыбались незабудки —
тоненькой ниточкой.

1. «Святая вода» служила обедню. Своим голоском
ясным-ясным
журчала молитва.
2. А остальные подтягивали песнопения —
за детишками.
3. Голоском то-оненьким иерей Лука вычитывал молитвы.
4. Ручеек бежал поблизости, — на прогалине; он вторил
серебристым журчанием.
5. Ключевая водичка — прозрачная скользила вдоль берега
кремнистаго.
6. Струйки ручья — чистыя — атласисто ластились
к бережку.
7. Переливались волнистыми переливами по граниту.
8. Водичка в ручеек струилась чистая, — по желтому
песочку.
9. Но иерей — «богоявленская вода» был еще прозрачнее.
10. Ведь она никогда не мутнеет и остается вечно
хрустальной.

1. Обедня кончилась. Все обменялись поцелуями.
2. А потом стали расходиться — надолго.
3. Между березками замелькали балахоны.

Глава вторая
Облачность

(«Серый взгляд» едет домой. Чувствуются приступы грядущей борьбы — столкновения христианства со спиритизмом и магией. Часть братии решает убежать в горы, и едет).

I

1. Поезд стучал однообразно.
2. Однообразно жужжали разговоры.
3. Перескакивали с темы на тему, — но внутреннего единства
 не́ было.
4. Была пестрота и сумятица, но единства не́ было.
5. Поезд стучал однообразно, бесцельно.

1. «Серый взгляд» ехал в компании — очень любезной,
2. в обществе людей хороших, — симпатичных.
 Слушал разговоры.
3. Темы мелькали калейдоскопично —
4. мелькали в окне предметы.
5. Пестрыми обрывками бросались фразы —
6. доносились из соседняго купе кусочки.
7. Доходили до слуха и таяли в ушах,
8. будто их и не бывало —
 не бывало.

1. Некто сидел в компании любезной,
2. на него глаза глядели добрые,
3. но он растворялся в разговорах,
4. в однообразном ритмическом жужжании речей праздных,
5. в чередующихся стуках вагонов о рельсы.
6. «Серый взгляд» растворялся в мирском — в эмпирии,
7. Эмпирея куда-то отлетала далеко — в холодныя страны.
8. Делалась чуждой-чуждой и бесцветно-холодной. В окно
 влетала пыль и жарища.
9. Будто сахар в стакане ча́я та́яла цельность —
единства́ духа в суетной пестро́те и сутолке —
в отрывочной,
10. испарялась вся со́бранность — собранность духа в Боге.

1. «Серый взгляд» вышел в коридор — к окошку.
2. Вдыхал свежий ветер, пил чистый воздух.
3. Не слышал разговоров пустых — без Единства, —
4. разговоров людей, хотя и хороших, — добрых,
5. но без Единства.
6. Поезд громыхал однообразно — плоско.
7. Тоска по свежести — по собранности духа в Боге —
8. по целостности Христовой охватила.
9. и «серый взгляд» замахал платком волокнистому облачку.
10. Далекому.

1. Далéко жужжали обрывки разговоров.
2. Но эмпирея становилась близкой — наполнялась соком жизненным,
3. а эмпирия уходила далéко...

1. «Серый взгляд» стоял у окна. Радовался белому óблачку.
2. С запада надвигалось грозовое облако — темное.
3. Грозовое облако с черно-желтым брюхом — зловещее.
4. «Серый взгляд» смотрел с надеждою на белый парус лодочки — плывшей в лазури.
5. Сзади к нему подошла «святая вода», пролила свою руку на плечо — рáзом успокоила.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, ползла на черно-желтом брюхе зловещая туча.
2. Надвигалась на белое облачко неумолимо.
3. Но оно сверкало все лучезарнее, теплилось бесценной Жемчужиной.
4. А черная туча, злобствуя, огрызалась зловещим рыканьем на облачко.

II

1. Церковные двери были настежь распахнуты; слышалось пение — ровное.

2. Из пустого полумрака, вечно-спокойного, веяло прохладой на пыльную улицу —
жаркую.
3. Веяло торжественной неизменностью, — успокоением.
4. «Иже херувимы»... та́яло под сводами.
5. И пронизывало воздух голубоватыми благоуханиями.
6. Невидимые воинства реяли крыльями —
7. легкими дуновениями — фимиамности — прогоняли пыль улицы
и су́толоку.
8. И душа под крыльями тихих Ангелов, —
исступленная,
9. Высоко взвивалась вверх и играла там между о́блаков.

1. Серебрянными ку́полами высились о́блачки
нежно-белые.
2. Тесно жа́лись длинной нитию, и выстраивались,
будто воинство.
3. Сверкающим городом стояло во́инство
за Церковью,
4. и щитами снежно-чистыми весь Восток закрыт
был от Запада.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, ползла туча.
2. Вид ея, как вид дракона.
3. Она ползла на желто-черном брюхе,
4. с зловещим рыком разевала иссиня-черную пасть
на облачный город, —
на серебрянные ку́полы Иерусалима небесного.
5. Вспыхивали злым блеском маленькие глаза чудовища черного,
загорались недобрым пламенем.
6. Ядовитыми вспышками огненными злобствовало чудовище.
7. Ры́кало зловещими гро́хотами на облачный город.

1. Церковные две́ри были на́стежь распа́хнуты. Веяло торжественной
неизменностью.
2. «Иже херувимы»... та́яло под сводами.

3. «Серый взгляд» проходил мимо двери. Его тянуло зайти
внутрь.
4. Тянуло в вечную прохладу с жаркой и пыльной улицы —
суетливой.

1. Тянуло зайти в Церковь, но он колебался.
2. Он помнил о делах — о деловых визитах к нему,
которые предстояли.
3. Он боялся промокнуть. Гроза надвигалась.
4. И «серый взгляд» ускорил шаг, проходя мимо Церкви —
мимо.
5. Быстро шел вдоль стены — раскаленной —
раскаленной летним зноем.
6. Ноги увязали в полужидком асфальте — тестообразном.
7. И в голове снова мелькнуло:
8. «меня ждýт уже дóма — не пойду в Церковь».
9. Но тут «серый взгляд» рукавом зацепился за трубу
дождевую —
за проволоку.
10. Зацепился и невольно остановился,
11. «Церковь требует меня — зовет.
12. Если не пойду внутрь — зацеплюсь на ограде —
за стéну.
13. И навеки останусь среди оглашенных, среди
недоговоренных —
недосказанных».
14. «Серый взгляд» так был озарен мыслию; так в нем
подумалось.
15. Пýтался отцепить рубашку —
16. рубашку от проволоки на трубе
водосточной.
17. А в это время в нем думалось.

III

1. «Серый взгляд» был дома, — с матерью. Они сидели оба,
рядом.
Мать его шила что-то белое.
2. Теплая семейность охватывала; будто бурь и ненастья не было.

10. Заказ № 674.

3. Сидели рядом и перебрасывались ласковыми замечаниями.
Мать шила.

4. «Серый взгляд» не чувствовал себя одиноким, он сидел с
матерью рядом и разговаривал.

5. Но спокойность вдруг исчезла. С криком вбежала девочка — сестрица маленькая, любящая сказки.

6. Была в ужасе, не помнила себя; выкрикивала бессвязно, что
за ней *гонится*.

7. Вздрагивала и кричала на руках у матери маленькая
девочка —
сестрица.

1. Делалось страшно; почему — не понимали; друг от друга
скрывали.

2. Девочка сильнее вскрикнула: «вот она́ гонится». Была
в неистовстве.

3. Билась на коленях у матери...

4. В отворенную дверь впорхнула *бумажка* — белая, простая
бумажка — смятая.

5. Она была оборвана неро́вно и прижималась к по́лу, будто на нее давили —

6. прилипала, как наэлектризованная, — как намазанная
медом.

7. И быстро вертелась — быстро,

8. Как будто подхваченная смерчем или вихрем,
она быстро, быстро вертелась, — вертелась.

9. Медленно гуляла по комнате.
Описывала спирали. Приближалась к девочке медленно —
неуклонно.

10. Девочка-сестрица вскрикивала и билась на коленях
у матери...
Дрожала и была почти
в беспамятстве.

11. Всем становилось страшно, но почему́ — не понимали.

1. Бумажка вертелась, прижимаясь
к полу.
Медленно разгуливала по комнате, описывала спирали —
пологие.

2. Хотя это была простая бумажка — белая, смятая
в комочек.
Она приближалась неукоснительно.

1. «Серый взгляд» был бледен, но не терялся.
2. Встал решительно перед матерью, ее защищая.
3. Наклонился над бумажкою, — наклонился и воскликнул;
возвышая голос громко, он воскликнул:
4. «Если есть тут что-нибудь помимо физических энергий,
какая-нибудь злая сила — нечисть,
5. то во Имя Господа нашего Иисуса — Христа — Воскресшего
остановись — не вертись!»
6. «Серый взгляд» сделал крестное знаменье рукою.
7. Бумажка ста́ла, будто пораженная молнией, — вдруг.
8. «Серый взгляд» был бледен, потому что сделал напряжение.
9. Матери он «я так и думал! — прошептал —
10. так и думал, что нечистая сила вмешивается во все эти
явления».
11. Бумажка стоя́ла неподвижно; к полу не прижималась.
12. Даже не верилось, что раньше она была как живая.
13. Теперь она лежала на полу, распластавшись мертвенно,
лежала, как беспомощная тряпка.
14. Но «серый взгляд» знал теперь, в чем дело.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, наползала
зловещая туча.
2. Вид ее был вид дракона.
3. Она ползла по небу чернеющим брюхом.
4. Разевала гнусную пасть на небесный Город —
5. издавали злобное рыканье на жемчужные облачки.
6. А они выстраивались в боевую позицию на восточном
горизонте.
7. Серебрянными ку́полами вы́сились их вершины.
8. От контраста с тучей тьмы разгорались они
исступленнее.

IV

1. Ходили слухи — странные слухи, дикие.
2. Говорили, что солдатам даны новые распоряжения —
новые, небывалые,

3. что им разрешено обижать жителей всячески
4. и даже вменено им в обязанность.
5. Ходили слухи — туманные, тяжелые.
6. Говорили, что солдатам даны новые распоряжения — небывалые,
7. что им приказано распространять какую-то новую религию,
вводить новый культ.
8. Все это было странно, но никто не знал, откуда слухи берутся.
9. Говорили, но глухо, что они идут от спиритического общества,
10. а оно́ откуда́ брало́ их — было неизвестно.
11. Слухи расстилались удушливым туманом —
12. одуряли всех слушающих смутным беспокойством.
13. Чудилось, что в них — какая-то правда.

1. В народе шло брожение.
2. Циркулировали глухие вести — удушливые.
3. Какие-то мертвенные личности проповедывали новое царство,
которое скоро раскроется,
4. говорили, что с родственниками сви́дятся, умерших у́зрят,
5. отрешатся от законов природы и будут, как боги.
6. Проповедники были будто в трансе. Казалось, что ими владеет *что-то* чуждое-чужое.
7. Ли́ца их делались далекими-далекими,
холодно было глядеть на них.
8. Веяло от них могильной сыростью
и холодом.
9. Говорили, что устроит царство *он*, *Идущий* —
10. *Он* — вечно идущий вперед — не останавливаясь,
11. строящий башни до неба,
12. всех насыщающий,
13. *Он*, великий, как бог.

1. Народ глухо бурлил,
2. От темного недоверия бросался к ожиданиям —
к ожиданиям грядущего Царства.

3. А потом снова не верил, не принимал сердцем —
4. чуял неладное.

1. В тóлпах народа часто появлялась «пантера».
2. Она умела притворяться, — ворковала нежно-нежно.
3. Видимо, она чувствовала себя в своей сфере. Она
распускала козни.
4. Стягивала полчища нечистых, — легионы над городом.
5. Распоряжалась в центре и на правом фланге.
6. А на левом — был начальником писатель Гнилогубов.
7. Его специальность была — развращать детишек.
8. Нечистые стекались в Москву темным облаком.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, ползло брюхом
пó небу черное облако.
2. Казалось, что зверь плывет по синевé моря —
выходит из бездн морских.
3. Пауки быстро задвигали своими челюстями — зарабóтали.
4. Они оплетали паутиною — серою, — оплетали всю
вселенную.
5. В народе ходили глухие слухи, тревожные.

V

1. С тупым отчаянием изжитости раздавалась за воротами
унылая шарманка.
2. Пáрило невыносимо, почти прижигало. С раскаленной
мостовой
подымало клубы пыли.
3. Солнце жутко висело над головами — прямо в зените,
и теней не было.
Расслабленно ходили по улицам.
3. За-Москворечьем, в глухом переулке, тащился, изнемогая,
«серый взгляд» с почтенною дамою — со своею матерью.
4. «Почтенная дама» запыхалась от жары; она была полная и
в темном — в шелковом,
5. в темном шелковом, в плотном.
6. Но вдруг она ускорила шаги, схватив сына под руку.
Она увидела страшное.

7. Прохожие отворачивались, будто не видя.
8. А «почтенная дама» ускорила шаг. Было страшно — душно-жутко.

1. По торчащей горбами мостовой бежала женщина —
2. Женщина в желтом, в шелковом и с кружевами.
3. Путалась в длинном платье — в нарядном,
4. изнемогала в поспешности, была почти в обмороке и как безумная.
5. Шли солдаты, двое: почти бежали. По земле волочили, — волочили за руки другую,
нарядную и молодую. Она была в обмороке, как мертвая.
6. Солдаты волочили женщину в белом, — в пикейном; догоняли первую, в желтом.
7. Солдаты не помнили себя и обезумели.

1. Солнце стояло в зените, прямо над головами. Теней не было.
2. С тупым отчаянием изжитости надсаживалась шарманка.
3. «Почтенная дама» ускорила шаг, а прохожие отворачивались.
4. Проходили мимо и были довольны — втайне.
5. Они знали приказы, догадывались, что это имеет какую-то связь с христианством.
6. «Серый взгляд» увидел страшное. Остановился.
7. Позади шел священник, — скромный и робкий. Он проходил мимо.
Но «взгляд» загородил дорогу и громко —
8. громко воскликнул, подняв руку:
9. «Во Имя Господа нашего — Господа Нашего Иисуса Христа,
10. батюшка,
11. Отведите эту женщину, — мать мою, домой
12. скорее!»
13. И священник робкий просиял твердостью.
14. Не сказав ни слова, усадил «почтенную даму» в экипаж
15. и уехал...

1. «Серый взгляд», вдохновленный,
2. плачет, бросаясь к солдатам.

3. Обнимает их ноги — большие ноги — обливает слезами,
с рыданьями обнимает.
4. «Братья! — с рыданьями восклицает, —
5. Братья! Христа вы забыли... забыли...
6. Братья! Если кто соблазнит... легче... жернов осельский...
7. Вы хóчете худшее, братья! Христа вы забыли!»..
8. И вдруг он поднялся — поднялся и голосом властным
пророка
и грозно вперед наступая,
воскликнул:
9. «Христа вы забыли! — во Имя Иисуса
Христа и Господа Бога
10. *должны* вы сейчас же оставить
сестер —
вот этих сестер!..»
11. Но он не докончил, как оба солдата,
бледнея, упали на Землю и, плáча,
со стоном
12. себя обвиняли в служении бесам —
себя и начальство,
которое им разрешило.
13. И плача, со стоном
рыдая,
14. лежали на пы́ли.

VI
(Lento с акцентуацией)

1. Какие-то бесконечные коридоры... было полутемно, — серо.
2. Какие-то бесконечные коридоры гулко перекликались.
3. Бездна призывала бездну жуткими гулами.
4. Хáос призывными стенаниями стонал у свода.
5. Лампы висели — кровавыми ранами Хáоса.
6. Жутко нависали в коридорах посеревших низкие потолки.
7. Они будто падали на голову, когда по коридорам ходили
быстро.

1. В бесконечных серых корридорах шаги отдавались
гулкими раскатами.
2. Сновали взад и вперед серые фигуры, — с искаженными
лицами — перекошенными.

3. Глаза потускнели безжизненно, будто оловянные.
4. А ли́ца фигур были серо-запыленные.
5. Это сновали солдаты.

1. Длинные тени подымались, опускались по́ стенам.
2. Прозрачными щупальцами бесшумно всползали к
притолокам.
3. Ширяли и трепетали полусветы ла́мповые, —
у при́толока.
4. Отвратительными гадинами, — полу-прозрачными, —
вдоль стен скользили призраки.
5. С гулкими перекатами отрывались стуки каблуков
о́т полу, —
каблуков, подбитых подко́вами.
6. Солдаты суетливо сновали взад и вперед и были,
как мертвые.

1. Солдаты таскали евреев на спи́нах — таскали за ру́ки и
за́ ноги.
2. А те, обезу́мев от страха, не могли даже и крикнуть,
и только белели —
3. белели, как кусок зеленоватой штукатурки.
4. Евреев таскали за ру́ки и за́ ноги, — выкидывали евреев
они за окошко.
5. Солдаты были на конце коридоров.

1. «Серый взгляд» догонял солдатов. Он знал, что это —
негласное преследование
2. за то, что Израиль высказал гадливость — бормотал
«шикку́ц» и «тоэ́ва»,
3. когда звали его к новому культу.
4. «Серый взгляд», догоняя, ударялся головою о́ стены.
5. Он упрашивал и умолял солдатов оставить евреев.
6. «Яко вверена быша им словеса Божия»*.
7. «Серый взгляд» хватался за солдатов.
8. Задыхаясь говорил, что «весь Израиль спасется»...

* Римл 3. 2 (*примечание П. А. Флоренского*).

1. Бесконечные коридоры гулко перекликались.
2. Хáос звал хáос и бездна — бездну.
3. Ширяли полупрозрачные тени.
4. Но солдаты конфузливо слагали свою ношу.
5. Конфузливо поглядывали друг на друга.

Глава третья
Прозрачность

(Часть братии уезжает в горы и там живет некоторое время. Горы очень высокия, почти на высоте снежной линии. Но снег еще не успел растаять).

I

1. «Когда увидите знаменья эти, — бегите в горы вы...»
2. Отвесными лучами прибивало к земле зловеще-глядящее солнце.
3. Пронизывало злым светом. Не давало тéней.
4. Толстыми слоями лежала пыль на улицах. —
Неподвижная, мертвая, раскаленная. —
Как металлические опилки, тяжелая.
5. Не вздымалось на улице даже перышко. Атмосфера сделалась будто твердой —
так была неподвижна.

1. «Когда увидите знамения эти, — бегите в горы вы».
2. Как удáром вспомнились слова забытые:
3. «бегите в горы вы — в горы!»
4. Жгучим лучом прессовалась пыль на тротуарах.
5. Ходили по пыльной настилке бесшумно, — оставляя только следы,
вдавленные в мягком.
6. Мягко поддавался под каблуком растопленный асфальт.
Нога погружалась в панель, как в тесто.
7. Атмосфера отвердела и не шелохнулась. Солнце сжигало злым светом.
8. Неподвижно торчали запыленные листья на деревьях — жестяные —
как вьюнок на могиле.
9. Казалось, что листья раскалены злобным жáром, — обжигают.

10. Жуткою расплавленною каплею нависало солнце
над городом.
11. «Бегите в горы вы — в горы!»

1. Губительно-злым шаром нависало солнце — в зените.
2. *Трое* вдруг собрались в горы, — бежали.
3. Один из них был «серый взгляд», а другой — «святая вода».
4. Третьим бежал с ними писатель «Зеленый».
5. Впрочем, он горел в огне творчества — сгорал
и возрождался
в лучшем виде. Это был новый Феникс.

1. Поезд вился по излу́чистым зигзагам, — тяжело пыхтел,
подымался в горы —
2. в горы...
3. Трое ехали в поезде, — были вместе.
2. Ликовали и радовались чему-то.
3. С ними был Кто-то — Милый.
4. Говорил в стуках поезда, — успока́ивал.

1. Трое собра́лись внезапно; они были одеты плохо,
не захватили вещей и денег.
2. С ними были только образки́ — Спасителя — в коробочках.
3. Коробочки висели на шее.
4. Трое чувствовали на себе коробочки и радовались.
5. Знали, что они не одни, что с ними Кто-то —
Милый.
6. Извивался по уступам гор поезд — пыхтел
и останавливался.
7. Подымался выше и выше. Холодало.
8. Ехали уже́ в туманах. Накрапывал дождик.
9. Было темно и поздно —
10. и поздно...

1. Трое чему́-то радовались, хотя уезжали в неизвестность —
в го́ры.
2. Прижимали по временам к груди коробочки — незаметно.
3. Ласково переглядывались в молчании и про себя шептали:
«Милый»!..

4. Это было как-будто смешно, фамильярно немножко —
немножко.
5. Но ведь они были, как дети, а Христос говорил ласково
и тихо.
6. Маленькие дети притихли, — говорили в ответ:
«Милый!»
7. И переглядывались радостно, как дети...
8. Как дети...

II

1. Поезд подымался все выше —
в горы.
2. А потом стал. Надо было высаживаться — ждать другого
поезда.
3. А потом ехать еще выше —
в го́ры.
4. Вокзал стоял в пустынном месте, — гостиницы
не было.
5. Кругом было тёмно
и грязно.

1. Вокзал стоя́л в пустынном месте, далеко́ от людских
поселений.
2. Кругом было грязно и тёмно. Кругом — леса сосен
мрачных.
3. Трое ходили по платформе, — ждали: надо было провести
всю ночь, дождаться у́тра.
4. Трое ходили по платформе, ожидая; разговаривали
с другими
ожидавшими.
5. Ходили, как все, но внутренно ликовали
и радовались.

1. «Я попрошу вас уйти отсюда — с платформы, — сказал им
один
из жандармов, —
2. Попрошу вас расчистить платформу!»
3. «Неужели нельзя нам остаться! — Куда ж нам деваться?» —
возразил один из пассажиров.

4. Он был старик, ежился от холодного ветра и нахохлился.
5. «Обратитесь к начальнику. Ничего не знаю. Уходите...»
6. Обратились к начальнику с просьбой. — «Нельзя. Уходите... Очистите вокзал поскорее».
7. — «Куда ж нам деваться?» — «Не знаю, не знаю: мое ли тó дело?» — «Позвольте...»
8. — «Вокзал есть вокзал — не гостиница, правленье железной дороги не есть учрежденье благотворительное.
9. Прошу разойтись...»
10. И все вышли. С ребенками матери бедные, с узлами, хурджинами.
11. Не знали, кудá им деваться. Лил дождик и было туманно.
12. Пронизывал холод, нé было, где бы укрыться.
13. Вокзал запирали, но лишь из каприза, и целую ночь суетились внутри там люди, ходили и спорили громко,
14. дневную получку за вúна мéжду собой разделяя и споря.

1. Было темно и холодно. Сквозь редкий туман лил дождик — горючие слезы седых небес.
2. Ветер шумел сосновым бором черневшим. И было так жутко.
3. Качались черные громады своими телами — шумели.
4. Бледный лик Старика глядел из-за облак на землю — и плакал над бóром.
5. Холодный ветер разметывал поседевшую бороду — трепал серебристые пряди.
6. Бессильно ломал изможденный руки над миром и плакал — и плакал над миром Старик.
7. И горестным стоном терялись призывы в пустынных ущельях:
8. «О сын мой! О блудный мой сын, приходи.
9. Тебя возлюбил Я— сы́на второго, — ты знáешь...
10. Родного Я в жертву принес... Приходи...
11. И все позабыв, все отдав, Я тебя, о мой сын, ожидаю.
12. Ужель и Меня́ не жалеешь — от *горя* Я сед — Старика!»
13. Над бором лилися дождем бессильные слезы.
14. Качалися черных громад тела и шумели...
15. Шумели...
16. Шумели...

1. Все путешествующие были полусонные и мокрые. Дремали на своих узлах нахолодавших.
2. Лепились вдоль стен под карнизом крыши.
3. Изредка перебрасывались сочувственными фразами.
Удивлялись
начальникам. Сердились. Бурчали, но с покорностью.
4. Трое ходили вместе, а иногда порознь.
5. Радовались, что терпели непогоду и холод
имени Христа ради.
6. Они бы могли ото всего этого избавиться, если бы сказали
о себе начальнику.
7. Он с тщеславным удовольствием оказал бы им всякие
услуги,
потому что у них — у троих — были связи;
родственники их были чиновные.
8. Но трое не хотели отделяться от своих братьев — остальной
публики, бедной.
9. А потому молчали, ничего не говорили. Они радовались, что терпят Христа ради.
10. И всю ночь молились, ликуя, хотя было холодно,
и они промокли.
11. Это было немножко смешно — немножко,
12. но ведь они были маленькие дети —
дети.
13. Для них казалось это чуть ли не подвигом Христа ради.
14. И они радовались пустяку, как дети.

1. Трое протягивали руки к седому небу и напевали,
прозябшие,
как дети:
2. «В безднах темных пространства затерянный крик:
— Наш Отец... О Родной...
мы одни...! —
3. И растерянно-бледный глядит скорбный Лик.
Пред всемирной стеной —
те ж огни.
4. Растянувшийся в выси безотвучный миг
Вихри рвут с сединой.
Мчатся дни.
5. Многолетнею скорбью объятый, на зов
Он молчит.
И над сонмом пустынных и мертвых миров

Он беззвучных и грустных струй жемчугов
с вечной скорбью точит.
6. Чрез созвездья мигающих в бездне миров
Стон несется без слов —
Стон к Родному: Отец, ей гряди! —
7. С гóршим стоном доносится гóлос Отцов:
«Подожди!..
8. О, мой Сын, о мой Сын! Я тоскую и плачу давно,
Тебя жду — тебя жду я века.
9. Все по-прежнему Сына люблю Я равно.
Пожалей же Меня, Старика!»

1. Трое тихо напевали, протягивая мокрые руки.
2. Ветер качал черными соснами. Разносил туманы.
3. Моросил мелкий дождик. Светало.
4. Свежо стало совсем; и холодно.
5. Трое дрогли от холода, но всé еще молились.
6. Вытаскивали по-временам коробочки, — смотрели
на образочки,
7. смотрели на образочки Спасителя с дрожью, как дети,
8. они были рады, так рады.
9. Далеко — далеко прокричал за бором петух,
звучно ликуя,
10. прокричал свое «кý-кý-реккý» — рáдостно.
11. Где-то пошли́ перекликаться петухи друг с другом,
звучно ликуя —
12. звучно...
13. А над миром упадали последние слезинки — Старика.
14. Начинался рассвет и рассеяние небесных
покровов.

III

1. Трое жили на вершине, возле снега.
2. Каждый день вместе молились, доставая свои образки из
ладанок.
3. Ставили на какой-нибудь скале образки и poste-carte'у —
poste-carte'у с Васнецовской Богоматерью.
4. Молились.
5. Это было немножко наивно. Но ведь они были как дети —
маленькие дети.

6. Прерывистые слова молитвы сменялись установленными молитвословиями.
7. А они сменялись гимнами — гимнами и стихами — импровизациями.
8. Трое сами сочиняли акафисты.

1. Трое стóяли на коленях, среди голубых незабудок.
2. Незабудки заливали всю полянку, выглядывали детскими глáзками.
3. Их обрамляли янтарные лютики — бусы разорванных четок.
4. А повыше росли поля рододендронов — темнолиственных, глянцевитых с белыми букетами, — венчальными.
5. Трое говорили, что это — символ: белое, как синтез золота с лазурью — нежною лазурью небесности.
6. «Золото, — несся писатель "Феникс", — Золото — это Христово, а Лазурь — Лазурь — пьянящее питье Софии.
7. Золото и Лазурь — цвета взаимнодополнительные. Синтез их дает *Белый*.
8. Белый — цвет грядущего, цвет Союза брачного, брака Агнчего Христа с Софией.
9. Белый — цвет просветленной Женственности, цвет Богочеловечества, цвет Церкви —
10. Цвет всеобщего восстания — свидания Милых, сияющих льном и снегом, дня восстания из мертвых, сияющего ласковой жемчужностью!» —
11. «Феникс» пламенел святым восторгом, светился на солнце.
12. А солнце ему втóрило улыбками.

1. Горный воздух был кристальным, холодно-чистым, пьянящим своею святостью.
2. Серебристо вливался в уши он, затекал за одежду очистительными стрýями.
3. Чистыми струями журчал ручеек по граниту, ниспадал булькающими водопадами.

4. Лука — «святая вода» журчал у источника, освящал его своею прозрачностью чистою.
5. Голоском тоненьким читал молитвы — голосок струился в прозрачном воздухе, растекался лучисто над незабудками.
6. Смешивался с хрустальными колокольчиками — ключевыми переливами.
7. А ручеек на молитвы серебристо звякал — тоненькими цветочками.
8. Писатель «Феникс» декламировал набор слов — звукоподражательных.
9. Нельзя было определить, думает он у Луке или о ручеечке.
10. «На гранит
струей кристальной
льется ток:
ручеек
струной хрустальной
зазвенит.
11. Во тьме бежит
ключ ясно-чистый,
как и днем.
Мы уснем
с звездой лучистой, —
он журчит.
12. И скользит,
ластясь атласом,
вдоль кремней.
У камней
сребристым гласом
вновь журчит».
13. Это был набор слов, но «Феникс» был в восторге и не думал, что́ говорит.
14. Трое сели за братскую трапезу над ручейком. Были одни только сушки.
15. Но больше ничего и не хотели. Ведь они были вместе, любящие.
16. И трое прислушивались к журчанию. А «святая вода» журчала житие Серафима.

1. В брачных венцах — рододендроновых и снежных —
стояли вершины.
3. Восторженно распевали *трое* молитвы и гимны —
застывали в холодном восторге и радости.
4. А потом восклицали друг другу с любовью, с прозрачным
смехом.
5. И «святая вода» журчала голоском то-оненьким:
«где двое или трое во Имя Мое...» — а за нею повторяли в тихой
преисполненности.
6. «Нас трое, именно *трое* — и вот Он с нами. Он с нами.
Слышите?..»
7. Захлебывались, что — *трое,* — в детской радости.
8. Они начинали говорить почти невразумительно, —
восклицаниями.
9. Едва-едва намекали, но друг друга понимали — будто дар
языков
сошел на них.
10. И они понимали друг друга с полуслова
и радовались.

1. Трое подымались медленно на холмы. Распевали какие-то
песни.
Песни были нескладны, но выражали их настроения, их историю.
И они пели «песни восхождения».
«Идем без дороги
выше и выше —
все тише.
Гнутся усталые ноги.
Воздух все реже,
и, пьяно качаясь,
кружится мир, накреняясь.
Скалы все те же...
порывы
радости жуткой
напрасны.
Камень, срываясь, катится гулкий
в обрывы.
Прекрасны
каменно-льдистые,
холодно-чистые
кряжи и скалы.

грохочут порою каменьев обвалы —
        лавины.
Мы здесь одиноки,
а красные сосны родные и ели — с седой бородой исполины
        далеки,
и нету живого средь скал.
Зловеще-пронзительно, резко вдруг хищник пернатый внизу прокричал.
Сине-зеленая пропасть разверзнула зев.
        Фисташко-зеленых,
                и серых, и желтых
                        всюду покров
                                лишаев.
А в черной лазури
        окно в Бесконечность.
                Без бури
                        золота льется
                                в окошко
                                        колонна, —
                                                то́ Вечность —
                                                        Мадонна, —
                                                нам за окошком
                                        смеется.
Несутся порывы
        тумана —
                седого,
                        сырого
                                обмана —
                                        и застят нам солнце. —
Как пыль на червонце,
        нависла завеса.
        Не верьте.
        Не верьте
        обману:
        то — знаю —
        проделки нечистого беса,
и, видя, не видьте тумана!..
        Взываю,
и лишь прокричал, как раскрылся туман,
колышется в бездне седой океан.
Грядой подымается выя...

Белея на солнце, играет
        И волны сырые
        На Вечность хаосом вздымает
            туманное море,
и, ветру внезапному вторя,
        сгибаяся, хлещет,
        и дымные клочья бросает,
        и мутностью плещет.
Стремимся
        мы выше, все выше.
Уж тише
        порывы тумана,
        и мы не боимся.
Вот рана
в груди у Хаоса коварной
зияет,
и он умирает,
копьем лучезарно — шафранным
пронзенный.

Ликуя
и бранным
задором тогда упоенный,
над бездной
склонился.
Забылся
и Хáосу дерзко кричу я.

Вот... Вот, как-то боком,
к скале прижимаясь,
        из пáра
ползет к ногам локон,
        свиваясь
            от жара.
И, весь холодея,
взываю:
“все, — все обещаю!..”
Но тает белеющий савана клок
                    у ног».

* * *

Пробрались!
Внизу, злобой полны,
молочные волны,
как спины,
горбами вздымались.
Но стрелы
лучистые
смело
над нами в долины
помчались,
взрыхляя
туманы; волнистые
ватные хлопья
срывая.

И саван поплыл лоскутами
куда-то,
куда-то
в безвестность.
Обрывками полна пред нами
окрестность.

И мутных фигур вереницы
из дыма,
как птицы,
на юг улетают
и, лик херувима
порой принимая
и тая,
кивают.
Нас ласково-лживою манит
улыбкой
чуть зыбкой
процессия духов туманных;
колена склоняя,
наверх руки тянет,
молитв для обманных
слагая...
Вот зерен жемчужных,
попарно

пронзенных лучом золотистым,
на высях янтарно-
воздушных
монисты!

Иду́т, все иду́т.
О, сколько!
Проносятся плавно —
по рекам воздушным плывут.
Уж только
с улыбкою жалко-позорной
прощально
кивают и в светлости тают...
Покорно
смиряясь пред Вечностью,
Ее отражают —
сверкают
Ее Бесконечностью...

Любви победило
лучами
и брызнуло ярко
светило
над нами,
и кровию жаркой
утес оросился —
смягчился.

Вот снята перчатка —
покровы,
и новый
нам мир выступает.
Касатка
летает.
И мирно —
сапфирно
синеют
нам дали.
Поля́ янтаре́ют
аза́лий...

КОММЕНТАРИИ

Поэма «Эсхатологическая мозаика» относится к числу незавершенных произведений Флоренского. Работа над поэмой началась в 1904 году в период тесного общения Флоренского с кругом московских символистов, прежде всего — с Андреем Белым. В Записной тетради она названа рассказом. Видимо, ее превращение в произведение, построенное в жанре симфоний Андрея Белого, произошло не сразу, и, надо сказать, различные части поэмы в разной степени отвечают этому жанру. Но влияние симфоний не вызывает сомнения. К этому времени была опубликована «Симфония (2-я, драматическая)» (М., «Скорпион», 1902), вскоре появилась «Северная симфония (1-я, героическая)» (М., 1904), на которую Флоренский откликнулся в рецензии «Спиритизм как антихристианство» («Новый путь», 1904, № 3; историю публикации рецензии см. подробнее в примечаниях к переписке Флоренского с Мережковскими в настоящем томе).

В рецензии Флоренский изложил собственное представление о значении и смысле жанра симфоний. «У речи обыденной, — писал Флоренский, — имеются свои задачи: требуется выражаться кратко, или не повторяться и т. п. Все такие условия препятствуют свободной кристаллизации речи, и получается вследствие этого неправильно сложившееся, аморфное звуковое тело. С другой стороны, стихотворная речь налагает свои стеснения; тут требуется певучесть, рифма, ритм; все это уже *необходимо* и своею неподатливостью жмет речь, являясь для нее чем-то внешним, извне накладываемым и чуждым самой сути фразы. Эти требования опять мешают правильной организации речи как речи; если ее предоставить себе, то стих будет неудачен; если же нет, то преобладает внешняя форма, содержание же отступает на второй план, являясь аккомпанементом (Бальмонт). “Симфония” А. Белого есть попытка устранить все возмущающие причины и дать речи выкристаллизоваться в свободной среде, дать возможность для молекулярных сил языка идти по их естественным путям и сложить организованное *изнутри* целое, а не аморфную массу. Одним словом, тут идет речь об искусстве *чистого слова* и, как симфония в музыке есть музыка по преимуществу, чистая музыка, так и произведение А. Белого является опытом *слова* по преимуществу перед всеми другими видами поэзии. Это — требование свободы; но не свобода произвола, а признание, что речь как таковая сама по себе есть нечто ценное и гармоничное *в своих особых законах*, что она может иметь собственные цели — вот каким требованием задается, по-видимому, А. Белый. Поэтому, если внутренний дух фразы требует рифмы — появляется рифма; но это не навязанная, так ска-

зать, рифма, а необходимая ⟨...⟩ Точно так же появляется естественно, в силу внутренней гармонии языка, аллитерация; то же надо сказать и о чисто-внешней ритмичности. ⟨...⟩ Но главный ритм в "Симфонии" — внутренний ритм, ритм образов, ритм смысла. Этот ритм напоминает возвращаемость темы или отдельной фразы в музыке и заключается в том, что зараз развиваются *несколько* тем различной важности; внутренне они едины, но внешне — различны. И вот такие темы перемежаются и разделяются друг от друга только паузами. Но так как нет постепенных переходов от одной темы к другой — тёмы как бы перебивают друг друга, то необходимо помимо внутреннего объединения и некоторое внешнее; это достигается повторением некоторых фраз-стихов»[1].

В рецензии Флоренского жанровые особенности симфоний иллюстрируются примерами из «Северной симфонии» А. Белого, но можно было бы эту характеристику проиллюстрировать и примерами из его собственной поэмы «Святой Владимир», где также развивается несколько внутренне единых, но самостоятельных тем, которые переплетаются между собой по законам, родственным законам музыкальных симфоний. Однако, констатируя очевидную зависимость поэмы от симфоний Андрея Белого, нельзя не отметить, что тяготение к использованию музыкальных форм было присуще Флоренскому изначально, скорее само это тяготение послужило причиной его интереса к жанру симфоний. Во вступительном слове перед защитою на степень магистра книги «О Духовной Истине» (1914) он так говорил о строении своей книги: «...Диалектическое развитие мысли не может быть представлено простою одноголосою *мелодией* раскрытий ⟨...⟩ Диалектика есть развитие не одной темы, а многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга, и снова вступающих. ⟨...⟩ В диалектике лишь контрапунктическая разработка основных мелодий дает жизненно углубиться в предмет изучения»[2]. Таким образом, контрапунктическое строение поэмы «Святой Владимир» появляется как результат поиска жанра, наиболее адекватного собственной мысли. Итогом этих поисков применительно к дореволюционному периоду творчества стала книга «Столп и утверждение Истины». Прелюдия в поэме «Святой Владимир» построена как обращение, письмо к другу, в ее интонациях угадываются некоторые черты «писем к другу» из «Столпа». Прелюдия создавалась еще до знакомства с Сергеем Троицким, но напряженная патетика обращенных к нему писем «Столпа» присутствуют уже в «Святом Владимире».

Содержание поэмы Флоренского связано с именем Владимира Соловьева, образ которого неоднократно возникает на ее страницах (как впрочем, и на страницах Второй симфонии А. Белого). Упоми-

---

[1] Собр. соч. Т. 1. С. 137—140.

[2] Соч. Т. 1 (2). С. 826.

нание о возможной канонизации Соловьева, эпизод посещения его могилы — не случайные, а центральные темы поэмы, написанной в период, когда увлечение Флоренского идеями Соловьева достигло своего апогея. Идеи Соловьева стали той почвой, на которой произошло его сближение с символистами, и эта связь отразилась в поэме, как бы написанной на языке символистов, повторяющей их темы и воспроизводящей бытовую и творческую атмосферу их московских кружков; отдельные символисты появляются на ее страницах под собственными или вымышленными именами. В силу этого поэму «Святой Владимир» следует назвать наиболее ярким отражением его близости к символистам.

По возрасту Флоренский и «младшие символисты», или соловьевцы, принадлежали к одному поколению. Интерес к идеям Соловьева возник у Флоренского приблизительно в то же время, когда его идеи открывали для себя Андрей Белый, Александр Блок, а также позднее примкнувший к ним Сергей Соловьев, и когда старшие символисты — Валерий Брюсов, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Федор Сологуб и Константин Бальмонт осознали необходимость сближения с этим новым поколением. Особенно многое объединяло Флоренского с Андреем Белым: в гимназические годы Флоренский, как и Белый, пережил увлечение естественными науками. Как и у Андрея Белого, увлечение окончилось мировоззренческим кризисом, после которого, как писал Флоренский в воспоминаниях, «тончайший луч, который был не то незримым светом, не то — неслышанным звуком, принес имя *Бог*»[3].

С этого момента его самоопределение протекало под знаком идей Владимира Соловьева. О главном пункте собственной программы Флоренский писал 3 марта 1904 года матери: «произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с церковью, но без каких-либо компромиссов, честно восприняв все положительное учение церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности»[4]. Идею синтеза религии и культуры активно пропагандировали в эти годы старшие символисты — прежде всего Гиппиус и Мережковский, организовавшие на рубеже веков Религиозно-философские собрания и издававшие журнал «Новый путь». Пытаясь сблизиться с Церковью, Андрей Белый совершал поездки с матерью в Саров, его попытки стать духовным чадом епископа Антония (подробнее об этом см. далее во вступительном слове к переписке Флоренского и А. Белого, а также в статье: *Игумен Андроник*. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник свя-

---

[3] Об этом подробнее см. главу «Наука» в кн.: *Флоренский П.* Детям моим. М., 1992. С. 211.

[4] АФ.

щенника Павла Флоренского // Журнал Московской патриархии. 1981. № 9. С. 71—78; № 10. С. 65—73); Алексей Петровский, а позднее и Сергей Соловьев поступали в Московскую духовную академию. Религиозные настроения в среде младших символистов складывались под влиянием Соловьева (кстати, некоторое время состоявшего вольнослушателем МДА), и не случайно в поэме «Святой Владимир» он предстает в роли пророка, Иоанна Крестителя нового мира.

Вспоминая позднее о своем знакомстве с Флоренским, Андрей Белый назовет его, Владимира Эрна и Валентина Свенцицкого (соответствующие цитаты приводятся во вступительной заметке к переписке) «тройкой апокалиптиков», подчеркивая то значение, которое для Флоренского и его друзей имели в этот момент эсхатологические идеи Владимира Соловьева. Наиболее ярким отражением этих идей следует назвать поэму «Святой Владимир», герои которой в соответствии с пророчеством «бегут в горы», ясно различив знамения приближающегося конца времен.

На страницах «Святого Владимира» обсуждается еще одна тема — предстоящая канонизация Владимира Соловьева. Сначала как толки простолюдинов, которые слышит Серый взгляд («Был такой человек. Он все напророчил. Вот, грит, антихрист идет. Готовься, царь православный...» и т. д.), потом в беседе Белого мистика и Некоего (в последнем различимы черты Алексея Петровского, письма которого к Флоренскому также публикуются в настоящем томе). Наконец, еще один герой поэмы — «только контур» — приходит на могилу Соловьева незадолго до смерти. О постоянных посещениях могилы Соловьева писал в своих воспоминаниях Андрей Белый.

Через Андрея Белого Флоренский познакомился с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, в журнале которых «Новый путь» уже были опубликованы статьи Флоренского (подробнее см. в материалах их переписки в настоящем томе); в поэме «Святой Владимир» он оставил любопытные зарисовки их быта, сделанные под тем же углом зрения, что и во второй симфонии А. Белого.

В черновых записях Флоренского сохранился записанный им отзыв: «С. М. Соловьев указывал недостатки: 1) иногда слишком большую списанность с действительности и недостаточную творческую переработанность; 2) слишком частое повторение лейтмотива; 3) непонятно названье "только контур" и имеет характер аллегоризма. Поэтому надо его объяснить сначала яснее»[5].

Указание на «слишком большую списанность с действительности» побуждает искать прототипическую основу персонажей поэмы, но отсутствие прямых авторских указаний ограничивает возможности поиска. Некоторый материал для сопоставлений дают воспоминания Андрея Белого, где жизнь кружка символистов этого периода

[5] АФ, набросок на полях черновика поэмы.

описана наиболее подробно. Отдельные пассажи из воспоминаний Андрея Белого «Начало века» содержат очевидные переклички с поэмой Флоренского. Например, глава «Профессора, декаденты», где описаны собрания в доме отца А. Белого, профессора Н. В. Бугаева: здесь наряду с гостями отца — профессорами и их женами собирались друзья Андрея Белого — поэты-символисты Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Сергей Соловьев, Алексей Петровский. Но при всей заманчивости сопоставления, приходится учитывать, что Флоренский стал посетителем воскресений Андрея Белого уже после смерти его отца, и речь может идти только об общей атмосфере этих собраний, которую он застал. Описание в воспоминаниях Андрея Белого приезда в Москву Мережковских напрашивается на сопоставление с тем, как их приезд описан в «Святом Владимире».

Некоторые совпадения подробностей поэмы с воспоминаниями Андрея Белого могут быть отнесены к разряду случайных, но все-таки заслуживающих внимания. Например, эпизод пробуждения «человека, чертящего контуры» во второй главе первой части «Святого Владимира» заманчиво сопоставить со следующим эпизодом из воспоминаний Андрея Белого «Начало века»: «Сколько раз пробегал я в гостиничный коридор; с тоскою врывался в снимаемый Эллисом номер; заставал его спящим, бывало, усаживался на краю тюфяка; будил и жаловался: на свои обстоятельства...»[6]. Но, отмечая подобные совпадения, мы осознаем их условность, прямые отождествления здесь вряд ли уместны.

Сказанное относится и к поискам прототипов отдельных персонажей. Легко раскрываются только шаржированные портреты, например, Зеленого, в котором присутствуют черты Андрея Белого, Красного — здесь сразу приходит на ум рыжеволосый и краснолицый Бальмонт. Столь же явно герой с именем Пантера заставляет вспомнить один из псевдонимов Валерия Брюсова — Пентауэр, а также его портрет в воспоминаниях Андрея Белого: «Исключительный “зверь” — неуютный; его не дразни: под себя подомнет, сев в засаду»[7]. Персонаж с именем Гнилозубов — Сологуб, лягушонок — Мережковский. Труднее с определением таких персонажей, как Серый взгляд, Только контур и Человек, чертящий контуры. Во всех трех присутствуют автобиографические черты Флоренского, но есть и черты других людей. Например, в Сером взгляде возможно проглядывают некоторые черты Сергея Соловьева, особенно если вспомнить его портрет в воспоминаниях Андрея Белого: «...задумчивость нечеловеческих просто глаз, казавшихся огромными, сине-серыми, сине-серыми, с синевой под ними; вид отлетающий от земли...»[8].

[6] *Белый Андрей.* Начало века. С. 57.
[7] Там же. С. 173.
[8] *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. С. 341.

Персонаж с именем «контур» заставляет вспомнить, что это слово в эзотерическом словаре символистов имело особый смысл, о чем Андрей Белый писал в воспоминаниях «Начало века», приводя эпизод из своих отношений с Эллисом: «Он укреплял во мне миф обо мне: будто я потерял свою тень; и она-де контуром бродит где-то; раз ночью я бегал по улицам; Эллис явился ко мне: не застав меня, меня ждал; мать спала уже; вдруг ему показалось: в комнате — кто-то; обертывается и видит-де: черный контур. Бросился через переднюю к выходу, позабыв закрыть дверь»[9].

Очень многое другое, также вобравшее в себя духовную атмосферу русского символизма, так и останется зашифрованным, поскольку ключ к шифрам утерян. Поэтому, приводя в комментариях некоторые сопоставления с произведениями символистов либо с автобиографическими записями Флоренского, мы отказываемся тем не менее от прямых отождествлений.

В целом же поэма «Святой Владимир» занимает в творческом самоопределении Флоренского такое же место, как и его стихи: это своего рода дневниковые записи, словесная фиксация мистических переживаний 1904 года — времени, когда его дружба с Андреем Белым переживала свой апогей, как и сближение с кругом символистов.

Но в отличие от стихов в поэме все события осмысляются в едином, если так можно выразиться, «соловьевском» ключе. Фиксируя факты жизни тех лет, Флоренский изображает их под «соловьевским» углом зрения. Реальность для него «просвечивает», сквозь обыденные события открывает некий сверхреальный смысл, «отблеск искаженный торжествующих созвучий».

В этом отношении поэма «Святой Владимир» занимала в творчестве Флоренского то же место, что и симфонии в творчестве Андрея Белого. Поступление в Московскую духовную академию и переезд в Сергиев Посад стали началом расхождения с символистами, хотя, как показывает публикуемая в настоящем томе переписка, отношения с некоторыми из них поддерживались и в дальнейшем. Но тот факт, что поэма осталась неоконченной, — свидетельство перелома в его миросозерцании, начавшегося в стенах академии, — перелома, который уводил его на новые духовные пути.

Позднее в письме к В. А. Кожевникову Флоренский назвал поэму «Эсхатологическая мозаика» «завершением катартического периода», то есть периода, когда он совершал «расчистку души от современности»[10]. Под современностью он и подразумевал здесь недолгий период сближения с символистами.

---

[9] *Белый Андрей.* Начало века. С. 59.

[10] Вопросы философии. 1991. № 1. С. 108.

Поэма «Святой Владимир» печатается по черновому автографу из АФ. В написании имен действующих лиц автор обнаруживает колебания: они пишутся то с прописной буквы, то со строчной, то в кавычках, то без. При публикации мы сохранили особенности подлинника, не прибегая к унификации. Пояснение музыкальных терминов приводится в конце комментариев.

Вербы — так назывался рынок, который открывался на Красной площади в канун Вербного Воскресенья, то есть накануне праздника Входа Господня в Иерусалим, приходящегося на последнюю неделю Великого поста, накануне Пасхи.

«*...петухов, слышь, запретят...*» — по народным поверьям, петух, возвещающий о восходе солнца, конце ночи и начале дня, обладает властью над нечистой силой, опасной от полуночи и до первых криков петуха.

Петра апостола... петух обличил... — имеется в виду евангельский эпизод отречения Петра. На Тайной вечере Христос, предрекая ожидающие его страдания, предрек апостолу Петру, что он трижды отречется от Него, прежде чем пропоет петух. Когда Христос был взят под стражу, Его повели на суд к первосвященникам, апостол Петр следовал за Ним. Служители в доме первосвященника узнали его, но трижды спрошенный ими, не из учеников ли он Иисуса Христа, апостол Петр трижды ответил им, что не знает этого Человека. В момент третьего отречения запел петух, и, вспомнив слова Христа, апостол Петр горько заплакал о своем тяжком грехе (Мф 26. 69—75). По церковному преданию, апостол Петр в продолжение всей остальной жизни при полуночном пении петуха становился на колени и, обливаясь слезами, каялся в своем отречении.

«*Милый друг, иль ты не видишь...*» — цитируется стихотворение Вл. Соловьева (1892). Сравни цитату из этого же стихотворения в письме Флоренского Андрею Белому от 18 июля 1904 года в наст. изд.

...у них в воскресенье jour-fixe'ы — *jour-fixe* (*франц.*) — *букв.* постоянный день, т. е. день, когда принимали гостей. Как уже говорилось в преамбуле, далее в описании журфикса многие подробности совпадают с описанием воскресений в доме родителей Андрея Белого, известных по его воспоминаниям «Начало века», где знакомые родителей, московская профессура встречалась с молодыми литераторами-символистами, знакомыми Андрея Белого. Среди присутствующих на журфиксе узнается сам Андрей Белый, выведенный под именем Зеленый, Валерий Брюсов (Пантера), защищающий спиритизм, и знаменитый поэт — Бальмонт. См. также цитату из письма Флоренского к матери (с описанием посещения воскресенья у Андрея Белого) в преамбуле к переписке Флоренского и Белого в настоящем томе.

...о разных воды превращеньях в природе... — возможно, имеется в виду раздел «Четверогласие стихий» в сборнике стихов К. Бальмонта «Будем как солнце» (1903).

«*...только контур»... другой же — незнакомец с золотою бородою...*— здесь «только контур» по рисунку поведения напоминает застенчивого Флоренского, а незнакомец, — возможно, Владимир Эрн (см. о нем в примечаниях к разделу стихотворений), в сопровождении которого Флоренский посещал Белого в этот период.

...как Франциск представлен у Джотто... — некоторые искусствоведы считают великого итальянского живописца XIII века Джотто ди Бондоне создателем одного из шедевров итальянского Возрождения — фресок в базилике Святого Франциска Ассизского в Ассизи, изображающих эпизоды из жизни святого Франциска.

...белый мистик — несомненно наделен чертами А. С. Петровского, например, заиканием. Но главное — был почитателем Серафима Саровского, в Дивеевском монастыре жила его сестра-монахиня.

...«Только контур» сражался с позитивизмом... — возможно, Флоренский здесь иронизирует над собой и своей работой «О цели и смысле прогресса», завершенной в 1905 году. О замыслах работ, направленных против позитивизма, Флоренский писал в письмах родителям, см.: Письма Павла Александровича Флоренского (1903 год) // Новый журнал. Нью-Йорк. 2002. Кн. 229. С. 109—110.

...одной из форм антитеизма... считал учение спиритов... — этой теме посвящена статья Флоренского «Спиритизм как антихристианство» (1904).

...школа ассоциационистов — в современном понимании — последователи ассоциативной психологии, направления в психологии, объясняющего мыслительные процессы и духовную жизнь человека с помощью ассоциаций. Одним из основателей этого направления был английский философ Дэвид Юм (1711—1776).

«лягушонок»... защиту гностиков, манихеев, ариан... — этот персонаж, явно наделенный чертами Д. С. Мережковского, защищает различные еретические учения, осужденные Вселенскими соборами (гностицизм, манихейство, арианство). Любопытный штрих здесь — упоминание далее о том, что жена таскала его за волосенки и била.

...была одна женщина — меня воспитавшая... — в этой исповеди присутствуют автобиографические черты, напоминающие воспитавшую Флоренского сестру отца — Юлию, о которой Флоренский подробно писал в воспоминаниях «Детям моим».

«*...стеклянное море*» — образ, дважды встречающийся в Апокалипсисе (4. 6 и 15. 2). Повторен во второй части поэмы.

Александр Иванович Введенский (1856—1925) — русский философ и психолог, наиболее известный как пропагандист и последователь Канта в России.

В Санкт-Петербурге, на Невском, открылись два журнала... переведен в Москву... — в реальности по адресу Невский, 14 находилась редакция спиритического журнала «Ребус» (см. публикацию чернового письма Флоренского к его редактору в наст. томе), который издавал с 1881 года В. И. Прибытков. В 1903 году он отказался издавать журнал, который был переведен в Москву, где его издавал П. А. Чистяков.

Ревенант — привидение, дух невинно убиенного человека, который восстал из могилы, чтобы отомстить убийце.

...вроде Грингмунта... — критик, публицист и политический деятель консервативной ориентации Владимир Андреевич Грингмунт (1851—1907) в либеральной печати считался синонимом мракобеса.

...если говорит Соловьев... есть всеединство... — понятие всеединства было ключевым для философии Владимира Соловьева, о чем он писал в ряде своих сочинений, например, в статье «Первый шаг к положительной эстетике» (1894).

...говорил Василий Васильевич... спириту из Москвы... — в участниках диалога узнаются литератор и философ Василий Васильевич Розанов (1856—1919) и Валерий Брюсов.

...геридон — столик или подставка на одной ножке, которая использовалась на спиритических сеансах.

...варварская история — теократическая... — теократия — буквально власть Бога. Идеал теократии как совершенной формы политического устройства выдвигал Вл. Соловьев в ряде своих сочинений. Теократия в его представлении означала свободный внутренний союз церкви с политическими и экономическими институтами государства.

...по воде ходить будем и скалы сдвинем — не верой... — переосмысление евангельских эпизодов: хождения по водам Христа и попытки Петра пойти к нему (Мф 14. 26—28) и слов Христа: «если Вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: прейди отсюда туда, и она прейдет и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17. 20).

Замените в загадке сфинкса... — имеется в виду загадка злого чудовища Сфинкса из трагедии греческого драматурга Софокла «Царь Эдип», которую должен был разгадать фиванский царевич Эдип, чтобы спасти Фивы от гибели. Загадка Сфинкса состояла в следующем: «кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трех». Разгадка — человек, который в младенчестве ползает на четвереньках, потом ходит на двух ногах, а в старости пользуется палкой как третьей точкой опоры. Эту палку и предлагает Брюсов заменить громоотводом.

Она не радикалка, а радикал... — игра слов: радикал в значении «сторонник крайних убеждений», и радикал — химический термин, означающий химические частицы, обладающие большой способно-

стью вступать в химические соединения с другими элементами. Одна из таких реакций описывается далее.

...листочки клейкие... — образ клейких листочков обязан своим возникновением монологу Ивана Карамазова («пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки...») из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Клейкие листочки стали символом победы природы над отвлеченными теориями.

В редакции нового журнала было холодно и пусто... — описана редакция символистского журнала «Весы», начавшего выходить в 1904 году, в котором Флоренский опубликовал статью «Об одной предпосылке мировоззрения» (1904. № 9). О визитах Флоренского в редакцию «Весов» см. в его переписке с Андреем Белым. Помещение редакции находилось во вновь отстроенной тогда гостинице «Метрополь».

...пневматология — здесь то же, что спиритизм, наука, изучающая мир духов.

...цитировал Кардека... — Аллан Кардек (1804—1869), французский спирит. Возможно, здесь имеется в виду раздел «Новое поколение» главы «Времена наступили» из его сочинения «Книга бытия».

«Пантера» была загнана и измучена... — ср. письмо Флоренского к Брюсову в наст. изд.

...поездку назначили на Святую неделю... — т. е. на первую неделю после Пасхи.

...лежал на столе над томом Соловьева... когда же, Господи, когда... — герой читает «Краткую повесть об Антихристе» из работы Вл. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900), где содержалось пророчество о конце всемирной истории, за которым последует второе пришествие Христа.

...едино стадо и един Пастырь... — Ин 10. 16.

...не оставлю вас сиротами... — Ин 14. 18.

Освяти нас истинною Твоею... — начальные слова первосвященнической молитвы.

Глас вопиющего в пустыне...— Мф 3. 33. Здесь имеется в виду Иоанн Предтеча, который был послан в мир, чтобы подготовить его к явлению Христа.

Перед ним придут пророки Его — Илия и Енох. — Илия — ветхозаветный пророк. Согласно Новому завету, пророк Илья будет послан в мир «пред наступлением дня Господня» (Мф 4. 5—6), то есть перед днем Страшного суда. Енох — один из библейских патриархов, который вместе с Илией-пророком должен явиться перед концом света (Откр 11. 3).

Теургия — богоделание, в эстетике Владимира Соловьева — способность искусства своими средствами преображать мир.

...не прочтет еще раз надписи... — в настоящий момент эта надпись отсутствует, была уничтожена вместе с лампадкой в 20-е годы.

Неуловимое дыхание Вечного — хлада тонка... — 3 Цар 19. 12. Эта же цитата приводится в письме Флоренского А. Белому от 18 июля 1904 г. в наст. изд.

Невеста... неневестная...— повторяющийся рефрен из акафистов Божьей Матери.

...как в готическом храме... — этот образ повторяется в письме Флоренского А. Белому от 30 янв. 1906.

Приимите, ядите... (*слав.*) — здесь и далее по просьбе контура Серый взгляд совершает Таинство Святого Причащения. В Православной Церкви Таинства имеет право совершать только священник, имеющий специальное рукоположение. Причастие совершается после исповеди и во время совершения Литургии (Евхаристии), которая совершается в воспоминание о том, как Христос накануне Распятия в четверг вечером благословил хлеб, преломил его и дал апостолами со словами: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое», а затем взял чашу с виноградным вином и, также благословив ее, дал апостолам со словами: «пийте от нея вси, сие есть Кровь Моя Нового Завета, яже за многие изливаемая во оставление грехов» (Мф 26. 28; Лук 22. 19).

В данном случае умирающий в отсутствие священника контур просит, чтобы Серый Взгляд совершил это Таинство как бы самочинно, и силой взаимной веры оно осуществляется.

...«*не тот это хлеб; он кислый...*» — при совершении Литургии используется специальный хлеб, называемый просфорою, это должен быть квасный (поднявшийся), чистый пшеничный хлеб.

...где двое или трое во Имя Мое... — Мф 18. 20.

Аз есмь Лоза... — Ин 15. 1—5.

...от них же первый есмь Аз...(*слав.*) — из них же первый я. Слова молитвы, произносимой перед причастием.

Клеопа и Лука... — здесь использованы имена евангельских персонажей, учеников Христа, которым Он явился после Распятия, когда они шли из Иерусалима в Эммаус (евангельское название селения обыгрывается в поэме) (Мк 16. 12—13; Лк 24. 13—35).

Часть вторая

Алектор (*греч.*) — в славянских евангельских переводах петух.

Иерей (*греч.*) — *букв.* жрец, здесь — православный священник.

Антиминс — особый льняной платок с изображением находящегося в гробу Христа и четырех евангелистов, с зашитыми по углам частицами святых мощей. Антиминс необходим для совершения Литургии, во время которой он возлагается на Престол, где священник совершает таинство.

Богоявленская вода... — Богоявление есть второе название Крещения Господня, одного из двунадесятых праздников Православного

календаря. Празднуется 6 (19) января в воспоминание о том, как Святой Дух снизошел на Христа во время Его Крещения в водах Иорданских. Во время праздника Крещения совершается Великое водосвятие, крещенская (богоявленская) вода обладает особенно целебными свойствами, а главное — предохраняет от действия нечистой силы.

«*Всякое ныне отложим житейское попечение...*» — слова Херувимской песни из Литургии св. Иоанна Златоуста.

Епитрахиль — широкая лента, надеваемая священником на шею во время совершения богослужения.

Эмпирия и Эмпирея... — ср. заглавие работы Флоренского 1904 года. Эмпирия — *букв.* нечто, данное в опыте, эмпирея — мифическое место пребывания богов в древнегреческой мифологии.

Иже херувимы... — начало Херувимской песни из Литургии св. Иоанна Златоуста: «Иже херувимы тайно образующе, и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе...» В этом песнопении, которое звучит перед причащением, верующим предлагается оставить житейские помышления и уподобиться херувимам, которые находятся вблизи Бога.

...останусь среди оглашенных... — оглашенные — лица, готовящиеся принять таинство Крещения, которым было проповедано слово Божие, но над которыми еще не совершен обряд крещения.

...какие-то мертвенные личности... умерших узрят... — возможно, здесь содержится намек на учение русского философа Н. Ф. Федорова о воскрешении мертвых. Подробнее об отношении Флоренского к учению Н. Ф. Федорова см. в переписке Флоренского с историком философии и издателем сочинений Федорова — В. А. Кожевниковым, в комментариях к которой среди прочего приводится следующее высказывание Флоренского: «Несомненно, что «Вселенское дело» создаст большую известность Федорову и... вульгаризирует его. По крайней мере, мне стало ясно, что они проектируют будущее воскрешение на почве естествознания, чуть ли не каким-либо химическим способом» (Вопросы философии. 1991. № 6. С. 139).

Зверь плывет из синевы моря... — апокалиптический образ, появление которого из морской бездны предвещало конец света (Откр 13. 1).

Если кто соблазнит... — евангельские слова: «если кто соблазнит одного из малых сих...» (Лк 17. 2).

израиль высказал гадливость — бормотал «шикуц» и «тоева»... — шикуц, тоэва (др.-евр.) — слова-синонимы, означающие мерзость, нечистоту.

«*Яко вверена быша им словеса Божия*» — Римл 3. 2.

Когда увидите знаменья эти... бегите в горы вы... Лк 21. 21.

Хурджин — на востоке мешок или сума для поклажи.

Акафист — хвалебное песнопение в честь Иисуса Христа или Богородицы.

11. Заказ № 674.

Post-carte'у с Васнецовской Богоматерью — открытки с изображением иконы В. М. Васнецова.

Золото и Лазурь — здесь под именем Феникса появляется Андрей Белый; о его сборнике стихов «Золото в лазури» подробнее см. в примечаниях к его переписке с Флоренским и в неоконченной рецензии Флоренского на этот сборник (Собр. соч. Т. 1. С. 695—700).

Они начали говорить вполне невразумительно... — воспроизводится евангельский эпизод сошествия Святого Духа на апостолов, во время которого они обрели дар понимать незнакомые им языки (Деян 2. 14, 23).

Пояснение музыкальных терминов (подготовлено С. З. Трубачевым)

Прелюдия — вступление. В полифонической музыке — часть, предшествующая фуге, объединенная с ней главной тональностью. Например, у Баха — 48 прелюдий и фуг, в современной музыке — цикл прелюдий и фуг Д. Шостаковича.

В музыке романтиков прелюдия — законченная форма, но возможно «мозаичное» объединение ряда прелюдий в единый цикл, конструктивно объединенных тональным сопоставлением. Например, Шопен — 24 прелюдии.

Тема с вариациями — циклическое музыкальное произведение, основанное на фактурном, ритмическом, полифоническом и тонально-контрастном видоизменении начальной темы. Мелодия и строение темы сохраняются неизменно в строгих вариациях или последовательно преобразуются в свободных вариациях. В полифонических вариациях (пассакалья) тема непременно сохраняется в басовом голосе (basso ostinato).

Фиоритура (*итал.* fioritura — *букв.* цветение) — виртуозное усложнение мелодии, придающее ей орнаментальный характер. Встречается в инструментальных концертах, в вокальной музыке (например, Алябьев «Соловей»), в оперных ариях, главным образом, XVIII века (например, ария Царицы ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта»).

Форшлаг (*нем.* Vorschlag — *букв.* перед ударом) — в мелодии один или несколько коротких звуков, предшествующих основному, разновидность мелизма. Обозначается мелкими длительностями над основной нотой.

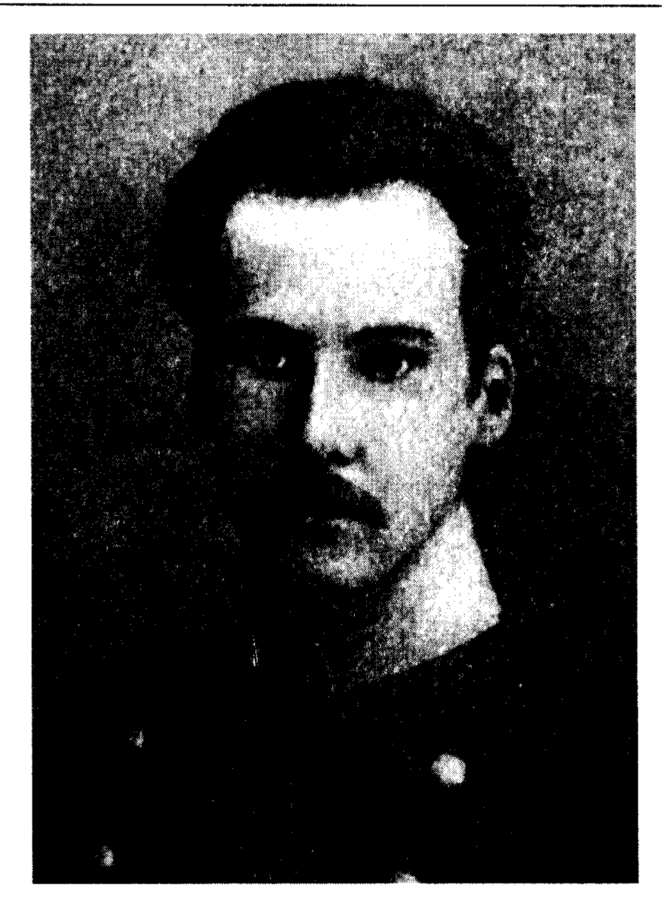
Allegro (*итал.* — *букв.*: веселый, живой) — обозначение быстрого темпа. В сонатной форме — так называемое сонатное аллегро соответствует 1-й части сонатного цикла.

Presto agitato (*итал.*) — быстро, возбужденно, взволнованно.

ПЕРЕПИСКА С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ *

Отношения Флоренского и Андрея Белого до недавнего времени были известны по той пристрастной и односторонней характеристике, которую дал А. Белый в воспоминаниях «Начало века» (М.; Л., 1933). Эта книга, написанная им в процессе усердной марксистской самоперековки, изображает в шаржированном виде всех спутников его дореволюционных духовных исканий (исключение составили преимущественно будущие антропософы),

* После публикации данной переписки в ежегоднике «Контекст-91» (М., 1991) вышел пиратский ее перевод на немецкий язык в книге: Andrej Bely — Pawel Florenski. Der Briefwechsel. Texte. Herausgegeben von Fritz und Sieglinde Mierau. Нам в руки попало третье издание книги (Ostfildern: Edition Tertium, 1994). Составитель книги и переводчик писем не поставил в известность редакцию ежегодника «Контекст» о переводе и воспользовался опубликованной перепиской без разрешения тех, кто готовил тексты, составлял комментарии и вступительную статью (использовав их в своем издании); их имена при этом названы в конце книги так, что они не попали в именной указатель. Нам остается только выразить свое возмущение этой публикацией, поскольку издательство прекратило свое существование.

Андрей Белый

причем степень карикатурности часто оказывается пропорциональна истинной их значимости в судьбе Андрея Белого.

Не избежал общей участи и П. А. Флоренский, в портрете которого А. Белый акцентирует прежде всего внешние подробности: «угловатый носатик», «прикован к носкам зорким взглядом», «спадающий лепет в нос» и т. п. И только мельком упоминает о том, что составило самую суть их отношений, стало почвой для недолгого, но обоюдно значимого духовного сближения. Но все же воспоминания намечают некоторым пунктиром историю этих отношений, содержат некоторые детали, конкретизация которых с помощью дополнительных источников помогает ближе вникнуть и в содержательную сторону этой дружбы.

Среди событий осени 1903 г. Андрей Белый упоминает «...появление епископа “субъективиста” Антония к матери, появление ко мне тройки “апокалиптиков” — Эрна, Флоренского и Валентина Свенцицкого с рядом заданий, меня ошарашивших...» [1]. О епископе-субъективисте, жившем на покое в Донском монастыре епископе Антонии (Флоренсове), еще пойдет речь; что касается «тройки апокалиптиков», которую А. Белый называет еще «Аяксами», то описание первой встречи с ними он заключил словами: «вся суть — во Флоренском» [2]. В этот период в доме А. Белого регулярно происходят воскресные собрания, среди посетителей он упоминает и своих новых знакомых: «...появлялись Свенцицкий, Эрн, но не Флоренский, всегда заходивший отдельно и гама боявшийся» [3].

Между Флоренским и Андреем Белым изначально сложились особенные отношения. «С тех пор он являлся ко мне, — вспоминал А. Белый, — избегая моих воскресений, — как крадучись; в тайном напуге, не глядя в глаза, лепетал удивительно: оригинальные мысли его во мне жили; любил он говорить о теории знания; и укреплял во мне мысль о критической значимости символизма; что казалось далеким ближайшим товарищам, — Блоку, Иванову, Брюсову и Мережковскому, — то ему виделось азбукой; мысль же его о растущем, о пухнущем, точно зерно, разбухающем многозернистом аритмологическом смысле питала меня, примиряя с отцовскими мыслями мысль символизма» [4].

О последующих свиданиях с Флоренским А. Белый упомянул довольно бегло и неопределенно: «скоро он перестал меня посещать, на что-то обидевшись; в “Новом пути” напечатал он сочувственную рецензию о моей “Северной симфонии”; потом я встречал его только издали; скоро он отпустил длинные кудри; и когда молча сидел позднее на религиозно-философских заседаниях, то выглядывал перепуганный из кудрей чем-то его нос; мы его называли в те дни: “Нос в кудрях”. Кличка придумана, разумеется, Эллисом. Скоро он вовсе скрылся в Сергиевом Посаде» [5]. Так представлены эти отношения на страницах воспоминаний «Начало века». Добавим, что в момент их написания Флоренский «скрылся» уже не в Сергиевом Посаде: в феврале 1933 г. он был арестован и после долгих мытарств принял мученическую смерть (1937).

Двусторонняя переписка дает возможность внести необходимые поправки в пристрастные суждения Андрея Белого. Ценные дополнения и уточнения позволил сделать также «Ракурс к дневнику» А. Белого — хронологический перечень важнейших жиз-

ненных событий, составленный им взамен уничтоженных дневников [6], и некоторые другие биографические источники.

В «Ракурсе к дневнику», описывая события декабря 1903 г., А. Белый отметил: «Появление у меня 3-х студентов — Флоренского, Эрна и Свенцицкого; и мое вступление в религиозно-философский студенческий кружок» [7]. Спутниками Флоренского были два его друга и единомышленника: Владимир Францевич Эрн [8], соученик по тифлисской гимназии, и Валентин Павлович Свенцицкий (1879—1938), прозаик, впоследствии известный религиозный публицист, принявший в 1918 г. сан священника.

Членов этой тройки связывали единство устремлений, идейная общность, о чем Флоренский писал матери 3 марта 1904 г.: «Университет дал очень много мне и в смысле научном, и, пожалуй, в нравственном, потому что я там встретил некоторых лиц, с которыми схожусь в некоторых убеждениях, по крайней мере в положительном отношении к церкви. Пожалуй, можно сказать больше. Оказалось, когда мы познакомились между собою, что у нас независимо друг от друга выработалась известная программа действий. Это, конечно, сильно сблизило нас, несмотря на значительное расхождение во многих теоретических вопросах. Но все-таки мы волей-неволей образуем одну кучку: не ссориться же теперь, когда нас так немного (сравнительно) и когда одни с сожалением качают головою на нас, считая больными, другие кипят благородным негодованием на наш "обскурантизм" и сплетничают. Но кое-чего мы добиваемся, потому что несомненно движение растет. Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно, воспринять все положительное учение церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чем-либо другом....» [9]. Свенцицкий, Флоренский и Эрн были ядром кружка, объединенного идеей защиты исторической Церкви; члены этого кружка и должны были основать орден, о котором Флоренский писал А. Белому (см. п. 7).

Что касается названия «апокалиптиков», которое дал этой тройке Андрей Белый, то «апокалиптиком» в этот период гораздо в большей степени был он сам. В воспоминаниях о Блоке он писал, что после своего разговора с Владимиром Соловьевым в 1900 г. «жил чувством конца, а также ощущением благодати новой последней эпохи благовествующего христианства. Символ

“Жены, облеченной в Солнце” стал для некоторых символом Благой вести о новой эре, соединением земли и неба. 〈...〉 Философию Соловьева мы брали в аспекте его теургического лозунга:

Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет,
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод» [10].

Эсхатологические идеи Владимира Соловьева оказали на Андрея Белого большое влияние, его творчество начала 1900-х годов пронизано предчувствиями преображения мира, в статьях и стихах постоянно повторяется мысль о кризисности переживаемой эпохи, близящемся конце; в эти годы А. Белый был занят поисками ценностей, способствующих мистическому пересозданию действительности. А. Белый один из первых среди символистов стал проявлять интерес к Апокалипсису, в воспоминаниях он упомянул, что в этой связи посещал Льва Тихомирова [11], одного из авторитетных толкователей Откровения Иоанна Богослова. В 1903 г. в альманахе «Северные цветы» был опубликован отрывок из мистерии А. Белого «Антихрист». «Пришедший» возвещает начало новой эры, в чаянии которой пребывают ученики в Храме Славы. Вероятно, эти апокалиптические умонастроения Андрея Белого побудили Свенцицкого, Эрна и Флоренского, также испытывавших интерес к эсхатологии Вл. Соловьева, искать с ним знакомства и сближения.

В эти годы А. Белый развивал в своих статьях и другие идеи, способные пробудить интерес к нему тройки друзей, и в первую очередь Флоренского. В статье «Формы искусства» А. Белый назвал пробуждающийся интерес к вопросам религии характерной приметой нового искусства. «В настоящую минуту, — писал он, — человеческий дух находится на перевале. За перевалом начинается усиленное тяготение к вопросам религии» [12]. В некоторых статьях А. Белый выступал с критикой декадентства старших символистов с позиций теургии Вл. Соловьева [13], вызывавшей интерес и у Флоренского и у его друзей. Отправляясь из Тифлиса в Петербург поступать в университет, Флоренский и Эрн рассчитывали на встречу с Вл. Соловьевым, но в дороге получили известие о его смерти [14]. Теургический символизм Андрея Белого оказался созвучен исходной вере Флоренского в познавательные возможности символа, что составляло, как он признавался в воспоминаниях, центр его миросозерцания [15].

Сходными были и те ожидания, которые Флоренский и А. Белый связывали в этот период с новым искусством, — оба видели в нем путь к познанию иной, высшей реальности, к богопознанию. Андрей Белый писал в статье «Символизм как миропонимание»: искусство «уже больше не самодовлеющая реальность, оно не может быть призвано на подмогу утилитаризму. Оно становится путем к наиболее существенному познанию — познанию религиозному» [16]. Новое, нарождающееся искусство «...должно учить видеть Вечное; сорвана, разбита безукоризненная, окаменелая маска классического искусства. По линиям разлома выползают отовсюду глубинные созерцания, насыщают образы, ломают их, так как осознана относительность образов. Образы превращаются в метод познания, а не в нечто самодовлеющее. Назначение их — не вызывать чувство красоты, а развить способность самому видеть в явлениях жизни преобразовательный смысл». Это искусство, в свою очередь, — предтеча более совершенного, «оно тесно соприкасается с религией. Тогда идеи вдвойне животворны. Восхождение к высшим сферам бытия требует внутреннего знания путей. Наш верный проводник — молитва» [17]. Этот круг идей был, несомненно, близок Флоренскому, о чем свидетельствуют публикуемые письма. Но если для А. Белого они являлись лишь одним из этапов духовного развития, то Флоренский остался верен им на протяжении всей жизни, развивая эти идеи и в основополагающих работах 20-х годов — «Философия культа», «Христианство и культура».

В воспоминаниях «Начало века» Андрей Белый выделил еще одну важную тему своих собеседований с Флоренским: математические идеи отца Николая Васильевича Бугаева (1837—1903), бывшего университетским наставником Флоренского, который приложил некоторые аритмологические идеи учителя к областям знания, выходящим за пределы математики. Аритмология в широком понимании — как развитие, основанное на идее прерывности, — стала краеугольным камнем миросозерцания Флоренского [18]. Судя по воспоминаниям А. Белого, Флоренский заново раскрыл для него идеи отца, от которого исходила «мысль о растущем, о пухнущем, точно зерно, разбухающем многозернистом аритмологическом смысле» [19]. Аритмологические идеи оказали впоследствии существенное влияние на работы Андрея Белого о ритме в поэзии и прозе [20]. В них видно то самое «примирение отцовских идей с символизмом», о котором упоминал А. Белый в воспоминаниях «Начало века». Кстати, именно работы А. Белого

по ритму продолжали интересовать Флоренского и тогда, когда их пути окончательно разошлись: прочитав книгу А. Белого «Символизм», он возобновляет прерванную переписку (см. п. 20).

Несомненно, объединял Андрея Белого и Флоренского и обоюдный интерес к епископу Антонию (Флоренсову). Первым познакомился с епископом Антонием А. С. Петровский (см. далее его письма к Флоренскому), который в октябре 1903 года познакомил с епископом А. Белого и его мать, А. Д. Бугаеву. Визиты матери к опальному епископу продолжались и в 1917 г.; с Андреем Белым отношения оказались куда менее длительными, но в 1904—1905 гг. он постоянно прибегал к духовной помощи епископа Антония. Вероятно, знакомство Флоренского с епископом Антонием в марте 1904 г. произошло благодаря Андрею Белому, в его лице Флоренский обрел духовного наставника до самой смерти епископа [21].

Визиты и встречи с А. Белым упоминаются и в переписке Флоренского. «Последнее время я завел знакомство с сыном проф. Бугаева, — писал Флоренский матери 6 января 1904 г. — Он оригинален и интересен, есть у него собственное, но немножко бестолков в том смысле, что ему трудно мыслить последовательно. Кроме того, он, как человек, очень деликатен и мил, что среди студентов встречается редко. Впрочем, теперь он кончил университет, но хочет поступить снова на другой факультет» [22]. Один из визитов к А. Белому подробно описан в письме к отцу от 14 января 1904 г.: «...я на Рождество познакомился кое с кем из интересных людей; особенно в один вечер, когда я зашел к Бугаеву и застал у него всех и почти всех московских знаменитостей, по преимуществу молодых. Был там и Бальмонт, читавший свои стихи, и Брюсов и т. д., все люди разных направлений и убеждений, но не бесцветные. Были теософы умные и теософы, захлебывающимся голосом от волнения говорившие банальности, спириты, неоромантики, символисты и т. д. и т. д. и люди, ничего не смыслящие в поэзии. Сами по себе эти вечера не особенно интересны — немного показны, но очень полезны, так как дают возможность познакомиться с людьми, которых бы нигде не увидел». В этом же письме Флоренский пишет отцу и о студенческом религиозном кружке: «Наша секция по философии и истории религии, к сожалению, вызвала слишком большие и преувеличенные ожидания и надежды; “к сожалению”, потому что, как ни хорошо и просто мы ведем свои дела до сих пор, теперь, пожалуй, придется быть на виду, а это всегда делает положение несколько натянутым. Но за-

то в этом есть и выгода, так как несколько очень интересных лиц просили принять их в число членов: среди них есть если и не слишком ученые, то много знающие люди в каком-нибудь одном направлении, напр⟨имер⟩, по индусской литературе, и потому можно ждать от них интересного. Одного только можно опасаться, именно того, что у таких людей часто бывает особый привкус партийности и тенденциозности, а в большом количестве это почти невыносимо» [23].

Флоренский, Эрн и Свенцицкий привлекли А. Белого в студенческое Историко-филологическое общество при Московском университете, руководителем которого был С. Н. Трубецкой. Это общество оформилось в мае 1902 г. и первоначально включало четыре самостоятельные секции: философскую, которой руководил Л. М. Лопатин, историческую, историко-литературную и секцию общественных наук [24]. А. Белый и «тройка апокалиптиков» явились инициаторами создания пятой — секции истории религии, подготовительные заседания которой начались в январе, а официальная регистрация произошла в сентябре 1904 г. «Арена встреч с “тройкой”, — писал об этом периоде Андрей Белый, — открытая секция “Истории религии” в студенческом обществе (при Трубецком): заседанья происходили в университете; тогдашнее ядро — три “Аякса”, бородатый Галанин, два Сыроечковских, А. Хренников, несколько диких эсеров, с проблемой мучительного “бить — не бить”, анархисты толстовствующие, богохулигели, ставшие богохвалителями, или богохвалители, ставшие с бомбою в умственной позе, посадские академисты из самораздвоенных, кучка курсисток Герье; председательствовал С. А. Котляревский, еще писавший свой труд “Ламенэ”; появлялись Койранские, “грифики”; да “аргонавты” ходили: сражаться с теологами» [25].

«Ракурс к дневнику» сохранил ряд упоминаний о заседаниях секции. В январе 1904 г. записано: «Читаю реферат “Символизм и религия” в религиозно-философском кружке у Эрна» [26]. Об этом же заседании упоминает и Флоренский. «У нас было, — писал он матери 24 января 1904 г., — как-то домашнее собрание религиозной секции. Читал сын проф. Бугаева одну свою статью, которая скоро выйдет в свет. Чем больше я узнаю его, тем более понимаю, что это замечательная личность, глубокая и совершенно не имеющая в себе той вульгарности “практической жизни”, которая в большей или меньшей степени почти у всех, по крайней мере, у очень многих. Даже на тех, кто был предубежден против него, он произвел в этот последний раз чарующее впечатление. Видел я

его как-то на вечере, среди разных знаменитостей, людей во всяком случае талантливых и оригинальных более или менее. И все мне перед Бугаевым казались такими жалкими и ничтожными, хотя он почти ничего не говорил» [27]. Благодаря тому, что на заседании присутствовал А. Блок, описавший его в письме к матери от 19 января 1904 г., мы располагаем точной информацией о том, какой именно доклад читал А. Белый: «15-е, четверг... Вечером было религиозное собрание университетского кружка на частной квартире у студента. Бугаев прочел большой реферат “Символизм как миропонимание” по корректуре из “Мира искусства”, в котором, конечно, опять цитирует нас с Лермонтовым (Кант — Шопенгауэр — Ницше, современный религиозный дух — стихи)» [28].

Отношения с Флоренским в этот момент характеризует следующая запись Андрея Белого: «...интенсивные и частые свидания с Флоренским; долгие, философские, нас самоопределяющие беседы...» [29]. Тогда и завязалась их переписка; начавшись с обмена записками в перерывах между постоянными встречами, она постепенно перерастает в глубокий мировоззренческий диалог по широкому и разнообразному кругу вопросов. Из этих писем мы узнаем о планах Флоренского и его друзей создания эзотерического объединения единомышленников — ордена, о надеждах обрести свой печатный орган. Это намерение было вызвано неудовлетворенностью существовавшими периодическими изданиями: хотя и «Новый путь», и «Весы» приглашали Флоренского сотрудничать, программа этих изданий воспринималась им довольно скептически (см. п. 7). Не удовлетворяли Флоренского и те принципы, на основании которых сплачивались литературные партии, где превалировали соображения тактические и организационные. В противовес этому сам Флоренский мечтал об объединении на строго мировоззренческой основе, чтобы оно создавало условия для соборной духовной деятельности по выработке основ миросозерцания, чтобы та или иная идея являлась принадлежностью всего ордена.

Показательно, что даже в период наибольшего сближения, когда казалось, что Андрей Белый разделяет почти все основополагающие идеи Флоренского, от вступления в орден он тем не менее уклонился.

В сентябре 1904 г. происходят сразу два события, о которых упоминает А. Белый: «Образуется студенческий кружок по изучению “Критики отвлеченных начал” Вл. Соловьева (среди участников помню: С. М. Соловьев, Бердников, Сыроечковские (2 бра-

та), Шер, Свенцицкий, Хренников и т. д.). Вплотную встает вопрос об организации секции "Истории религии". Беседы на эту тему с Флоренским (ставшим академиком), С. А. Котляревским, Петровским (ставшим тоже академиком) и Свенцицким» [30]. Запись позволяет полнее представить самый ранний этап возникновения будущего Общества памяти Вл. Соловьева, просуществовавшего до 1918 г. и сыгравшего такую важную роль в религиозной жизни Москвы начала века [31]. Тогда же обретает официальный статус и секция истории религии. «Ряд прений в организационных заседаниях секции Истории религии ⟨...⟩ — записывает А. Белый. — Мой реферат в открытой секции по истории религии "О целесообразности". На реферате знакомлюсь со студентом М. И. Сизовым, который начинает часто у меня бывать на дому; отсюда — начало дружбы» [32].

В октябре 1904 г. А. Белый упоминает «выступление с оппонированием на реферат Флоренского "О Канторе" (секция Истории религии)» [33] и «оппонирование на реферат Свенцицкого, "О Метерлинке" (секция Истории религии)» [34]. В ноябре отмечено его оппонирование на еще одном реферате Флоренского — «О чуде» [35]. «Особенная близость с Флоренским в этот период» [36], — подчеркивает А. Белый.

Близость не исчерпывалась миром общих идей и интересов: Флоренский оказался втянут в напряженную личную жизнь Белого, что также отчасти отразилось в переписке. Жизнь А. Белого в этот момент протекала под знаком «решительной борьбы с Брюсовым (сны, телепатия, обмен угрожающими стихами). ⟨...⟩ Над всею жизнью — черное крыло гипноза Брюсова». В переписке участие Флоренского в поединке между Андреем Белым и Брюсовым, носившем характер своеобразной умственной дуэли, отразилось лишь в одной из записок (связано с ним и письмо Флоренского к Брюсову, печатающееся в настоящем томе) — между тем это был очень важный момент в их отношениях.

Русский символизм за время своего недолгого существования окружил себя совершенно особой духовной атмосферой, пронизанной мистическим восприятием жизни. «Мы жили тогда в реальном мире, — вспоминал об этом периоде В. Ф. Ходасевич, — и в то же время в каком-то особом, туманном и сложном его отражении, где все было "то, да не то". Каждая вещь, каждый шаг, каждый жест как бы отражался условно, проектировался в иной плоскости, на близком, но неосязаемом экране. Явления становились видениями. Каждое событие, сверх своего явного смысла,

еще обретало второй, который надобно было расшифровать. Он не легко нам давался, но мы знали, что именно он и есть настоящий» [37].

Вне этой совершенно особой атмосферы невозможно понять тот поединок, который происходил между Брюсовым и А. Белым в конце 1904 — начале 1905 г., невольным участником которого стал и П. А. Флоренский.

Напряженные отношения сложились из-за Н. А. Петровской, жены владельца издательства «Гриф» поэта С. А. Соколова (Кречетова). Петровская вместе с Андреем Белым была участницей кружка «Арго», где и произошло их сближение на почве общих мистических устремлений. Свое понимание отношений с Петровской Белый выразил в стихотворении «Преданье» (1903), где они представлены как мистериальная платоническая любовь пророка и сибиллы. Брюсов, увлекшись Петровской, из чувства соперничества как бы развил этот сюжет, дав ему иное направление: он пишет ответное стихотворение «Предание» (1904—1906), где, намекая на свои отношения с Петровской, прославляет тайную любовь пророка и сибиллы и подчеркивает ее земной характер. В ответном стихотворении Брюсов старался придать сложившемуся любовному треугольнику мифологический смысл: он «демонически» похищал у «светоносного» Белого Петровскую и увлекал ее с высот небесной любви на путь греховной страсти.

Развивая и совершенствуя этот сюжет дальше, подчиняя ему свои отношения с Андреем Белым и Петровской, Брюсов умышленно акцентировал в нем борьбу Добра и Зла, света и тьмы, при этом он придавал собственным поступкам нарочито демонический характер и добровольно уступал Белому роль светлого героя. Брюсов, работая над романом «Огненный ангел», тогда увлекался оккультными науками и спиритизмом, изучал черную магию, и плоды своих познаний использовал, направляя жизненный сюжет в нужное русло. Все эти «жестокие игры», которые партнерами Брюсова воспринимались совершенно всерьез, нужны ему были как материал для будущего романа, о чем они не подозревали. Не понимая этой «экспериментальной» подоплеки, экзальтированный Андрей Белый испытывал и переживал подлинный мистический ужас [38]. Этим почти суеверным страхом объясняется тон его послания к Флоренскому (см. п. 13).

Флоренский воспринимал поединок с Брюсовым под тем же углом зрения, что и А. Белый, и всячески стремился оказать ему духовную помощь: ездил по его поручению к епископу Антонию,

пытался мобилизовать свои духовные силы, чтобы защитить друга от демонического влияния Брюсова.

Кульминацией поединка стал конец 1904 г., время особенно тесного сближения Андрея Белого с Флоренским. В ноябре А. Белый пишет стихотворение «Отчаянье», где изображает Брюсова в образе двойника, преследующего его. Этот момент в их общении запечатлен в прозе Белого, опубликованной позднее; в «Химерах» (Весы. 1905. № 6), где описывается борьба юноши с солнечными волосами с преследующими его темными силами, среди которых легко угадывается Брюсов в образе «профессора мрака»; в «Сфинксе» (Весы. 1905. № 9—10) он же появляется как «маг, закрытый пледом».

Брюсов, развивая мифологическую подоснову, направляет А. Белому стихотворение «Бальдеру Локи»; лист, на котором оно было написано для передачи А. Белому, автор свернул в виде стрелы. Используя имена героев скандинавского эпоса «Младшая Эдда», Брюсов прозрачно соотносит А. Белого со светлым богом Бальдером, сыном Одина, себя же — с демоническим многоликим Локи, сеющим распрю между богами. Находящийся в состоянии крайней экзальтации А. Белый пишет 1 декабря 1904 г. ответное стихотворение «Старинному врагу», сопроводив его выписками из Евангелия. «Пока писал, — признавался А. Белый, — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда, грохотала во мне сила света» [39]. В стихотворении «Старинному врагу» Брюсов предстает как гордый демон, пытающийся взмахом крыла затмить свет. Но светлый герой побеждает демона, унося в небесную лазурь. Текст стихотворения и листок с выписками из Евангелия А. Белый передал Брюсову через Флоренского, о чем он сообщал Блоку в письме 18—19 декабря 1904 г.: «Наконец, приехал Флоренский и Петровский из Академии и отнесли в "Скорпион" стрелой сложенную записку Брюсова в знак объявления войны» [40]. Стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» привлекло внимание Флоренского, как следует из его письма А. Белому (см. п. 14). Эти события и стали поводом для его обращения к Брюсову, где он предостерегал поэта от увлечения черной магией и оккультными науками (см. его публикацию в наст. томе).

Напряженная борьба разрешилась неожиданно вполне мирным путем: в ответ на стихотворение «Старинному врагу» 1 января 1905 г. Брюсов пишет А. Белому второе стихотворение «Бальде-

ру», где признает победу «сына света». Эпиграфом к стихотворению стала строка З. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение», что означало его выход из игры. Настоящее прозрение всех участников наступило тогда, когда они получили возможность прочитать соответствующие главы романа «Огненный ангел», разъяснившие для них мотивы поведения Брюсова. «Он, — вспоминал Андрей Белый, — заставлял непроизвольно меня в месяцах ему позировать...» [41] Это взаимное прозрение могло стать одной из психологических причин взаимного расхождения Флоренского и А. Белого, о которой последний вскользь говорит в воспоминаниях «Начало века» и о которой упоминает и сам Флоренский (см. п. 17); во всяком случае, вскоре после истории с Брюсовым их отношения навсегда теряют близость, приобретая характер чисто интеллектуального общения. Возможно, что поводом для размолвки явились разногласия из-за создания «Христианского братства борьбы», под знаком которого складывались отношения Андрея Белого с «тройкой апокалиптиков» в 1905 г.

История этой политической религиозной организации с радикальными (вплоть до оправдания террора) устремлениями подробно освещена нами в статье «Флоренский и Христианское братство борьбы» [42]; здесь мы коснемся ее лишь в той мере, в какой она имела значение для изучения отношений Флоренского и А. Белого. Как уже приходилось писать в указанной статье, до сих пор не найдено ни одного факта, указывающего на принадлежность Флоренского к Братству. Публикуемый в настоящем томе в составе Записной тетради отрывок Флоренского «Великая Блудница Социал-Демократия» лишний раз говорит о том, что по своим настроениям Флоренский был далек от политических движений своего времени. Не следует забывать также, что во время существования Братства (1905—1906) Флоренский учился в Московской Духовной Академии, неотлучно находился в Сергиевом Посаде и не имел возможности активно участвовать в политической жизни. В принадлежности Флоренского к Братству заставляют усомниться и те сведения по истории создания Братства, которые подробно отражены в дневниковых записях Белого.

Начало 1905 г. Андрей Белый проводит в Петербурге, где он сблизился с Мережковским и пытался восстановить душевное равновесие после истории с Брюсовым. В феврале этого года он записывает: «Появление в Петербурге Эрна и Свенцицкого. 1) Обсуждение обращения к “епископам”, написанное Свенцицким (у Мережковских). 2) Выработка “радикальной” религиозной плат-

формы у Волжского. 3) Дебаты со Свенцицким и Эрном у Перцова (участвуют Гиппиус, Перцов, Философов, Тернавцев, я, Свенцицкий, Эрн, Карташов). 4) Обсуждение плана действий "Христианского Братства борьбы" (я, Свенцицкий, Эрн)» [43].

Записи А. Белого свидетельствуют о том, что зарождение Братства происходит в Петербурге и что инициативную группу составляли Андрей Белый, Свенцицкий, Эрн, а все остальные принимали участие в дебатах. Более того, в воспоминаниях о Блоке А. Белый подчеркивал, что когда стала оформляться идея создания Братства, то из него «вышли П. А. Флоренский и А. С. Петровский (тогда оба ставшие студентами Троице-Сергиевской Духовной Академии), ясно почувствовав фальшь и реакционность Братства, к которому одно время примкнули А. С. Волжский (Глинка) и С. Н. Булгаков. Братство печатало прокламации и разбрасывало по Москве. Е. Г. Лундберг и некто Беневский взялись распространять эти прокламации на юге России» [44]. Об этом Андрей Белый еще раз скажет и в воспоминаниях «Начало века». Описывая появление Свенцицкого и Эрна в Петербурге, А. Белый замечает, что они «...уже отделялись от П. А. Флоренского, видевшего, что затеи их ни к чему...» [45]. Таким образом, судя по этим записям Белого, в момент возникновения Братства Флоренский находился в оппозиции к нему.

По возвращении Белого, Свенцицкого и Эрна в Москву началась политическая деятельность Братства — в частности, стали проводиться собрания, на которых только один раз упоминается присутствие Флоренского наряду со специально приехавшим из Киева С. Н. Булгаковым [46]. Наконец, в той завуалированной истории Братства, которую изложил Свенцицкий в конфискованной цензурой брошюре «Христианское Братство борьбы и его программа» (М., 1906), нет никаких намеков на участие в его деятельности Флоренского, между тем все остальные члены Братства легко узнаваемы.

Еще одним аргументом, на основании которого сближают Флоренского с Братством, является проповедь Флоренского «Вопль крови», которую он произнес в Академии в связи с казнью лейтенанта Шмидта [47]. Политический радикализм и злободневность этой проповеди резко выделяют ее в духовном наследии Флоренского, чуждавшегося политики. Но история создания проповеди связана с волнениями, вызванными в стенах Московской Духовной Академии революцией 1905 г., что мы показали в указанной выше статье. Уже после публикации нашей статьи по-

явилась работа В. И. Кейдана «Взыскующие града»[48], где опубликован целый ряд писем участников Братства[49], но среди них ни одного указания на участие в Братстве Флоренского.

Одновременно попытки вовлечь Флоренского в политическую деятельность предпринимались и со стороны Мережковских, которые писали 26 июля 1906 г. Андрею Белому из Парижа: «Хотелось бы, чтобы наш сборник ("Анархия и теократия". — *Е. И.*) был криком призывным, обращенным не только к русскому обществу, но и ко всему народу. Очень ждем Вашей статьи. Не смущайтесь Вашей внутренней неготовностью. Мы и все не готовы. Попросите Флоренского тоже написать — может быть, ему удалось бы воззвание к народу — как бы та проповедь, за которую его арестовали. Ведь это была проповедь уже не в старой, а в новой, нашей Церкви. Неужели он этого не сознал и теперь?»[50] Еще раз в письме от 15/28 июля этого года Мережковский обращался к А. Белому: «...попросите Флоренского о статье...»[51] Но переписка Андрея Белого и Флоренского свидетельствует о том, что просьба если и была передана, то не нашла отклика.

«Христианское братство борьбы» несомненно также способствовало расхождению А. Белого и Флоренского: на первых порах Андрей Белый вошел в союз со Свенцицким и Эрном, деятельность которых не одобрял Флоренский, и стал одним из инициаторов создания Братства. А затем отошел от него, под влиянием Эллиса начав бурно «леветь» навстречу социал-демократическим течениям, которые стал считать зародышами новой будущей религии человечества[52].

Но все-таки мотивы расхождения в той или иной мере принадлежат к области догадок, фактом же является лишь то, что 1905 год положил конец дружбе Андрея Белого с Флоренским, которая более не возобновлялась. Памятником этой дружбы, помимо написанной под влиянием А. Белого поэмы «Святой Владимир», остается и небольшая поэма Флоренского «Белый камень», посвященная А. Белому, эпиграфом к которой стала цитата из Апокалипсиса, на которую ссылался Белый в статье «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9): «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну и дам ему камень белый, на камне же написано имя новое, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр 2. 17). Ранняя редакция поэмы была послана в письме Андрею Белому и находится в составе писем Флоренского в его архиве в РГБ; другим таким памятником была неоконченная рецензия на сборник А. Белого «Золото в Лазури»[53].

Но личные расхождения не помешали Флоренскому сохранять интерес к творчеству Андрея Белого. В статьях 1905—1906 гг. он называет его «одним из интереснейших писателей современности», а его творчество — «замечательным и ни с чем не сравнимым примером нового мифотворения». Влиянием А. Белого отмечены стихотворные опыты Флоренского, прежде всего впервые воспроизведенный в настоящем издании сборник стихов «Ступени», поэма «Святой Владимир», а также вышедшая книга стихов «В Вечной лазури», заглавие которой перекликается с названием сборника Белого «Золото в Лазури».

О стихах Андрея Белого Флоренский писал матери в июне 1904 г.: «В русской поэзии наконец появилась свежесть и чистота. Как будто посыпался искрометный водопад драгоценных камней. Нет более грязно-серых тонов нашей живописи, запыленности чеховских настроений» [54]. Эти мысли развиваются в упомянутой рецензии на сборник Андрея Белого «Золото в Лазури», в которой Флоренский назвал эту книгу «знамением перелома».

Хотя пути Флоренского и Андрея Белого разошлись, некоторый параллелизм в их духовных исканиях сохраняется. Этот параллелизм интересен еще и потому, что до 1910 г. они, видимо, не встречались. Тем не менее и А. Белого, и Флоренского события первой русской революции обратили к изучению психологии русского народа, его истории и фольклора. Флоренского, как и Андрея Белого в его романе «Серебряный голубь», интересовали народные формы религиозности. Флоренский обратил внимание на соединение в народном сознании языческих начал с христианскими, на почве которых возникло сектантство, в частности хлыстовство, волна которого прокатилась по России в XX в., на особое отношение крестьян к природе: «Травы, птицы, деревья и насекомые, всякие животные, земля, каждая стихия вызывает к себе у крестьянина непонятное сочувствие» [55]. Рассудочному интеллигенту, считает он, не знающему «миров иных», все это непонятно, поэтому проблему «народ — интеллигенция» надо решать практически: изучать народную жизнь изнутри, проникаться ею. В том же 1909 г. была написана и статья Флоренского «Общечеловеческие корни идеализма», где он еще раз подчеркнул важность внимания к народной душе, которая лишена интеллигентских сложностей, кабинетности, отвлеченности. «Знание крестьянина, — писал Флоренский, — цельное, органически слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентское же знание — раздробленное, по большей части органически не нужно

ему, внешне взято им на себя. Он, как навьюченный скот, несет бремя своего знания» [56]. Сходные идеи присущи и героям романа Белого «Серебряный голубь».

В 1910 г. Флоренский издал сборник частушек, собранных им в Костромской губернии, в предисловии к которым писал: «Однако есть причины торопиться с изучением нашего быта. Железные дороги, фабрики, технические усовершенствования, освободительные идеи и газетчина — эти факторы являются гнилостными микроорганизмами, все ускореннее разлагающими быт. Возможно, что через 10—15 лет не останется и следа от многих из бесценных сокровищ фольклора, которым владеет наша Родина. Пока еще можно, пока еще есть время, надо сохранить, что успеем» [57]. Изучая фольклор, Флоренский задумывается о его принципиальном отличии от поэзии символистов. В фольклоре он открывает неисчерпаемый запас подлинных символов, не произвольных и сконструированных воображением художника, а живой «символический словарь человечества».

К моменту нового обращения к Андрею Белому в 1910 г. жизненный путь Флоренского окончательно определился: он стал доцентом на кафедре философии Московской Духовной Академии, не постригся в монахи (от принятия этого решения в 1904 г. его удержал епископ Антоний), но принял сан священника и женился на А. М. Гиацинтовой. Однако эти изменения не отразились на духовной связи с Андреем Белым, о чем свидетельствует переписка. Когда в 1912 г. Флоренский становится редактором журнала «Богословский вестник» и пытается сплотить на его страницах людей, близких по духу и устремлениям, то среди тех, кого он намеревался привлечь, был и А. Белый (правда, против его фамилии был поставлен вопросительный знак). Среди тем сочинений, которые давал Флоренский своим студентам в Академии, была и такая: «О природе символа в произведениях новейших русских писателей: А. Белого и Вяч. Иванова» [58].

Последний эпизод переписки связан с выходом в 1914 г. в издательстве «Путь» книги Флоренского «Столп и утверждение Истины», по поводу которой ее автор писал, что она «есть изображение жизни в тот момент, когда решен был у меня переход в Академию, т. е. моего внутреннего состояния на 4-м курсе университета». Поскольку это была эпоха близости с Андреем Белым, не кажется случайным отклик, который выход книги вызвал у него: прочитав книгу, А. Белый откликнулся после четырехлетнего молчания письмом. Сам он в это время полностью погружен в ан-

15. Заказ № 674.

тропософию и со всем энтузиазмом пропагандировал ее Флоренскому, снабдив письмо всевозможными рисунками, схемами и чертежами. Ответное письмо, вероятно, не было отправлено — его текст отсутствует в архиве А. Белого. Известен только черновик, сохранившийся в архиве Флоренского, как бы замыкающий их диалог. И при том, что Флоренский как православный мыслитель имел вполне определенный взгляд на антропософию, ответ не был грубой отповедью. В нем звучит прежде всего вера в искренность исканий А. Белого, в его способность самостоятельно обрести путь к истине; понимание, что насильственное приведение к ней не даст результатов.

Вместе с тем сдержанность, которую ощущал Флоренский в собственном ответе, могла прозвучать для Андрея Белого как полуодобрение его новых исканий. Возможно, поэтому письмо так и оказалось неотправленным. В этой точке их внутренние пути окончательно расходятся, хотя встречи их продолжались и в дальнейшем, вплоть до 1918 г. По воспоминаниям вдовы Флоренского А. М. Флоренской, записанным ее внуком игуменом Андроником, навещая в 1916—1917 гг. С. М. Соловьева в Сергиевом Посаде, А. Белый бывал и в доме Флоренских, а 25 декабря 1916 г. по старому стилю они даже встречали вместе Рождество в доме Соловьевых. Флоренский любил произведения Андрея Белого и читал их своим детям.

В послеоктябрьский период деятельность Флоренского и А. Белого окончательно теряет общие точки соприкосновения. Хотя в своих культурологических работах оба они писали о кризисе или даже приближающейся гибели современной европейской культуры, выросшей на почве гуманистического жизнепонимания Возрождения, призывали к созданию подлинно символического искусства, понимали они это новое искусство и его задачи поразному.

Но художественные заслуги символистов Флоренский продолжал ценить, в письме к бывшему секретарю символистского издательства «Мусагет» Н. П. Киселеву он писал, что эти заслуги заключались в том, что символисты направили внимание от «натуралистической коры» к внутреннему ядру явления, что «течением символистов разрушены препятствия со стороны рационализма и позитивизма» [59].

Андрей Белый же в середине 1910-х годов полностью ушел в антропософию, как никогда был далек от православия, составлявшего Столп и утверждение Истины для Флоренского. Но все

же, как свидетельствуют более поздние письма П. А. Флоренского, написанные им из лагеря в Сковордине, память об Андрее Белом прежних лет жила в нем неизменно. Может быть, даже и хорошо, что Флоренскому так и не довелось прочитать несправедливые мемуары Андрея Белого. Когда газеты принесли в лагерь известие о его смерти, Флоренский писал жене: «Мы, т. е. несколько человек, знающих и ценящих поэзию, много вспоминали Андрея Белого... Правда, я много лет его не видел, но воспоминания юности, когда я знал его хорошо и когда он был в расцвете своих дарований, так живы, что как будто это было несколько недель тому назад. Я даже доволен, что не встречался с ним в последние годы, бывшие для него годами упадка, болезни и постарения. Вероятно, новые, менее светлые впечатления загладили бы старые и старый его облик, каким он останется в моем сознании... Вот, значит, порвалась еще одна нить, связывающая меня с годами юности» [60]. На этой ноте обрывается их многолетнее духовное и человеческое общение... Вскоре последовала и гибель Флоренского.

* * *

Полностью переписка впервые опубл.: Контекст-91. М., 1991. В настоящем издании произведена сверка с подлинниками, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 25, карт. 24, ед. хр. 18; текст последнего письма — по черновику, находящемуся в архиве Флоренского, где сохранились также черновики п. 11 и 19). Письма Андрея Белого публикуются по подлинникам из АФ.

1
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

24 января 1904, Москва

Многоуважаемый Павел Васильевич [61], у меня к Вам поручение: «Новый путь» [62] через Философова [63] поручил мне узнать адрес, имя и отчество Свинтицкого, а также просить передать ему свою просьбу о рассказах («Н⟨овый⟩ П⟨уть⟩» просит рассказов у Свинтицкого [64]). Во-вторых: не приготовите ли Вы что-нибудь для «Весов» [65]. Быть может, Вы сами зайдете в «Весы». Редакция: Театр<альная> Пл<ощадь>, Метрополь, кв. № 23. Лучше всего по вторникам от 6 до 7. Далее: не зайдете ли ко мне во вторник в

8 часов. У меня один товарищ будет читать свою драму. Наконец: 25 воскресенье, случайно я не могу быть дома. Весь Ваш, Борис Бугаев.

2
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

11 февраля 1904, Москва [66]

Многоуважаемый Павел Васильевич, ректор, несмотря на мою просьбу, *не разрешил* мне присутствовать в Университете на заседаниях религиозно-философской секции [67]. С большим сожалением уведомляю Вас о своей невозможности быть в среду 11 февраля. Готовый к услугам.

Б. Бугаев.

3
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

18 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич, к сожалению, не мог у Вас быть. Все время распределено, а тут еще некоторые непредвиденные дела, которые совпадают с назначенными часами. Пожалуйста, простите. Что касается чтения, то я не могу читать ранее 28, 29, 30 апреля. Не знаю, будет ли это *вообще* удобно? Остаюсь глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

4
ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

22 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Если Вам желательно, то можно будет назначить заседание с Вашим рефератом на 28-ое, а нет — так отложим до сентября.

Разрешите ли Вы написать Вам летом? Если да, то сообщите, пожалуйста, адрес. Когда вы уезжаете? Хотел бы видеть Вас, да не знаю, удастся ли.

Я говорил, кажется, Вам о журнале, который когда-ниб⟨удь⟩ мы станем издавать [68]. Он, мне кажется, к Вам подходит по своему направлению и задачам будет вполне. Подумайте об нем, потому

что, быть может, дело и не так далеко, как представляется сейчас. Подробности о нем расскажу, если хотите, в письме.

Искренно любящий Вас

П. Флоренский.

5

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

28 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич, теперь уж я думаю, поздно мне читать в кружке. До будущего года. Буду у Вас на днях. Скоро уезжаю из Москвы [69]. Надеюсь, мы увидимся еще. Остаюсь готовый к услугам искренне преданный Вам Борис Бугаев.

6

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

15 мая 1904, Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич, ужасно сожалею, что не мог с Вами проститься, но я был очень занят последние дни перед отъездом. Мне бы очень хотелось узнать о результатах Вашего экзамена [70] и о Ваших дальнейших планах. Быть может, Вы мне напишете два слова? Мой адрес: Тульская губерния, г. Ефремов, Сельцо Серебряный Колодезь. Мне. Буду очень рад иметь от Вас известия. Мой поклон Эрну и Свинтицкому, если их увидите. Остаюсь искренно преданный Вам Б. Бугаев.

7

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

21 мая 1904, Петровско-Разумовское

Многоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Мне жаль, что не удалось увидеть Вас, тем более что были кое-какие дела. Одно из них вот какое: помнится, я говорил Вам уже, что мы, наш кружок, собираемся впоследствии издавать журнал — нечто вроде органа «ордена» [71]. Журнал должен быть посвящен вопросам религии, причем можно подступаться со всех сторон к ним: от философских и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические (напр⟨имер⟩, как Ваши стихи), вот диапазон. «Нов⟨ый⟩ Путь» во многом

не удовлетворяет; редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что́ она, собственно, хочет говорить и т. д. Наша задача — дать заранее обдуманный и единый по настроению периодический орган, который имел бы не временное значение, а сохранял бы ценность, как книга.

Ввиду этого мы думаем, что необходимо тщательно подготовить материал на $1^1/_2$—2 года заранее, заранее подготовить номера и хорошо спеться. Главное — иметь материала настолько, чтобы можно было выбирать лучшее. Наш кружок уже сговорился между собою, что́ каждый думает приготовить. Среди других Вам известных лиц (т. е. Эрн, Свенцицкий) будут еще Ельчанинов [72] и кое-кто, кого Вы не знаете. Кроме того, я имею в виду еще коекого. Издаваться журнал сможет не особенно скоро — не ранее, чем через 1½—2 года, потому что всем нам предстоят серьезные работы.

Конечно, Вы нас мало знаете: но если Вы не имеете ничего против, то, может быть, захотите присоединиться к нам и приготовлять за этот срок что-ни⟨будь⟩ в указанной рамке (она настолько широка, что едва ли стеснит Вас). Мы будем Вам рады, как Вы и сами знаете. Для Вас лично тоже имеется выгода, та именно, что никто не станет гнуть Вас по-своему и ломать, а главное, не станет бояться специальной или трудной работы. Ваши литературные произведения будут принимаемы с еще большей охотой. Но, как я уже писал, мы все будем относиться друг к другу строго, потому что исполняем долг и не занимаемся приятным времяпрепровождением. Смутит ли Вас такое обстоятельство?

Если Вы увидите Соловьева [73], то расскажите ему, но далее, пожалуйста, этих сведений пока не пускайте: к чему шуметь, пока еще ничего нету.

Оказывается, что сюда приезжали Мережковские (они не нашли меня, т. к. я переехал на дачу [74]), теперь уехали в Грецию.

Напишу Вам, дорогой Борис Николаевич, толком после: теперь одурел от экзаменов, да и времени нету.

Мой адрес: Тифлис, Николаевская, 67, П. А. Флоренскому.

Как идет у Вас чтение Вронского? [75] Очень интересно, справитесь ли, — интересно, потому что собираюсь в будущем году читать его и несколько опасаюсь, что *вполне*, во всех оттенках не уразумею.

Эрн Вам просил передать поклон. Увидимся?

Ваш П. Флоренский.

8
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

27 мая 1904 года, Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович. Много я думал о проекте того ордена, о котором Вы мне говорили весной. И пришел вот к каким результатам: мысль этого ордена чрезвычайно счастливая, и я могу только приветствовать возникновение его. Серьезные и сложные задачи такого предприятия требуют и *серьезного, очень серьезного отношения.* Вот почему вслух сказать, что примыкаю к нему, было бы с моей стороны очень легкомысленно: назвался груздем — полезай в кузов. 1) Еще не надеюсь на свои слабые силы. 2) Еще слишком мало знаю участников (кроме Вас): конечно, надо присмотреться. Поэтому душой примыкаю к Вам, — это не обязывает Вас делать меня посвященным в эзотерическую организацию. *Считайте меня искренним и преданным делу доброжелателем.* Время покажет, насколько я оправдаю то внимание, которое Вы мне оказываете, и само собой — я примкну тогда к Вашей организации. Что же касается до *журнала,* то, конечно, мысль о предварительном плане №№ очень удачна, и я готов с радостью примкнуть к участникам журнала. Если этот № журнала выйдет, например, в январе 1906 г., то обещаю Вам до этого срока дать все стихотворения *явно религиозного* характера, которые напишу за это время. Затем. Я бы мог приготовить ряд статей, объединенных одним содержанием, но об этом еще рано говорить. Лучше условимся при личном свидании. Есть у меня, кроме того, еще симфония (4-ая) [76], над которой думаю летом поработать. Если что-нибудь выйдет, то я могу ее Вам показать, прежде нежели сдавать «Скорпиону» или «Грифу» [77]. Она по сюжету будет носить явно апокалипсический оттенок. Я уже ее написал года 1½ тому назад, но теперь придется заново переделать и дополнить.

Сейчас же *верно* Вам обещаю только стихотворения религиозного оттенка. Теперь у Вас, вероятно, экзамены подходят к концу, а когда получите мое письмо, то уже Вы кончите. Поэтому заранее поздравляю Вас. Я пока еще не вошел в свою обычную норму и слегка нервничаю. Слишком тягостно сознавать, какое большое бремя на плечах у нашего поколения и как мы мало подготовлены для того, чтобы достойно нести это бремя. Да и наконец силы не хватает, остается одно: ждать помощи свыше. Что касается до Вронского, то я захватил в деревню три огромных тома его сочи-

нений: «Réformé absolue du savoir humain» [78]. Остальные книги у меня взял читать С. А. Поляков [79]. Но читать имеющееся у меня сочинение весьма трудно, так как оно сплошь испещрено математическими выкладками, а также ссылками на предыдущие тома, что делает чтение для меня почти невозможным.

Дорогой Павел Александрович, очень был рад получить от Вас письмо. Мы, объединенные одним чаянием, воистину находимся как бы на маленьком островке среди будущего хохота чуждых стихий. Поэтому всякий знак, подаваемый издали *сочувствующим и знающим*, радует и окрыляет.

Буду ждать письма. Христос да хранит Вас. Готовый к услугам Борис Бугаев.

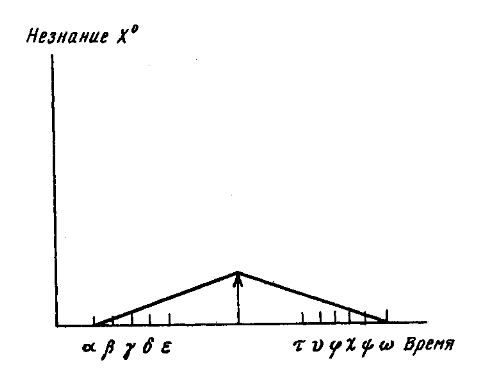
9
ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

14 июня 1904, Тифлис

Около недели тому назад я приехал в Тифлис, милый Борис Николаевич, и получил Ваше письмо. Ему я был очень рад, и это по трем различным причинам. Во-первых, оно — от Вас. Во-вторых, мне приходится быть в таком тяжелом положении [80] (слова о «мече» не устарели [81], Борис Николаевич, меч нисколько не заржавел и даже обострился), что всякий ветерок из родных стран научаешься ценить. В-третьих, наконец, меня обрадовало содержание письма: Вы от себя говорите то, что было давно уже выговорено промеж нас, но чтó по стечению обстоятельств я не мог передать Вам. Само собой разумеется, что каждый из нас (во всяком случае я) не считает себя готовым ни в каком смысле — ни в мистическом (нет благодати особой), ни в эмпирическом (нет знаний, опытности и т. д.). Мы можем только готовиться и ждать; нельзя выскакивать самим из-за кулис, покуда не настало время. Следовательно, говорить вслух теперь совершенно неуместно. Давать обещания — тоже: разве мы́ назначаем ту или другую деятельность себе? Мне думается, что нужно по возможности меньше надуманного, формальностей. Быть вместе во ♀ немедленно совершать вместе или порознь — как понадобится — во ♀, что будет требовать нашего действия, — а таких «обстоятельств» на каждом шагу сколько угодно, начиная от разговора за чаем, который обращается порою в проповедь философского катарсиса от мусора, загромождающего голову [82], и до активной этической или мистической помощи, — в этом *пока* должна состоять наша деятель-

ность, как это представляется мне, — в этом и в подготовке себя самих. Если будет единство, о котором я говорил, то сам собою неудержимо польется теургизм — «от избытка чувств глаголют уста» [83]. Есть такие настроения, которые невольно облекаются в форму Символического делания, в форму делания символов и мифотворчества. Иногда уже не можешь говорить иначе как символически [84]. Я понемногу готовлюсь к писанию большого сочинения мистического и теоретико-познавательного, по теорий познания, построенной на понятии *символа* [85]. Приходится заниматься, между прочим, и археологией, и вот, погрузившись в христианские древности, я охвачен этим потоком свежих прозрачных переживаний христиан первых веков. До сих пор у меня все мелькало опасение — сомнение: да, мы говорим о Христе и знаем Его, но точно ли это Тот самый , которого знали древние христиане? [86] Точно ли мы христиане в обычном смысле слова? Я говорил себе, что мы воспринимаем в Х° по преимуществу момент апокалиптический, созерцаем аспект Масличной горы (Вознесение), тогда как те, древние христиане, воспринимали исторический момент в Х° [87], видели момент Голгофы, и тогда как бедный Розанов [88] бьется-бьется и не может выговорить своего, не может выразить себе точно третий момент, — «животный», не может увидеть достаточно ясно и *чисто* аспект Вифлеема [89]. С теоретической стороны я был доволен таким построением, но не хватало постоянной (моментами хватало) твердости — крепости сознания, что мы говорим действительно об одном, что мы не разрываем с α, устремляясь к ω [90]. Но теперь дано сознание — воспринята убежденность «твердая, как небесный свод», что мы действительно, — одно. Это нахлынуло теплой волной — прозрачной, затопило радостью и ликованием всякие сомнения и недоумения. Что бы кто бы ни говорил, я могу, быть может, отвечать глупости, запутаться в возражениях, но буду все время знать и помнить: те, малые и великие первых веков, pisciculi atque pisces [91], действительно братья, не потому, что должны быть, а потому, что таковы уже суть. Можно прямо смотреть в глаза каждому из них и по совести сказать, что мы подошли к *той же* бесконечности, но с другой стороны, хотя первую сторону помним, знаем, любим и даже видим; мгла веков несколько обесцвечивает для нас, по нашей слабости лик исторического Х° — этот лик был им, первым христианам, виден яснее, красочнее; но зато лик Х° грядущего, подернутый ранее, в первые века, дымкой, скрывавшей

исторические перспективы (все приобретения культуры, науки, искусства и т. д. — все Христово в эмпирическом по своему внешнему выражению), стал теперь для нас ясен и близок. Теперь лучше видно, ка́к должно было раскрываться Христово в эмпирическом. В тумане, в пыльном воздухе отдаленные предметы кажутся совсем близкими. Не был ли такой же обман зрения и у первых христиан? Туман сознания скрадывал от них исторические глубины мирового процесса, а Христос Грядущий казался им близким — вот-вот придет время. Может быть, и еще останется туманность у нас, может быть, и мы обманываемся собственной пыльностью и преждевременно приближаем в своих мыслях ω? Может быть, да. Но ослепительная яркость красок, ясные, как драгоценные каменья, тона показывают, насколько уменьшился слой тумана, пролегающего между сознанием и Ликом, насколько он стал мало поглощать лучей. Мы не знаем, в какой литере между α и ω мы находимся, но лично мне думается, что где-нибудь среди букв τ, υ, φ, χ, ψ — к концу ближе, чем к началу: во всяком случае мне кажется, что мы уже перешли через maximum [92] незнания X°.

Перед отъездом из Москвы я виделся с Свенцицким, он просил передать Вам свой поклон.

Виделся также с преосв⟨ященным⟩ Антонием. Он был в этот раз вполне серьезен и говорил прямо «своим голосом» [93], почему произвел особенно сильное действие. Заметили ли Вы такую подробность. Он иногда «не во время» говорит «Хр⟨истос⟩ Воскресе». Это очень важно для понимании его. Правда?

Христос Воскресе, дорогой Борис Николаевич! Следовательно, прогоните от себя всю нечисть — я догадываюсь, что Вы измучились, — и снова скажите:

«я в восторге — я молод»,

а затем обливайте себе вином кого угодно, хотя бы меня[94]. Уж, наверно, обольете в 4-й симфонии, заранее говорю, что нисколько не буду в претензии, если зальете меня с головы до ног.

Как-то, довольно давно, я видел такой сон. Вы, Алексей Сергеевич[95] и я сидим втроем и рассуждаем о значении слов «убелили одежды кровью Агнца»[96] — как это *кровью* можно *убелять*? Тогда я встаю, в простом стакане граненом от чая размешиваю общипанным и облезшим кропилом какую-то жидкость красную, будто бы кровь, водой разведенную сильно; встаю, расстилаю одежды — три платьица детских, белых с цветочками серыми мелкими — их расстилаю с молитвами; после — жидкостью красною их окропляю. Вы оба смеетесь лукаво. Красные капли на ситцевых платьях расходятся пятнами крупными. Я говорю вам обоим: «смотрите, смотрите — одежды мои убелились кровию Агнца; белыми сделались, будто из снега». Вы с удивлением смотрите, пальцами тычете в пятна. «Где ж белизна-то?» Но я не смущаюсь. «Да, отвечаю, для опыта органов чувсти то — красные пятна — но внутренно, — тайно сне́га белее одежды. Напрасно смеетесь...» Это был новый обряд — обряд апокалиптического христианства — обряд «убеления риз». Вы не смейтесь, Борис Николаевич. Ведь это только сон, протокольно переданный Вам[97]. Если этот обряд нелеп, то я не виноват, если только Вы не станете винить за сны.

Христос Воскресе! Ваш П. Флоренский.

Мой адрес: Тифлис, Николаевская, 67.

10

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

⟨28 июня 1904⟩ Серебряный Колодезь

Воистину Воскресе!

Падают, падают дни — матовые жемчужины — в чашу безвременья. Разлетаются — одуванчики. Начало сливается с концом. Остается одно — неизменно вечное, старое, и новое во все времена.

Дорогой Павел Александрович, спасибо, спасибо за те слова, которые Вы мне написали. Теперь дни — созревают колосья, разбиваются волны опьяненных колосьев многопенным шелестом прибоя. Пройдет еще немного дней — и ржаное золото опустится, тяготея. И светозарные волны солнечных лучей пахнут медовым, золотым, как абрикос, ветром: вот закрутилась пыль на дороге, и

ветреный шепот: «*Вот и Я близко*». И сердце наполняется безотчетной радостью, и — воистину — воскресает в сердцах!

Христос Воскресе!

«*О дне сем никто не знает, даже Сын*» [98] — конечно, мы должны всегда это помнить. Но, освобождаясь от власти времени, начало и конец встают неожиданно перед нами. Чувство конца, апокалипсичность, есть, по-моему, один из вернейших показателей нашего христианства (дерзаю так говорить, лично сознавая, что мое чувство «*христианства*» есть чудесная и незаслуженная милость Божия). Мир сей — в пространстве и во времени, и языческому сознанию совершенно уместно говорить о феноменальности всяких переживаний, ибо «*чувство*» безвременности, конца есть залог и вместе с тем начало того, что «проходит образ мира сего» [99] — конечно, это мир (с маленькой буквы), а не Мир. Чувство конца указывает нам, что мы из «мирских» становимся «мировыми» гражданами. Купаться в ветерке, пить аромат вселенной, целовать золотые усики колосьев — уже это все показывает, что мы отныне заинтересованы не только делами людскими (общественность), но и Божьим делом (сначала «*миро*»любие, а потом и «*миро*»творчество).

Сначала нужно полюбить мир Божий, а потом пронизать Им и «*мир сей*» (общественность). Так что порядок любви: 1) любовь к Богу; 2) любовь к миру; 3) любовь к ближним (цемент скрепляющий 1) с 3) — *Мир* Божий). Чувство конца создает из *граждан мирограждан*, а ведь *мирогражданство* и было той основой, на которой воздвиглось христианство, как преодоление «*мира сего*» (бесконечность, непрерывность, пространство и время). «*Христианство* только тогда *христианство*, когда "мир сей" становится прозрачным, как стекло, так что, оставаясь "миром сим", оно уже не *сей мир*, а *иной*» (символизм). Мир — как стекло: «*И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем, и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии*» [100]. *Мирогражданство* — стеклянное море — «*хаос*» муть мирская (народы, язычники; хаос личного сознания, ужас, «*смешение*» методов) здесь претворилось в «*прозрачность мировую*». Характерно, что следующий текст таков: «*И поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи — песнь Моисея и песнь Агнца*» [101] — стало быть, стекло, бывшее прежде не дочиста протертым, *не разбивается, а протирается. Стало быть, «мир сей»* проходит в смысле того, что «мир сей» – (минус)

пыль *Мир Божий.* Отсюда: как бы отстает один верхний покров и снимается с *Тайны. Конец мира* исторический более всего резок для более других *опыленных.* Мое «Я» — есть *стекло + –пыль.* Если *пыли* больше в *«Я»*, чем стекла, то устранение этой пыли повлечет за собою быструю и резкую *погибель, смерть и осуждение.* Наоборот, *очищение* всегда постепенно, и в этом смысле конец для очищающихся есть *все растущая сладость чувства безвременности и Христова Приближения* (по крайней мере таково первое веяние конца). *Чистые как бы не увидят Антихриста,* исторически воплотившегося, хотя он их и будет мучить на историческом плане... Впрочем, боюсь делать из этих намеков какие бы то ни было догматические выводы.

Знаменателен Ваш сон, и разве можно смеяться над такими снами? Я знаю, что бывают времена, когда *вся сила реальности* сосредотачивается в этих снах *особого рода* (внутренний опыт недаром отмечает одни сны и не обращает внимания на другие)... Вы пишете об Антонии: *Антоний производит на меня какое-то чересчур сильное действие. Я чту его, более, чем кто-либо, сознаю безмерность силы, таящейся в нем,* но... есть люди из степей и раздолий, сознающие потрясающее действие горного пейзажа, но все же... их тянет к широким степным раздольям. И обратно. Это не должно понимать как совершенную чуждость горам со стороны людей низин и обратно: люди, привыкшие к одному идеалу святости, не вполне понимают святых по другому *идеалу.* Я как-то *еще не вполне понимаю точек приложения силы Антония...* [102]

Ужасно интересуюсь Вашим трудом. Надеюсь в Москве больше узнать у Вас о Христианских древностях.

Пока же до свиданья. Храни Вас Господь!

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Пишите. Я в деревне до 15-го августа, а потом — в Москве.

11

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

18 июля 1904, Тифлис

Мир (и Міръ) и благодать Господа Иисуса Христа!
Милый Борис Николаевич!

Как-то я сидел за работой — писал; приносят Ваше письмо, и в нем читаю некоторые из фраз, которые только что написаны мною: почти тождественные даже выражения. Это хорошо и ра-

достно. В одной масонской рукописи я видел когда-то схематический рисунок мироустройства, а на рисунке надпись: «Abyssus invocat Abyssum» — бездна бездну призывает; выражение взято из псалмов[103], но с совершенно измененным смыслом. Теперь тоже происходят переклики Бездны — и Бездны хаоса и другой, «нашей». Вот на этом-то факте следовало бы внимательнее остановиться, потому что тут несомненный факт. Не Вы и не какое-либо отдельное лицо является в данном случае «Abyssus». Некоторая Бездна, т. е. то, что не имеет эмпирически ограничивающего ЕЕ — дна, — звучит вечной гармонией, и перекликаются в нас, резонатором, отзвуки этой гармонии.

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что весь этот гул трескучий
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий[104].

Слова́ перестают уже быть «моими» или «твоими» словами, они воспринимаются как заглушенные отклики иных слов — слов *Сло́ва*. Если в мире сем такие переклики и созвучия резонаторов вызывают неудольствие и ярость («как он смеет говорить то же, что и я: это — мое; pereant, qui ante nos nostra dixerunt[105]), то в Мире ином, в том мире, к которому мы стремимся, так «да не будет», но «да будет» обратно. Слова звучат в каждом индивидуально, — ведь не индивидуальность, не идея данной личности, делающая ее абсолютно ценной и необходимой в Мирогражданстве, уничтожается, а только ее разделенность, обособленность, замкнутость в себе, — но слова́ уже не «мои» и не «твои». Даже и не «наши» общие слова. Слова у держащего в Себе, как в живом Разуме, полноту всякого сло́ва — у Слова; они — Его. Там и тут жидко рассеянными звездочками вспыхивают о́клики Слова́; чаще и чаще мелькает лучезарная искорка — это одна из пылинок попала в золотой сноп лучей; накопляются светоносные брызги, перекликаются, и вся поверхность моря — шумящего и мятущегося многоголового чудовища, стада людского — покрывается нежно сплетенною сетью — кружевом мерцающей пены и мириадами блестящих искорок. Мы не можем не ждать, что вот-вот сияние разольется по всей поверхности, захватит светлою скатертью всякого, кто не хочет только *сам* погрузиться вниз, в холодную темную влагу, не можем мы отрешиться от впечатления, что отдельные о́клики не сегодня завтра сольются в один полнозвучный аккорд, и хаотическое море, мятущееся, выкристаллизуется в

готические кружевные соборы, в стройную музыку Церкви. Несется Дуновение где-то, но уже струйки «хлада тонка»[106] захватывают этот мир, холодная дрожь радости пробегает по всему телу, охватывает предутренняя свежесть.

Вот гудят вдали колокола перед Великой Заутреней, вот перекликаются горласто звонкие петухи.

Ой дівчя, дівчя жидівчя,
Ой кобись то так и не моя дітина,
Я казав би тя в Дунай кинути,
Втоди руській Бог из мертвих устав,
Коли тот каплун перед мя злетить,
Перед мя злетить, красно запіе.
Есть перед жидом тарель точений,
Тарель точений, каплун печений,
А каплун злетів, та й на облок сив,
Красненько запів, а жид остовпів.

Мы, не уславливаясь в символике, можем говорить символически. Понимаем друг друга. Неужели это *ничего* не значит. Мы ненаучны; великолепно. Но ведь такое духовное единение есть факт, его надо же объяснить. Прилив сил надо объяснить. Радость надо объяснить.

Один из основных тезисов того сочинения о символах, которое я пишу[107], есть тот, что *символы* не есть что-нибудь условное, создаваемое нами по капризу или прихоти. Символы построяются духом по определенным законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, как начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. Символизирующее и символизируемое не случайно связываются между собою. Можно исторически доказать параллельность символики разных народов и разных времен. Аллегории делаются (fiunt) и уничтожаются; аллегории — наше, чисто человеческое, условное; символы возникают, рождаются в сознании и исчезают из него, но они в себе — вечные способы обнаружения внутреннего, вечные по своей форме; мы воспринимаем их лучше или хуже, смотря по действенности некоторых сторон духа. Но мы не можем сочинять символов, они — сами приходят, когда исполняешься *иным* содержанием. Это *иное* содержание, как бы выливаясь через недостаточно вместительную нашу личность, выкристаллизовывается в виде символов, и мы перебрасываемся этими букетиками цветочков и понимаем их, потому что букетик на груди снова тает, обращаясь в

то́, из чего он был создан. Посмотрите, дорогой Борис Николаевич, будто в лаун-теннис играют: всюду в воздухе носятся букетики. Неужели можно сказать «это мой букетик»? Мне иногда думается: впоследствии, *тогда* было бы хорошо устроить анонимность. Издает журнал братство; «моего» и «твоего» нету. Это я только фантазирую пока, да и никому еще не говорил. Что загадывать вперед: ведь все зависит от того, насколько мы сами проникнемся Христом. Такие вещи не делаются по заказу и намеченному плану, а если бы и сделались, то не имели цены... «Милости хочу, а не жертвы» [108]. Но можно пофантазировать. *Почему* литературная собственность не есть собственность, «мое», особое? Может быть, это самое собственное, и едва ли что так может действовать разделяюще, как литературное самолюбие. «Своего» не нужно. Не то чтобы никогда и нигде его не должно было быть, чтобы оно само по себе было плохо. Конечно, нет. Но «все можно, но не все полезно». Литературная собственность может мешать. И мешает, часто мешала, была «не полезной».

Тут, в Тифлисе, после заката солнца бывает иногда особое небо; такого я нигде не видал. Какое-то будто прозрачное, твердое, почти бесцветное, а за ним будто пламена далеко-далеко. Мне всего вспоминается «стеклянное море, смешанное с огнем» [109], и это было бы для нашего неба лучшим описанием.

Читаю Ваши стихи, еще и еще и все более восхищаюсь. Есть разные стилистические и т. д. недочеты, но, быть может, это и к лучшему: рвется сквозь нее яснее непосредственность, невыдуманность. Очень хорошо. Все собираюсь написать статью для «Нов⟨ого⟩ пути» о «Золоте в Лазури», но не решаюсь. Ответственно очень. Ваш сборник по своему характеру (не по качеству, а по сути) — знаменье перелома, перевала сознания; новые виды раскрываются, хотя многое еще подернуто дымкой. Об этом новом (теургизм) надо сказать достойно Вашего сборника — для меня это трудно, если не невозможно [110].

Может быть Вы, — простите за смелое предположение, — сами и половины в своих стихах не понимаете, не понимаете ценностей. С некоторыми вещами можно богослужение совершать. Об этом я расскажу Вам кое-что, когда свидимся.

Не знаю уж, я ли так сжился с Вашими стихами или они действительно так многообразны, как мне кажется, но на всякий момент жизни находится несколько стихов, и, когда остаешься один, то невольно незаметно для себя напеваешь или шепчешь что-нибудь из Вашего.

Господь с Вами!
Любящий Вас

П. Флоренский.

Тифлис, Николаевская, 67

12

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

1904 года ⟨12 августа⟩,
Серебряный Колодезь

Дорогой Павел Александрович, ну конечно мы совпали! В то время, когда Вы писали о *символах* как об элементах, формирующихся по определенным внутренним законам, я писал о *символе* как об определенной эстетической единице, как о мире художественного измерения, как о *едином* неоплатоников, как о чем-то, покрывающем школьные понятия о форме и содержании, и старался вывести закон сохранения творческих усилий из понятия о *Символе* как частный случай выражения символической доктрины в эстетике. Очевидно, теперь это порхающая мысль времени. Она нас обвевает ласковым дуновением, посылая нам одинаковые букетики. Весело и радостно работать, когда чувствуешь, что «*Оно*» само напрашивается на то, чтобы быть высказанным. Только что недавно получил письмо от Алексея Сергеевича [111] и по нему увидел, что мы тоже значительно совпадаем. Оба страшно обрадовались рождению царевича Алексея, можно ли было дать иное название ему [112], родившемуся в столь смутное время. Радуюсь войне [113]: чем хуже, тем лучше. Заметьте, что разгром одних эскадр и рождение наследника совпали: последняя дымка, скопившаяся до войны, теперь разрядилась и от этого наследник мог родиться: прежде дымка ему мешала.

Стоят «*душные, знойные дни*», и опять, и опять хватаюсь за Владимира Соловьева и весь бываю объят чувством конца:

Печальные ели
Застыли вдали без движенья.
Пустыня без цели
И путь без стремленья.
И голос все тот же звучит в тишине без укора:
Конец уже близок: нежданное сбудется скоро.

(*Вл.* Сол⟨овьев⟩) [114]

Иной раз мне кажется, что Соловьев — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле, а если и не все соответствует в

нем тому представлению о посланнике свыше, которое требует от такого посланника легкости и усмиренности (это против Ал⟨ексея⟩ Сергеевича), то ведь понятие о легкости воззрений чисто догматическое: многое в Соловьеве заставляет признать истинного пророка *вопреки всему*. Часто я внутренне бунтую против соловьевства и потом снова и снова проникаюсь его духом. Его «*Теоретическая философия*» (том VII) и стихи прямо гениальны, особенно: «*Три свидания*», «*У царицы моей...*», все о «*Сайме*», «*Обида*», «*Море*» и т. д.

Если бы Достоевский обладал той степенью прозорливости, как Вл. Соловьев, то вместо «*Братьев Карамазовых*» мы имели бы «*Апокалипсис*». Достоевский бы сумел показать *товар лицом*, Соловьев же прятал все наиболее глубокое в себе, высказывая это в парадоксах и сопровождая своим характерным смешком «*Хе-Хе*». Смешок этот так и застыл на портретах его, заставляя подчас — и совершенно напрасно — видеть в Соловьеве нечто демоническое [115]. Но *демонизма как страсти* в нем нет, нет и нет.

Дорогой Павел Александрович, надеюсь теперь скоро увидимся. Я думаю выехать из деревни 20-го августа и затем с мамой поехать в Саров [116]. К 1-ому сентябрю буду непременно в Москве. Все же простите меня за внешнее, что пишу здесь, но тороплюсь, сегодня надо еще написать много писем, а времени мало.

Христос с Вами!

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Подал прошение в Университет. А Вы как с Академией? *Надеюсь, будете часто бывать в Москве* [117]*, и у меня конечно. Надеюсь, мы будем все видеться.*

13
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

⟨23 ноября 1904. Моск⟨ва⟩⟩

Брюсов снял маску [118]. Принимайте меры. Бугаев. Соловьев [119].

P. S. Дать знать Свенцицкому.

14
ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1 декабря 1904, Сергиев Посад

Милый Борис Николаевич!

В⟨алерия⟩ Б⟨рюсова⟩ в «Весах» не было, хотя мы ждали его довольно долго и хотя он *должен* был прийти, по словам Полякова.

На нас это произвело впечатление такое, что В. Б. уклоняется от встречи. Записку и ваше письмо [120] я оставил для него на столе редакции.

Мне кажется, что он снова принялся за Вас и что у Вас не совсем спокойно. Не обращайте, дорогой Борис Николаевич, внимания и идите своим путем мимо всех личин. Мы не дадим Вас [121]. Хотя В. Б. и пристает, но я сознаю, что он надломился и теперь больше форсит, чем имеет подлинной силы. — Молюсь за Вас и искренно люблю.

П. Флоренский.

P. S. Привет Сергею Михайловичу.

Мне было бы очень важно иметь для изучения стихотворение В. Б., посвященное Вам [122]. Тогда я не успел переписать его. Может быть, Вы сможете доставить на 2—3 дня?

15
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

⟨18 апреля 1905, Москва [123]⟩

Дорогой, многоуважаемый Павел Александрович, будьте непременно в Москве к среде. В среду от 12—1 Вас очень хотят видеть Мережковские. Они остаются только два дня. В пятницу Д⟨митрий⟩ С⟨ергеевич⟩ читает у Морозовой [124] лекцию о Церковной реформе. *Надо быть*. Если можно, пусть будут и академики [125]. Цена с них 1 рубль. Для *Вас* можно так. Пожалуйста, дорогой, приезжайте. Важно для дела. Христос Воскресе! [126]

Любящий Вас Б. Бугаев.

16
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

2 мая 1905, Москва

Дорогой Павел Александрович! 4-го мая Эрн читает реферат о собственности у Христофоровой [127], и в то же время мы приурочили к дню этого чтения собрание будущего общества памяти Вл. Соловьева [128]. Пожалуйста, приезжайте с Алексеем Сергеевичем и, быть может, Троицким [129]. Более 30—40 человек не будет. Будут только *действительно* интересующиеся. Глубокоуважающий Вас и любящий Б. Бугаев.

P. S. Зайдите ко мне.

17
ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

15 июля 1905, Тифлис

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич!

Хотя Вы, кажется, и сердитесь на меня за наши разногласия этою зимою и хотя в *результатах* наших, действительно, разногласия, но я все-таки считаю Вас так близким к себе и по цели, и даже по путям, что пишу. Близким считаю потому, что знаю одинаковость наших основных настроений (сказочность) и исходных пунктов развития. Поэтому, мне кажется, я в каждом Вашем движении понимаю Вас и, быть может, каждую минуту мог бы сделать его сам, если бы с самого начала не стал обрабатывать своих переживаний иначе, чем делаете это Вы. А во многих случаях я спорю с *Вами*, и жестоко, но это — видимость; на самом деле я разговариваю с самим *собою*, и отсюда — жесткость приемов. Перед отъездом из Посада прочел Вашу статью [130]. В качестве схемы она мне представляется очень интересной, особенно в понимании Вал⟨ерия⟩ Як⟨овлевича⟩ [131]. Но именно как схема [132]. Удовлетвориться *таким* развитием темы я не могу, потому что тут вся доказательность зависит от жизненной сочности и конкретности переживаний. Если статья Ваша возросла бы раз в 20—30, то стала *неизмеримо* ценнее.

За последнее время я все собираю материалы для «Софии» [133]. Собирать очень трудно, т. к. приходится внимательно прочитывать груду сырья, просматривать кучи икон, рисунков и т. д., чтобы выловить несколько жемчужин. Но есть у меня в материалах (это — один из перлов моих) икона совершенно апокалиптическая, где — «Жена, облеченная в солнце», Богородица, Зверь из бездны и т. д. Работа будет закончена не скоро, работа в высшей степени неблагодарная, т. к. масса энергии уходит безрезультатно, но для С⟨офии⟩ «жалеть ли мне рук»? [134] Пусть все остальное не идет, как следует: но уяснить то, что необходимо теперь всем, заставить согласиться — это так важно, что надо забыть об остальном. Мелкие вещи пишу. Недавно закончил о «типах возрастания» [135]. Это подготовка (математико-психологическая) к вопросу о «лицах под специальным покровительством С⟨офии⟩» [136], как напр⟨имер⟩, Ваша Дама [137], как другая Дама, которая мне известна и Алекс⟨ею⟩ Серг⟨еевичу⟩ [138], как еще кое-кто из «особенных» благодатных. Приходится и тут, в области философской (напр⟨имер⟩, теория символов), все подготовлять почву, обосновывать и потом

нежданно вдруг сделать такое резюме, которого будет нельзя не признать даже врагам нашим. Им тогда придется объявить, что они не отрицают того, что мы говорим, но *не хотят* этого, *волею* противятся этому. До тех пор же, как «споры» не перенесены на почву сознательного волевого утверждения и отрицания, до тех пор, пока они остаются просто вопросами обсуждения, Апокалиптическое начаться не может. Τὸ *κατέχον*, «удерживающее», т. е. эмпирическое, условное, еще не пробито, раз возможны споры. Конец при дверях, но не в дверях, и я не верю, чтобы мог наступить конец до тех пор, пока каждый не получит всего «важного» в столь разжеванном виде, чтобы мог сказать вполне сознательно с волею: «я хочу этого» или «я не хочу этого». Если же возможны рациональные соображения и эмпирические возражения, то еще — не конец. Даже Вал⟨ерий⟩ Як⟨овлевич⟩ не дорос до конца: он пускается в область «исторической критики», «как историк» [139]. А конец, разрешение всех противоречий, высшее счастье, сделался бы для меня невыносимым насилием над миром, если бы предлагался миру недозревшему до сознательности к нему. Помните «спелые смоквы» [140]. Помните «пшеницу и плевелы» [141], растущие до полной зрелости. Помните «виноград», из которого давится сок, т. е. виноград зрелый (в Апокалипс ⟨исе⟩)? [142]

Как идут Ваши работы — главное, конечно, 4-ая Симфония и стихи? [143] Ваши симфонии мало кому понятны, но тут Вы ни при чем. 3-я («Возврат») [144] кроме тех чисто литературных промахов, о ко⟨торых⟩ мы с Вами говорили (напр⟨имер⟩, конспективность и непропорциональная сжатость последней части), мне представляется вполне законченной и легко понимаемой при известном развитии; если же его нет, то как бы Вы ни писали, вы все равно останетесь непонятным. Если Вы будете выпускать 4 симфонии вместе, то я непременно разражусь статьей, и большой; о «Золоте» была вполне обдумана и почти написана вчерне, но так не хочется печататься (прямо как-то претит), что она и осталась, как и множество других вещей, в портфеле. Но тут мне надо сказать очень много важного теоретического и много восторженного. — Если увидитесь с Мережковскими, то кланяйтесь им от меня и передайте сердечный привет. И Зинаиде Никол⟨аевне⟩ также: хотя я видел ее всего несколько часов, но многое понял в ней, и прежде всего то, что она неизмеримо лучше, чем кажется. Я знаю, что если бы я только и видел ее, что в обществе (напр⟨имер⟩, у Рачинского [145]), то она бы возбуждала некоторую досаду и недоумение. Но когда я увидел ее в интимном кружке, то стало ясно, что в

конце концов то, что способно возбудить досаду, есть результат известной внутренней чистоты, — внешняя изломанность — проявление внутренней боязни сфальшивить. Это странно как будто, я даже не могу объяснить Вам толком, что именно хочу сказать, но я хорошо знаю, что бывают такие люди, которые, боясь неестественности, надевают маску неестественности, — такую неестественность, которая не искажает подлинную природу личности, а просто скрывает ее. Зинаида Ник⟨олаевна⟩ при нашем свиданьи сказала мне такую характеристику меня, которая в высшей степени тяжела, скажу более, оскорбительна, хотя я сильно боюсь, что Зин⟨аида⟩ Никол⟨аевна⟩ во многом права. Она сказала то, подозрение чего меня мучило и мучает непрестанно, хотя я этого никому не скажу. Но вместе с тем в самой Зин⟨аиде⟩ Ник⟨олаевне⟩ я увидел столько скрытого боления и деликатности, что чувствую себя с ними обоими близким, хотя знаю, что оба они, особенно Дм⟨итрий⟩ Серг⟨еевич⟩, ни за что этого теперь не признают и что они сердятся на меня все из-за того же, из-за исторической Церкви.

Я хорошо понимаю, почему в этом отношении я расхожусь со всеми, почему я разошелся в некоторый момент и с самим собою. Тогда я подходил к Церкви, смотря на нее объективно, «как на мать ребенок, который отделился от ее организма» (Дм⟨итрий⟩ Серг⟨еевич⟩). И тогда я видел тысячи недостатков, видел толстейшую кору, под которой для меня не было ничего, кроме выдохшихся символов. Но не знаю чтó — толкуйте как хотите — что-то поставило меня против воли моей в субъективное отношение к народу, а вместе с ним и к Церкви, которую он любит. Я зашел внутри всех скорлуп, стал по ту сторону недостатков. Для меня открылась жизнь, быть может чуть бьющаяся, но жизнь, открылась безусловно святая сердцевина. И тогда я понял, что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это, — не выйду, потому что не верю в духовную generatio spontanea[146], не верю в возможность «устройства» Церкви. Церковь «наша», сказал я себе, либо вовсе нелепость, либо она должна вырасти из святого зерна. Я нашел его и буду растить теперь его, доведу до мистерий, но не брошу на пожрание социалистам всех цветов и оттенков. Если я виноват, Борис Николаевич, что воспринимаю жизнь и святость за толстой корой грязи (которая для меня, может быть, кажется гораздо толще, чем для других, потому что она мне делает *больно*), если грешно любить святое, то я действительно виноват перед всеми, кто расходится со мною. Но только могу сказать им: я могу при-

твориться, но не могу перестать чувствовать то, что чувствую. Делайте что хотите и как хотите. Ваше осуждение сделает больно, но любовь только усилится от них...

Как Ваше настроение и Ваше здоровие? Надо запастись и тем и другим на зиму, т. к. приходится предвидеть зиму небывало трудную и напряженную, в сравнении с которой прошедшая — тишина и спокойствие. Мне этим летом не только не удалось отдохнуть и поработать, как хотелось, но еще более измучился и издергался. Тут такая обстановка, столько напряженности в воздухе, столько взаимного раздражения и столько крови [147], что невозможно сосредоточиться и не нервничать. Немного успокаиваюсь на одном только Шиллере.

До свиданья, дорогой Борис Николаевич, — если только оно возможно еще тут: ведь ни за один день рассчитывать не приходится. Желаю Вам всего хорошего и, главное, не оставаться нравственно одному.

Ваш П. Флоренский, искренно любящий.

Адрес (до начала августа) Николаевская, 67, П. А. Флоренскому. (после начала августа): Сергиевский Посад (Московская губ.), Духовная Академия, П. А. Флоренскому.

18

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

⟨14 августа 1905, Москва⟩

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович, был так обрадован Вашим письмом. Я часто думал о Вас. Много раз собирался писать Вам, но до последних чисел июля все отвлекался. Лето разразилось над нами с Сережей грозовое и значительное. Все оно состояло из зарниц прорицания. Все собирался разгадать эти зарницы. Приходилось много бороться с Химерами. Химера, когда-то вылезшая из Валерия Яковлевича, многих людей для меня (для нас вместе с Сережей) занавешивала своей пеленою [148], пока я не обратился от людей к Самой Химере, этому Дракону. Знаете ли, Павел Александрович, воистину *Дракон* близко. Часто мне он открывается как *Фафнер* [149], но Фафнер одна оболочка. Вот еще Он приблизится и станет не Фафнер, а Змий Древний. Ясно одно: Змий близко, он прикидывается то тем, то другим. Он вмешался во все и все запутал. Ясно одно: где многое созидается как твердыня, там же рядом многое *подрывается*. Дракон гнездится всегда рядом с Брунгильдой [150]. Иногда, высунув язык, он выпол-

зает из норы, чтобы коварной пастью своей словить Брунгильду. Но Брунгильда *не* Брунгильда. И Фафнер *не* Фафнер. Вот так и я: попал в какое-то опасное место между Фафнером и Брунгильдой; с места моего ничего не разберешь в пылу войны (как в современной войне), машешь руками и ногами, попадаешь мечом в своих и чужих, чувствуешь, кто-то со стоном валится, не видишь кто: свой или чужой, знаешь только, что надо не падать духом, а рубиться, рубиться без конца во славу... *долга*. И вдруг спасение: а что, если туман рассеется и картина павших в бою врагов откроет все знакомые лица не врагов, а ... друзей. Страшно. Но я признаюсь: я все растерял, все критерии, знаю одно: 1) чувство *несказанного* знакомое и близкое, 2) гносеологический критерий. Вот два несоизмеримых друг с другом моих оплота, а все прочее — *под вуалью*. Эта зима (2-ое полугодие) меня очень изменила: я *еще* раз усумнился во всем, что я считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе, в Боге, в Христе, *но и*: в пренебрежительном отношении к социологии, к тенденции, к террору и т. д. В результате: запрезирал в себе Андрея Белого, захотел стать Андрюхой Краснорубахиным [151]. И т. д. В результате стал серьезно относиться ко всем мнениям и не мог примирить друг с другом и с собой различных людей. Устал смертельно и возненавидел беспричинно всех. Вопросы о *религии* стали для меня тошнее касторки: слишком много весной собирались и говорили, говорили, говорили. И все с пылом, с жаром, с нервами. Могу сказать, что общение с вопросами «Х⟨ристианского⟩ Б⟨ратства⟩ б⟨орьбы⟩» выбило из меня на несколько месяцев всякую религию, а оторваться от Э⟨ллиса⟩ и С⟨оловьева⟩ [152] не могу, потому что вижу в них пылающих *ревностью о Боге людей*. И браню их, и устал от них, а всетаки принимаю их серьезно и значительно. Но что мне делать: все несказанное во мне стыдливо спряталось в такую глубину, что для нее нет слов (там, *кажется*, и Христос, и счастье, и радость), но только для слов все это «*ни о чем*», а на словах могу только быть скептиком и *гносеологом* (Риккерт [153] для меня откровение. Хочу основать на нем всю эстетику). И не знаю, усталость ли это или отврат от религии. Кажется, усталость, потому что как только «*вопросы*» выкину за борт, так начинается интимная мистерия в жизни. Эта мистерия называется «ни о чем». Но мистерий «ни о чем» не бывает: стало быть, *мой* путь углубленно интимный. И вот делюсь на две половины: одна собирается говорить, исследовать, писать рефераты, собирается производить все это с одушевлением в обществе «*Памяти Вл. Соловьева*» (Гр⟨игорий⟩ Ал⟨ек-

сеевич⟩ Рачинский уж мне ставит катег⟨орические⟩ императивы в этом смысле), а другая половина называет это воодушевление машинным воодушевлением и, наоборот, в интимной глубине «*Ни о чем*» отдыхает несказанно. Вы спрашиваете меня о «*Симфонии*». Нет, не пишу. Спросите, почему? Ей нет места между двумя половинами моего сознания: *Андрюха Красный* и батюшка Алонзанфанделапатреображенский [154] (член будущего общества памяти Вл. Соловьева) презирают сии занятия (да и вращаться им приходится в атмосфере, внутренно не могущей принять *художника*). А другая половина сознания, переживя действительность, бесконечно «*симфоничнее*» исполненные, нежели всякие симфонии, отказывается передать то, перед чем «мертв язык». И опять-таки, где выход, не знаю. Буду ли писать «*Симфонии*», не знаю. 4-ую во всяком случае допишу. А пока задумал поэму и 1/2 написал, другая же половина разрастается *в драму*; и я отложил ее дописывать. Поэма будет богоборческая [155], и чем глубже со мной моя интимная радость «*Ни о чем*», тем слаще боль писать богоборческий выкрик. Теперь же пишу ряд статей: 1) Темы будущих рефератов и статей, 2) Все главы моей книжки «*Основы символизма*» [156], которую думаю выпустить к весне. Стихов не пишу. Христос с Вами. Надеюсь, скоро увидимся. Глубокоуваж⟨ающий⟩ и любящий Вас. Б. Бугаев.

Христос с Вами.

P. S. Все-таки я думаю, что все осталось по-прежнему, и я — христианин, хотя за эти 2 месяца со мной произошел ряд переворотов. Несомненно, что-то очистилось. Письмо от Вас было для меня очень хорошим и радостным знамением: спасибо за него. Я как-то вдруг живо Вас почувствовал и успокоился почему-то. О Вас в последнее время я ничего не знал, и мне думалось, что если увижу Вас, то вдруг... не узнаю. Но теперь ясно, ясно вижу Вас и страшно хочу Вас видеть.

Господь да хранит Вас.

Преданный Вам всей душой Борис Бугаев.

P. S. А. С. Петровскому мое приветствие. Писал ему, — не отвечает. Страшно интересуюсь Вашим трудом о Софии. Часто о нем думаю. Не познакомите ли нас вообще с добытыми результатами? Мы все были бы так благодарны. Чувствую, что веяние Софии есть мой удел, но теоретизировать здесь я не умею. С благодарностью бы послушал Вас, как учителя. «*Дама*» под покровительством *Софии* знает о Вашей работе. Она интересуется всем «*о Софии*» весьма серьезно.

19
ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

31 января 1906, Сергиевский Посад

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич! Много раз начинал писать Вам и столько же раз бросал письмо. С *Вами* особенно хотелось бы быть в общении, но я не писал (да и сейчас не напишу того, что хотелось бы), т. к. жизнью завладело *ἄρρητον*[157], и даже для самого себя не находится слов, чтобы охватить внутреннее. Одно только ясно; всюду какие-то серые перегородки, и об них хоть лоб расшиби, а все не проломишь бреши.

На науку, философию и все такое я давно уже махнул рукой, не стал их рассматривать, как «все». А смысл и цель деятельности тогда стал видеться в общении с личностью, — и не в «деятельности любви» и не в «служении ближним» (и на них я не смотрел и не смотрю, как на «все»), а в прикосновении голой души к голой душе. Если чего можно достигнуть положительного, то только *в* и *чрез* такое слияние, так чтобы всегда хотя бы два человека до конца, до дна понимали друг друга, чтобы каждый из двоих представлялся другому бесконечностью. Я увидал, что в таком единстве — основание всего и оно постулат всякой жизни. Но возможно ли оно? — Это для меня роковой вопрос. И если в отдельные моменты оно вполне реально, то в другие — бесследно тает, и являются грани между личностями. Начинает казаться, что все усилия выйти *за* них, за грани, остаются мучительной потугой... Но нужно не друга, хотя бы гения, не умных, не утонченных и переутонченных отношений, а просто Друга, просто близких, всецело человеческих, тех отношений, которые дают себя, а не свое, и берут меня, а не мое. *Это* возможно ли? Если нет, то вся жизнь окрашивается безвыходно-мрачным покровом, потому что без *этого* представляется невозможным и всякая деятельность. «Дела» же сами по себе, не освященные личными отношениями, мне кажутся слишком ненужными; всякие «дела» для меня ценны только символически, поскольку они выражают и служат для *личного* общения, не для периферических прикасаний, но для внутренних объединений.

Может быть, я по-философскому и по-литературному говорю сейчас слишком наивно и слишком плоско. Но не до «глубин», когда *жизнь* уходит и ничего из нужного не делаешь. Я не хочу «глубин», не хочу литературы, не хочу «дел», хотя бы даже мог сделать гениальное. Безусловная ценность, знание Бога не наше, не «зерцалом в гадании» — в зыблющихся и крутящихся символах

поэзии и философии, не вкрадчивые улыбки Софии, а все — или ничего! Рукой щупать Бога — думаю, что если это можно, то не иначе как чрез душу *другого*, Друга, — все наполнить сознанием незыблемости, рукой схватиться за «мышцею Сильного»... [158] Остальное все благословенно, свято, хорошо, но не есть, а *будет* только тогда. Только начнешь *видеть*, налетит туман, и все заволочено. Только пойдешь бодрым шагом, и ... стена. Я знаю, что грешен, знаю, что недостоин, я не бурчу и не жалуюсь. Но... тяжело, хотя «да будет Воля Твоя». Из всех поэтов читаю только Никитина.

Много Вас вспоминаю, дорогой Борис Николаевич, но чем чувствую Вас ближе, тем менее хочу ехать повидаться, т. к. знаю, что Москва и московская обстановка мне испортят настроение. Что касается до моих «письменных работ», то тут я столько раз наталкивался на затруднения, что начинаю видеть в этом знамение, признаться сказать, совпадающее с моими тайными желаниями. Печататься решительно негде: для одного журнала — слишком учено, для другого — слишком «в новом стиле»; для одного — слишком математично и т. п., другому противны элементы мистические и богословские. Одним словом, угодить ни на кого не могу, а изменять тот метод, который мне кажется настоящим моим путем (исследование понятий и синтез разнородных материалов), не могу по совести. В результате предпочитаешь больше думать, нежели писать. Все встает вопрос: «для чего? все равно останется в портфеле». Да, по правде сказать, я вполне сочувствую редакциям, которые бы стали мне отказывать: что же печатать тó, чего читать не станут. Впрочем, я лично рад данному обстоятельству: с более спокойной совестью могу менее отвлекаться от своей жизни и своей работы...

Прочел «Сфинкса». Особенно почувствовал «Зияния», «День Господень — тьма» [159]. А знаете ли, мистики говорят, что предпоследняя ступень лестницы восхождения [160] — «сумрак веры», сумрак, т. е. как в торжественном еловом лесу — готическом храме [161]. Вы, дорогой Борис Николаевич, многое поразительно как угадываете. Мне (простите!) часто кажется, что сами Вы не хорошо знаете, чтó Вы угадали, не понимаете подлинной важности прозрения. Вот хотя бы Ваши Светозаровы и К° [162]. Да сознаете ли Вы, что Вы лучше выясняете ими сущность солярно-лунных мифов, лунного астартизма [163], приливов и отливов души от тяготения месяца. Вы выяснили мифы об Адонисе, Таммузе [164] и проч., периодически умирающих и оживающих, учение о грехопадении (Хандриков), сути зла и проч., лучше, чем это выясняют много-

ученые специальные томы по истории религии. Хвалить было бы слишком плоско, да и кто я, чтобы высказывать свое одобрение. Но говорю о своем восхищении, потому что, читая Ваши произведения, яснее, чем в иные разы, уразумеваю интимнейшую сторону в процессах познания и религиозного творчества...

Вот опять письмо, обрываемое десятки раз, пролежало несколько недель. Это не по лености: я думаю и работаю, Борис Николаевич. Но я одичал и ушел в себя за последнее время. И возвращаться-то назад не хочется: то, что кажется важным и живым, когда живешь в Москве, принимает довольно мизерный вид при взгляде издалека. Самохвальство же всяких «направлений» и «течений» невыносимо, не потому невыносимо, что раздражало бы, а потому, что становится жалко людей, жалко до боли и до слез. Вот проходит вся жизнь, совершается бесповоротная и невозвратимая потеря возможности сделать то, что можно сделать только в жизни. Кажется, — будто в пустыне мы жаждем, а бесценные капли протекают сквозь пальцы, впитываются жадным песком, и, как ни сдавливаешь пальцев, вода все каплет. Об этом забываем мы и губим себя. Я не о смерти как о смерти говорю, потому что не верю в смерть и не боюсь смерти. Но сознание долга мучает, потому что смерть не позволит уже выполнить долга. Мы, христиане, чувствуем себя слишком свободно, чтобы не быть слишком ответственными за каждый вздох, за каждый взгляд, за каждое мгновенье. Никто не насилует нас; никто не тянет нас. Мы — в полной, безусловной свободе самоопределения.

На нас Отец не хочет производить даже давления, не хочет нас даже уговаривать. Он хочет, чтобы мы сами, свободные, пришли к Нему. И вот это-то полное доверие, это полное уважение к нашей личности, к нашим желаниям заставляет быть до конца серьезным...

Желаю Вам бодрости и радости. Христос с Вами. Искренно любящий Вас.

П. Флоренский.

20

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

14—28 ноября 1910, Сергиевский Посад

Дорогой и искренно уважаемый Борис Николаевич! Пишу Вам, оторвавшись от Вашей новой книги о Символизме [165]. Много раз собирался и даже начинал Вам писать, но почему-то не выходило из моих начинаний ничего путного. Мне теперь хочется по-

делиться с Вами светлым и бодрым настроением, вынесенным из Вашей книги. Имею в виду именно Ваши исследования по ритму («ритмологии») и смежным вопросам[166]. Что эти исследования глубоко интересны; что они действительно дают *новое*; что в них имеешь дело с настоящей *научной* работой; что они обещают развиться в науку первой важности — все это для меня не главное. Но мне, всегда верившему в Ваше лучшее будущее, так приятно видеть осуществление своих надежд, — так приятно читать эти статьи, подписанные именно *Вашим* именем. А еще радостнее, что они помечены 1909-ым годом. Это значит, что Ваше «настоящее» (каковым я не мог никогда считать Ваших занятий философией) залегает не в прошлом, а в настоящем и, конечно, в ближайшем будущем. Какою свежестью и самобытною силою веет от этих «экспериментов в области лирики»[167]! Какими высосанными половыми тряпками представляются все эти словесные, с позволения сказать, диссертации наших «проф.» и «прив.-доц.». С великим нетерпением жду выхода остальных Ваших книг, в особенности же капитальной работы о ритме в русской поэзии[168].

Простите за похвалы по вопросу, в котором Вы понимаете так много, а я так отстал от Вас, и считайте их не за похвалы, а за простое выражение радости о хорошем. Передайте мой нижайший поклон Вашей маме, если только она помнит обо мне.

Преданный Вам

П. Флоренский.

21

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

17 февраля н. ст. 1914,
Базель

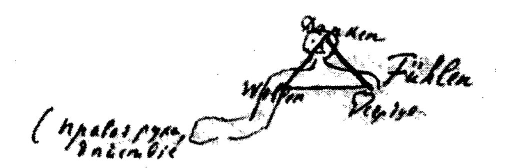
Глубокоуважаемый Павел Александрович!

Вы, вероятно, давно забыли меня: я-то Вас все эти годы помнил. Давно еще читал Ваши письма, «*Столп и утверждение истины*» с большим вниманием. Несколько раз чувствовал необъяснимую потребность вдруг просто приехать к Вам и высказать Вам *много-много*, — чего логически даже не сумел бы оформить: но глупая, суетливая, кружковская, московская жизнь не позволяла этой моей потребности осуществиться. Раз в Тунисе получил Ваши несколько строк с лестным для меня одобрением моих статей по ритму; и это одобрение меня тронуло: помнится, хотел Вам ответить, и — не ответил: стыдно было ответить на одобрение

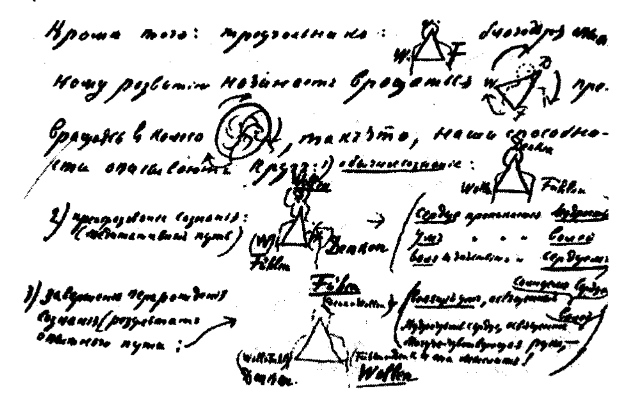
Ваше той моей работы, которая могла бы быть точна и интересна, если бы не пустая, суетливая жизнь, из которой я вырывал несколько ночных часов и которая ряд предполагаемых книг превратила в ряд эскизов и неразработанных набросков.

Вот уж два года, как я не живу в Москве; живу за границей, растерял почти всех знакомых и многих друзей, мало знаю о России, не слежу за выходящими книгами. И вот, случайно у одной русской увидел книгу Вашу «Столп и утверждение истины», выпросил читать, и — вот начинаю жить с ней. Пока я еще не прочел ее, но... позвольте Вам высказать *горячее спасибо*: все мне в ней страшно говорит, волнует, затрагивает; с каждой страницей то *горячо* соглашаешься, то *горячо* споришь, то с *горячностью* вносишь свои коррективы. Особенно радостно мне, что Вам удалось сквозь всю книгу провести тезис Ваш «*Живой религиозный опыт, как единственный способ познания догматов*». Вы пишете: «так мне хотелось бы выразить общее стремление моей книги» [169] ... И позвольте Вам сказать: «Вам это блестяще удалось»... Вместе с иными немногими статьями Соловьева, немногими статьями К. Леонтьева [170], — Ваша книга составляет редкое исключение; более того: как книга, она единственная: я сопоставляю с ней «Добротолюбие» [171], «*Летопись Сераф⟨имо⟩-Дивеевского монастыря*» [172], но, например, не «духовные основы жизни» [173], не сочинения Хомякова, Булгакова, Бердяева и т. д. Мне теперь часто приходится обращаться к «*Добротолюбию*»; и не устаю любить его, восхищаться *ведением*, которое там встречает меня: и вместе с тем я *не могу* читать почти никого из авторов «Пути» [174], *органически* не могу (Вы простите мне это признание), органически не выношу творений Эрна [175] и считаю себя абсолютно враждебным теоретическому и полемическому задору *православных* «Пути»... Все, что появляется в печати от имени *Православия*, столь мне чуждо, что я уже давно не слежу за этой литературой. С тем бóльшим изумлением и радостью я встретил Вашу книгу; мне хочется *подчеркнуть*, что мы с Вами стоим на разных точках зрения и я хотел бы защищать совсем другую «*школу опыта*», не школу восточную (так бы я назвал ее), а ту, которая лишь в наши дни выходит наружу (в дни *кризиса сознания* и перехода человечества к вовсе иной, еще небывалой культуре). Та «*школа*», которая мне близка, Вам, вероятно, *враждебна*, но... нам, *антропософам* [176], близок и дорог всецело, например, Дионисий Ареопагит [177]; близко и дорого, например, многое, что встречается в «*Добротолюбии*».

Я характеризовал бы разницу между *школой опыта* в Православии и опытом соврем⟨енного⟩ Тайноведения (Geheimwissenschaft, Geisteswissenschaft) тем, что обе школы, признавая сердце — духовным Солнцем и жизненным центром, разнятся в способе «*погружения ума* в сердце»; я вот все читаю в книге «Невидимая брань» (Изд⟨ание⟩ Син⟨одальной⟩ типогр⟨афии⟩ [178]) о погружении и даже о потоплении ума в сердце, а у Ладыженского [179] встречаю указание, что культура сердца есть отличающий признак монашеской школы от радж-йоги[180] (там-де культура ума). Может быть, это так у *индусов*, но не в той школе, которая предлагается совр⟨еменным⟩ Geisteswissenschaft, ибо не тренировка ума противополагается здесь сердцу, а свободное погружение себя, сознающего ума в сердце, не *потопление* в сердце, а свободная жизнь в сердце: и *сердце думает*, и *ум чувствует*; вот правило той школы, которая стала близка моему существу; у ума развиваются сперва лебединые крылья, и не ввергается он в сердце, а *свободно слетает в сердце*. Монашеская школа, с нашей точки зрения, гипертрофирует *Fühlen* в треугольнике:

тогда как у нас «*Denken*» соединяется с «*Fühlen*» так, что лучи *нового знания*, брезжущие от этого соединения, *по-новому* высветляют и *сердце*, и *ум*, так что можно говорить о *любящем сознании* и *мудрой любви*.

В итоге: полное преобразование *ума*, *сердца*, *воли*, новое их единство: △

По учению моего учителя, доктора Штейнера[181], это вращение способностей (колесо, составленное из вращающегося треугольника) и есть один из плодов развития духовного; в астральном теле тогда сформировываются *органы* для новых духовных способностей: «*чакрамы*» (что значит *колеса*) или цветы лотоса; они вращаются, но центр вращения — сердечный цветок *лотоса* (12-лепестковый).

Переводя языкъ опыта православія на языкъ антропософскій мы скажемъ: умъ, погружаемый в сердце, есть культура астральнаго тѣла, в результата которой центръ астральныхъ органовъ (сердечный цвѣтокъ лотоса) начинаетъ вращаться; антропософъ скажетъ: „Да, умъ погружается в сердце", но погружается постепенно: чтобы сохранилась полная гармонія в развитіи органовъ духовнаго восріятія (цвѣтовъ лотоса), опасно развивать сердечный лотосъ, не развивъ прежде двухлепестковый лотосъ, находящійся здѣсь и потомъ 16-лепестковый, находящійся в гортани: ; т. е. что умъ погружается в сердце

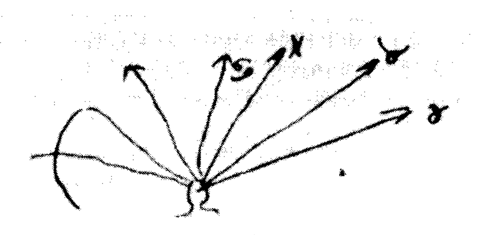
1) [illegible] →
2) опущеніе в гортань (дыханіе и ощущеніе гортани воды имѣютъ великое значеніе; [illegible])

(умъ, погруженный в гортань)

3) И уже потомъ умъ погружается в сердце (сердечная техника: рожденіе Христова импульса в сердцѣ):

= (Крестъ и розы)

Сердце-Солнце; но само солнце сформировано зодиаком, внутри сердца познаешь блеск солнца; оно становится Христовым сердцем. Но *Христос* пришел не для земли только, не для солнечной системы, а для всего Космоса: Церковь не указала на космический смысл Христа; а в нашем составе телесном есть начала космичности, связанные не только с сердцем-солнцем, но и с звездными далями; и вот *ум* отвлеченно мыслит пространства космоса; правильное развитие его превращает отвлеченные мысли в реальность космических мыслей; мы перестаем мыслить, как мы: нами *мыслят иерархии*. Мозг связан с зодиаками

Надо развить ему крылья: провести *звездность сквозь солнце* в земное наше сердце. *Монашеский путь*, гипертрофируя сердце и *топя* в нем непреобразованный ум, *прав* в принципе, но односторонен на практике. *Антропософский* путь, преобразуя ум, развивая в нем крылья, не *топит* его в сердце, а заставляет свободно *слетать* в сердце (Парсифаль убил лебедя[182]: это — грех; лебедь — (ум) = то был священный), чтобы на крыльях своих вознести сердце в мозг: в уме зажечь солнце: «Свет Христос просвещает всех...» И «всё», — прибавил бы я... Просвещает и науку: может быть, Христова наука не только как *йога* молитв, но и как астрономия, химия, физика; вот об этой возможной науке (просветленной *земли* нашего знания) пытается говорить *Geheimwissenschaft*, соглашаясь со многими положениями *восточной школы опыта*, но отвергаемая и синодальным спящим сознанием, и мозгологией, и рационалистическими (безопытными) разглагольствованиями неоправославных, произведения которых я читать не могу, нетерпимость которых отчасти выгнала меня из Москвы (умственно выгнала); ибо не словами о «*благодати*», «*ведении*», «*опыте*» можешь жить, а ведением «*ведения*»; ведения «*ведения*» у них нет: я ушел от них навсегда; на мои искания и просьбы дать хлеба жизни, научить, *как жить в мире*, как провести день Борису Бугаеву, проживающему на Арбате и вынужденному ради хлеба насущного строчить фельетоны, бежать в Редакцию, сорить

16. Заказ № 674.

словами и пеплом — на все эти слова я встречал ответы о благодати *вообще*, добре *вообще*, даже... *О Христе вообще* (?!): никто не услышал моего немого крика: умираю, не хочу жить мертвой жизнью... Умираем мы все, и не произносящие имя Христа, но алчущие света Христова, и произносящие всуе имя Христово между «*водкой и селедкой*»: и даже чаще — спьяну: пьяного Христианства, словесного Христианства, как и мертвого Христианства, я испугался, бежал, ряд лет завешивался от мертвых или пьяных слов словами «о Канте»...

И вот: встретил людей, свет, ответ на то, как мне жить, и подлинное имя Христово → у немца, д-ра Штейнера. Натосковавшись 10 лет в пустыне эстетического и философского бесплодия, ну, конечно, я остался у ног учителя.

Теперь меня считают отщепенцем. Я же верую в правду нашего пути, что мы — со Христовым именем...

Вы, вероятно, этого не думаете: простите, что несколько личных признаний сорвалось у меня в этом растянувшемся письме: но Ваша *живая*, а не мертвая книга тому причиной. Через разность наших путей я хочу лишь сказать Вам от всей души «Спасибо»...

По прочтении ее, может быть, поделюсь мыслями о ней с Вами.

Вы позволите?

Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев.

Мой адрес: Schweiz, Basel. Poste restante. Herr Boris Bugaieff.

22
ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨1914 год⟩ [183]

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Ваше письмо очень тронуло меня, тем более что пришло тогда, когда я его менее всего ожидал и лишь стороной справлялся о Вас о⟨т⟩ С. М. Соловьева. Я рад, что Вы преодолели свои презумпции о моей враждебности к Вам или к Вашему пути — преодолели тем, что написали мне. А те личные, вскользь оброненные признания, которыми Вы делитесь со мною, дают мне право ответить Вам с возможною для меня степенью открытости и прямоты.

Для меня решающим в моих отношениях всегда было и все более становится основное восприятие *личности*. Конечно, если меня спрашивают о пороках и добродетелях, понятиях и суждениях, состояниях и положениях лица — я отвечу, но ответ мой бу-

дет вял и внешен. В самой глубине сознания мне это *все равно.* Конечно, также я по немощи физической и душевной, а равно и по греховности могу раздражаться на кого-нибудь «*за что-нибудь*» или кипятиться «⟨по⟩ *поводу чего-нибудь*», но в глубине я сам смеюсь над собою и сам не верю своему раздраженью или своему кипяченью. На самом же деле руководит мною в моих сколько-ниб⟨удь⟩ важных отношениях исключительно восприятие *личности*, как таковой, по ту сторону ее облачений. И еще. Конечно, у меня есть те или иные взгляды на те или иные пути внутренней жизни. Но если бы Вы потребовали от меня решительного осуждения тех или иных путей, облачений, схем и т. д. — я категорически отказался бы. Единственное, что твердо, что безусловно я *выскажу* не методологически, а окончательно, это — что «неисповедима глубина богатства Премудрости Божией» [184] и что нет ничего такого, какой бы резкий отпор мой оно ни вызвало *методологически*, по долгу *своей* службы в мире, по послушанию, *мне* данному, что я мог бы окончательно и безусловно проклясть. И вот, если я *верю* в *личность*, как, например, ни на минуту не усомнившись, я верил в Вас, несмотря на много⟨е⟩ около Вас, что я не мог не ставить в минус, — если я верю в нее, то ни о каком пути ее я не могу и не чувствую в себе права сказать: «путь ложный». Да, есть много путей, которые схематически, «вообще» я не мог бы рекомендовать и которые методологически, «вообще» я стал бы анафематствовать [185]. Но это все *вообще*. Однако о Борисе Бугаеве, живущем в Базеле, *что бы он ни делал*, я не могу сказать: «Вот идет к гибели». Мысленно вручаю Вас Господу, которого и ощущаю бодрствующим над Вами, и говорю: «Не знаю, но я верю в личность и надеюсь, что *как-то* и для *чего-то* все это надо, т. е. приведет к благому концу». М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, для Бориса Бугаева есть и иные пути — кратчайшие? — М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩. Но что же говорить о них, когда по ним Б. Бугаев не идет.

Но это все говорю вообще, *не* о том, что делаете Вы в Базеле. Ваше признание о Москве и «Пути», разумеется, *верно*, — не в том смысле, что в «Пути» только одни *словеса*, «вообще», но в том, что как-то и почему-то «Путь» — не Ваш путь и не для Вас путь. Нужен и «Путь». Но если Борис Бугаев говорит, что он голоден и страждет на «Пути», неужели я все же скажу: «сиди, где сидишь». Нет, я скажу ему: «Я не имею того хлеба, который ты просишь; но пусть Господь поможет тебе найти то, чего просит душа твоя. Иди и ищи; ищи и ищи, ищи, не останавливайся. Не обманывай себя тем, что сыт словами, при которых ты голодаешь. Я верю в личность твою и

знаю, что неблагородного ты не сделаешь. Но тебе, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, придется блуждать — не знаю. *Я не могу* накормить тебя и, следовательно, не смею задерживать около себя. Раз ты говоришь, что голоден, то я могу одно лишь сказать — ищи. Лучше блуждать, чем сохнуть от голода, и лучше грешить, чем умереть в мнимой праведности, и лучше слыть отщепенцем, чем быть им в душе».

Это вообще, опять. Но об антропософии именно чтó я мог бы сказать. — В сущности ничего, Вам. Все, что говорится о ней, и в частности Вами, звучит так формально, что можно всему сказать «да» и всему сказать «нет», в зависимости от содержания *опыта*, наполняющего эти контуры.

Для меня Ваше *противопоставление* опыта восточного и опыта антропософского преждевременно: — м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, я всецело принимаю опыт антропософский, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, я его всецело отвергаю. Для меня это просто неизвестно. Однако уже в Ваших схемах я уловил подстановку терминов антропософских в путь Восточный (однако этот посл⟨едний⟩ не в полном тождестве с путем монашеским, представляющим лишь одну из ветвей, довольно специальную и вовсе не для всякого православного).

Возьмите, например, понятие *сердца*. Для меня большой вопрос, можно ли отождествлять понятие *сердца* у Ап⟨остола⟩ Павла и в позднейшей православной мистике со способностью «Fühlen». Под сердцем разумеется в аскетике скорее то, что Вы обозначили символом [186].

Разница скорее в том, что православие более статично, а антропософия — более динамична. И для православного мистика (я не беру некоторых односторонних направлений) задача не в том, чтобы создать

а чтобы сделать его

Я думаю, что это почти то же, что говорите и Вы. — Гораздо более существенная разница в *тоне* общих представлений о человеке и мире. Мне думается, что в антропософии мир и человек мыслятся более пластическими, чем человек, более текучими; отсюда — эволюционизм. В православии же они мыслятся более устойчивыми, отсюда — консерватизм. Можно сказать, что православие стремится *по преимуществу* очистить грязь с уже существующей статуи, грязь, из-за которой очертаний статуи не видно, а антропософия — слепить статую. Но и это я говорю лишь приблизительно...

В конце концов, формулы о «потоплении ума в сердце», или о «нисхождении ума в сердце», или о «низлетании ума в сердце» и т. д. могут быть и все православны, и все неправославны. Вы сами знаете, что и в православ⟨ии⟩ требуется не вообще мистика, а *умная* мистика, требуется умное зрение.

Следовательно, надо очень точно определить, о *каком* потоплении *какого* ума в *каком* сердце идет речь, когда эту формулу мы принимаем или отвергаем. Мне думается, что в устах многих она будет звучать не только не антропософски, но ничуть не православно. Что же до «внезапного» потопления, которое Вы приписываете православию, то таковое признается состоянием опаснейшим и именуется прелестью, которая считается хуже всяких грехов, напр⟨имер⟩, блуда. Очень м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, что и постепенность в раскрытии чакрамов есть *именно* то, что требуется от православного мистика, ибо специальные упражнения имеют задачею именно эту *постепенность* нисхождения: молитва головная, молитва *гортанная*, молитва сердечная.

КОММЕНТАРИИ

[1] *Белый А.* Начало века. М., 1934. С. 263. Подробное и комментированное издание воспоминаний см.: *Белый Андрей.* Начало века. Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М., 1990.

[2] Там же. С. 270.

[3] Там же. С. 265.

[4] Там же. С. 274.

[5] Там же. С. 275. Белый имеет в виду рецензию П. А. Флоренского «Спиритизм как антихристианство» (Новый путь. 1904. № 3).

[6] См.: *Белый А.* Ракурс к дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100.

[7] Там же. Л. 20.

[8] Подробнее о нем см. в примеч. к разделу «Стихотворения» в наст. изд.

[9] АФ.

[10] *Белый А.* Воспоминания об Александре Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 11.

[11] *Белый А.* Начало века. С. 138—145; *Он же.* Ракурс к дневнику. Л. 11 об.

[12] *Бугаев Б.* Формы искусства // Мир искусства. 1902. № 12. С. 347.

[13] Идею теургии Вл. Соловьев развивал в ряде своих работ. См. его работу «Три речи в память Достоевского» (речь первую), заключительную часть «Критики отвлеченных начал» и «Общий смысл искусства».

[14] См. об этом в примечаниях к поэме «Святой Владимир» в наст. томе.

[15] *Флоренский П.* Детям моим. Глава «Особенное». С. 152—155.

[16] *Белый А.* Символизм как миропонимание // Мир искусства. 1904. № 5. С. 176.

[17] Там же. С. 177.

[18] Подробнее о влиянии аритмологических идей Н. В. Бугаева на Флоренского см.: *Половинкин С. М.* П. А. Флоренский: Логос против Хаоса. М., 1989. С. 18—23. См. также: *Силард Лена.* Андрей Белый и П. Флоренский // Studia Slavica Hungariensia. N 33/1—4. Budapest, 1987. P. 227—238.

[19] *Белый А.* Начало века. С. 274.

[20] Подробнее см. примеч. 107 к переписке.

[21] Подробнее см.: *Иеродиакон (ныне — иеромонах) Андроник.* Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9—10.

[22] АФ.

[23] Там же.

[24] Подробнее см.: Вопросы философии и психологии. 1906. № 8. С. 246—252; *Розанов С. С.* Князь С. Н. Трубецкой. М., 1913; *Трубецкая О. Н.* Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953.

[25] *Белый А.* Начало века. С. 272.

[26] *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 21.

[27] АФ.

[28] *Блок А. А.* Собр. соч: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 85. Позднее Белый описал впечатление Блока от заседания так: «В маленькой комнате у Эрна, жившего около Храма Спасителя, густо набитой людьми, мне тогда мало знакомыми, состоялось это чтение. Мы были вместе с А⟨лександром⟩ А⟨лександровичем⟩. Я увидел, что он особенно был сумрачен и каменен в этот вечер, а я по обыкновению пустился во все тяжкие споры и прения. Ни разу в Москве я не видел А. А. таким измученным, как тогда. Когда мы с ним вышли на воздух, он признался, что все в этом кружке ему крайне не нравится. “Люди?” — спросил я его. “Нет, а то, что между ними”» (*Белый А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 69).

[29] *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 21.

[30] Там же. Л. 23 об.

[31] Истории этого общества был посвящен доклад Е. С. Полищука на конференции «П. А. Флоренский и московские славянофилы» (Абрамцево, декабрь 1989 г.).

[32] *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 24.

33 Там же. Л. 25. Статья была опубликована: *Флоренский П. А.* О символах бесконечности: Очерк идей Г. Кантора // Новый путь. 1904. № 9. С. 173—235.

34 *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 25.

35 Там же. Л. 25 об. Статья была опубликована: *Флоренский П. А.* О суеверии // Новый путь. 1903. № 8.

36 Там же.

37 *Ходасевич В. Ф.* Некрополь. Париж, 1976. С. 102.

38 Подробнее об этом см. во вступительной статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к переписке В. Я. Брюсова и А. Белого в кн.: Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 334—339. См. также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530—589.

39 Цит. по: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Указ. соч. С. 337.

40 Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. С. 116. Современное издание см.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1909. Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова. М., 2001.

41 *Белый А.* Начало века. С. 284.

42 *Иванова Е. В.* Флоренский и Христианское братство борьбы // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 153—166.

43 *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 27 об.

44 *Белый А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 69.

45 *Белый А.* Начало века. С. 452.

46 *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 27 об.

47 *Флоренский Павел.* Вопль крови: Слово в неделю Крестопоклонную. М., 1906.

48 Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступит. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997.

49 См. Взыскующие града. С. 66—74.

50 ОР РГБ. Ф. 25. К. 19. Ед. хр. 9.

51 Там же.

52 См.: *Белый А.* Социал-демократия и религия // Перевал. 1907. № 5.

53 См.: Собр. соч. Т. 1. С. 695—700 и примечания.

54 АФ.

55 См. написанную совместно с А. В. Ельчаниновым статью «Православие» // История религии. М., 1909. С. 78.

56 *Флоренский П. А.* Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. 1909. № 2.

57 *Флоренский П. А.* Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1910. С. 4.

[58] Подробнее об этом см.: *Игумен Андроник.* Священник Павел Флоренский – редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. М., 1987. Вып. 28. С. 301.

[59] АФ.

[60] Письмо жене А. М. Флоренской с Соловков от 4 марта 1934 г. По свидетельству П. В. Флоренского, солагерник П. А. Флоренского чл.-кор. геолого-минералогических наук СО АН СССР, крупнейший специалист по тектонике Сибири К. К. Богомолов вспоминал о вечере памяти Андрея Белого, который был устроен в лагере, и о беседах с о. Павлом о творчестве поэта.

[61] Не исключено, что изменение отчества имеет подтекст (см. умышленное искажение имени Флоренского в письмах к нему Н. Н. Лузина, опубликованных в кн.: Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31. С. 135).

[62] Подробнее о журнале «Новый путь», выходившем в Петербурге в 1903—1904 годах, см. в переписке Флоренского и Мережковских в наст. томе. Редактором и издателем журнала был П. П. Перцов, ближайшими участниками и идеологами — З. Н. Гиппиус-Мережковская, Д. С. Мережковский и Д. В. Философов. См. также специально посвященные журналу статьи: *Максимов Д.* «Новый путь» // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 129—254; *Лавров А. В.* Архив П. П. Перцова // Ежегодник Рукоп. отд. Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 25—50; *Корецкая И. И.* «Новый путь», «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в., 1890— 1904. М., 1982. Флоренский опубликовал в «Новом пути» две статьи: «О суеверии» (1903. № 8) и «О символах бесконечности» (1904. № 9). Но он не считал близким себе это издание; свое отношение к «Новому пути» он выразил в письме к Белому от 21 мая 1904 г. (см. п. 7).

[63] Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — литературный критик, публицист, в эти годы вместе с Мережковскими принимал участие в редактировании журнала «Новый путь».

[64] О Свенцицком см. примеч. 1 к вступит. статье. Рассказы Свенцицкого в «Новом пути» не обнаружены.

[65] «Весы» — критико-библиографический журнал русского символизма, который начал выходить в Москве с начала 1904 г. под эгидой Брюсова. Руководитель стремился в противоположность «Новому пути» сосредоточить внимание своего издания на проблемах искусства как области, автономной от политики, религии, общественной проблематики. Флоренский опубликовал в «Весах» статью «Об одной предпосылке мировоззрения» (1904. № 9).

[66] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю. В адресе на конверте имя Флоренского написано верно: Павел Александрович. То же самое и в п. 6.

[67] О религиозно-философской секции см. во вступит. заметке. Причина, по которой А. Белому не разрешали посещать собрания кружка, возможно, заключалась в том, что в 1903 г. А. Белый закончил курс университета и не был студентом.

[68] Мысль о необходимости издавать свой журнал настойчиво повторяется Флоренским и в последующих письмах (см. ниже п. 7). Однако в 1904—1905 гг. осуществить это намерение не удалось. Свенцицкий, Эрн и Флоренский позже издавали сборники «Вопросы религии» (вышло два выпуска в 1906 и 1908 гг.), но программа этого издания не отвечала тем устремлениям, о которых пишет Флоренский, а была связана с «Христианским братством борьбы». В 1906 г. эти же участники на деньги А. В. Ельчанинова пробовали наладить попеременно в Москве и Тифлисе издание газеты, которая из-за цензурных преследований все время меняла название («Наша мысль», «Ходите в свете», «Маяк», «Встань и ходи», «Маяк», «Вы еще спите?», «Духа не угашайте». Вышло около 10 номеров). Кроме того, они издавали «Религиозно-общественную библиотеку», выходившую двумя сериями — для интеллигенции и для народа.

[69] Лето А. Белый провел в своем имении Серебряный Колодезь Тульской губернии.

[70] Флоренский сдавал выпускные экзамены на физико-математическом факультете Московского университета и заканчивал кандидатское сочинение «Об особенностях плоских кривых как мест нарушений прерывности». Университет он окончил с дипломом I степени, получив предложение остаться для продолжения работы на кафедре математики.

[71] Вокруг Флоренского, Эрна и Свенцицкого в эти годы существовал круг единомышленников среди соучеников по университету.

[72] Ельчанинов Александр Викторович (1881—1934) — одноклассник Флоренского и Эрна по тифлисской гимназии; см. о нем в воспоминаниях Флоренского «Детям моим» (по именному указателю) и в примечаниях к разделу «Стихотворения». Ельчанинов принимал участие в редакционной работе журнала «Новый путь», и, возможно, через его посредничество были отправлены в редакцию работы Флоренского. С 1904 г. Ельчанинов стал секретарем Московского религиозно-философского общества. В 1921 г. эмигрировал, жил в Ницце, в 1926 г. принял священный сан. Его воспоминания о Флоренском см.: Вестник российского христианского студенческого движения. Париж, 1984. № 4 (142), перепечатаны в сборнике: Флоренский П. А.: Pro et contra. СПб., 1996. С. 33—42. См. также послания Флоренского к нему в разделе «Стихотворения».

[73] Соловьев Сергей Михайлович (1885—1943) — сын М. С. Соловьева, брата Вл. Соловьева, близкий друг Андрея Белого, поэт-символист, переводчик, затем православный священник. См. далее его письма к Флоренскому.

[74] Об отношениях Мережковских и Флоренского см. далее в публикации их переписки.

[75] Вронский-Гёне Юзеф (1778—1853) — польский философ, мистик и математик, автор работ «Мессианизм как конечное объединение философии и религии, образующее абсолютную философию» и «Метафизика мессианизма». В «Ракурсе» Андрей Белый отметил чтение работ Вронского в марте 1904 г.: «Пробую читать мистика Вронского. И все это для того, чтобы бороться с вредными тенденциями медиумизма и магии, которые усиленно насаждают А. А. Ланг, Брюсов и композитор Ребиков, с которым знакомлюсь» (Ракурс. Л. 22). А. Белый заинтересовал работами Вронского Флоренского, на которого они оказали некоторое влияние.

[76] Четвертая симфония Белого «Кубок метелей» вышла в издательстве «Скорпион» в 1908 г. В письме идет речь о ранней редакции симфонии, с которой был знаком Флоренский.

[77] «Скорпион» и «Гриф» — два конкурирующих символистских издательства, в которых сотрудничал А. Белый. «Скорпион» (1889—1916) издавал журнал «Весы», его издательскую политику определял главным образом В. Брюсов; руководителем «Грифа» был С. А. Соколов (Кречетов), издававший преимущественно альманахи и сборники отдельных поэтов-символистов; четкого и определенного лица издательство не имело.

[78] *Wronski-Höne J.* Réformé absolue du savoir humain (Коренная реформа человеческого знания).

[79] Поляков Сергей Александрович (1874—1943) — купец, один из меценатов русского символизма, на деньги которого было основано издательство «Скорпион». По образованию был математик, пробовал свои силы как переводчик.

[80] Трудно сказать, что подразумевает здесь Флоренский. Возможно, речь идет о спорах в семье вокруг решения П. А. Флоренского принять монашество, о котором он писал своему духовному наставнику еп. Антонию (Флоренсову). Судя по ответному письму еп. Антония, родители противились этому решению, еп. Антоний также отговаривал торопиться с пострижением. «По-моему, — писал он 23 июля 1904 г. Флоренскому в Тифлис, — самое лучшее пока в Вашем положении, с согласия родителей, поступить в духовную академию и учиться, а там, по окончании курса, видно будет, что дальше делать» (цит. по: *Игумен Андроник.* Указ. соч. С. 66). Слова еп. Антония сыграли решающую роль в выборе жизненного пути Флоренского.

[81] Слова о «мече»: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф 10. 34—35).

[82] Об этом «катартическом периоде» см. в предисловии к поэме «Святой Владимир». Позднее Флоренский пытался использовать

свой «катартический опыт» в преподавательской деятельности, о чем писал еп. Феодору: «Катартика — т. е. очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научились взирать на область духовную, благодатно открываемую» (цит. по сб.: Московская Духовная Академии: 300 лет. М., 1986. С. 241).

83 Мф 12. 34; Лк 6. 45.

84 Рассуждения Флоренского о теургии и символическом делании во многом соприкасаются с идеями Белого, высказанными в его ранних статьях: «Формы искусства» (Мир искусства. 1902. № 12), «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9) и «Символизм как миропонимание» (Мир искусства. 1904. № 5). Идея создания искусства, основывающегося на религиозном понимании действительности, символического искусства, открывающего путь к познанию иной реальности, была общей для Флоренского и Белого в эти годы.

85 Флоренский работал над статьей «Эмпирея и Эмпирия». Впервые опубл.: Богословские труды. М., 1986. Сб. 27. С. 294—393). См. также работу о символе в Записной тетради.

86 Рыба — символ Христа, основывающийся на криптограмме: ιχθυς (греч. — рыба) расшифровывалось как «Иисус Христос Сын Божий Спаситель».

87 Масличная гора — гора Елеонская (Еванг.), где произошло Вознесение Господне (Деян 1. 9—13).

88 Флоренский имеет в виду статьи Розанова начала 1900-х годов (см. в комментариях к Записной тетради). Розанов подвергал критике христианство за аскетизм и подавление биологического жизненного начала, инстинкта продолжения рода. В этот период он противопоставлял христианству иудаизм с его культом и обожествлением «плодовитости», брака, семьи.

89 Вифлеем — город, где родился Христос. Рождение Христа составляет догмат о таинстве воплощения (см. об этом: Православно-догматическое богословие Макария, епископа Винницкого, ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1881. Т. 3. С. 52—101).

90 Первая и последняя буквы греческого алфавита.

91 Великие и малые (*лат.*).

92 Максимум (*лат.*).

93 Знакомство Флоренского с еп. Антонием произошло в марте 1904 г., когда он был еще студентом 4-го курса физико-математического факультета Московского университета, благодаря А. Белому, часто посещавшему еп. Антония в это время. Еп. Антоний был необычайной и колоритной личностью, он был не лишен способности к эксцентрическим поступкам, но пользовался большим духовным влиянием как наставник. По замечанию игумена Андроника, «для того, кто поступал к нему под руководство, он делался необходимым как духовная пища» (Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9.

С. 75). Флоренский обрел в еп. Антонии руководителя, в котором нуждался, и сохранил привязанность к нему до последних дней жизни епископа.

[94] Флоренский цитирует стихотворение А. Белого «На горах»:

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод...

и подразумевает конец этого стихотворения:

Я в бокалы вина нацедил;
И подкравшися боком,
Горбуна окатил
Светопенным потоком.
(*Белый А.* Золото в Лазури. М., 1904. С. 120—121)

[95] Петровский Алексей Сергеевич — см. его письма и примеч. к ним в наст. томе.

[96] Откр 7. 13—14.

[97] Возможно, эти размышления Флоренского продолжали темы их прежних бесед, так как они совпадают с тем, о чем писал Андрей Белый в это время. В докладе «Символизм как миропонимание» сказано: «Первые века христианства обагрены кровью. Вершины христианства белы, как снег. Историческая эволюция церкви есть процесс “убеления риз кровью агнца”. Для нашей церкви, еще не победившей, но уже предвкушающей победы, характерны все оттенки заревой розовой мечтательности» (Мир искусства. 1904. № 5. С. 191). Хотя впервые этот доклад был опубликован в июне 1904 г., Флоренский мог знать его и раньше, так как А. Белый читал его в виде лекции. См., например, запрещение попечителя Московского учебного округа от 20 марта 1904 г. читать лекцию «Символизм как миропонимание» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 14/4. Л. 22; тезисы лекции здесь же, л. 23).

[98] Мф 24. 36; Мк 13. 32. Цитата неточная.

[99] 1 Кор 7. 31.

[100] Откр 15. 2.

[101] Откр 15. 3.

[102] В мае 1904 г. Андрей Белый охладевает к еп. Антонию, о чем он писал Блоку: «Ты не то, что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал такое незнание меня и в то же время так грубо определил насильно, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы. Больше мне нет смысла бывать у него» (Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. М., 1940. С. 90). Отношения с еп. Антонием восстанавливались позднее, но ненадолго. Впоследствии, когда Андрей Белый ушел из-под его влияния, еп. Ан-

тоний говорил о нем: «Этот юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, и в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если бы он ко мне сам обратился — это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, что он эти опыты (развития в себе оккультных сил. — *Е. И.*) давно уже стал делать, с тех пор, как умер отец. Растреплется совсем, а жаль, он человек талантливый» (цит. по ст.: *Игумен Андроник*. Указ. соч. С. 67—68).

[103] Пс 41. 8.

[104] Неточная цитата из стихотворении Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892).

[105] Да погибнут те, кто раньше нас высказал наше (*лат.*).

[106] 3 Цар 19. 12.

[107] Сочинение о символах — возможно, статья «О символах бесконечности» (Новый путь. 1904. № 9). Возможно также имеются в виду наброски, которые публикуются в наст. томе в Записной тетради.

[108] Ос 6. 6.

[109] См. цитату из Апокалипсиса в п. 10.

[110] Мысль о теургии (в написании Флоренского — феургии) станет впоследствии одной из центральных в капитальном труде Флоренского 1920-х годов «Философия культа» (Богословские труды. М., 1977. Сб. 17).

[111] Петровский — см. о нем примечания и письма его к Флоренскому в наст. томе.

[112] Наследник престола цесаревич Алексей родился 30 июня 1904 г.

[113] Русско-японская война началась в январе 1904 г. и к августу с моря перешла на сушу, так как русский флот был разгромлен. В августе русские войска отступили под Ляояном.

[114] Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву» (1895).

[115] О смехе Вл. Соловьева Белый написал в своей статье «Владимир Соловьев»; см.: *Белый А.* Арабески. М., 1911. С. 392. В статье «Рыцарь-монах» (1910) Блок также упоминал соловьевскнй «хохот, который все вспоминают особенно охотно» (*Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 449); о смехе Соловьева писал Евг. Трубецкой в статье «Личность Вл. Соловьева» (О Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 54). Э. Голлербах вспоминал, что «Розанову не нравился даже у Влад⟨имира⟩ Сергеевича тот смех, который многие находили детски чистым и заразительным. Ему мерещилось в нем что-то странное, демоническое» (*Голлербах Э.* История одной полемики: Вл. Соловьев и Розанов // Сполохи (Берлин). 1922. № 13. С. 22).

[116] О посещении Саровской обители в августе 1904 г. Белый писал: «В конце месяца с мамой едем в Саров; скорей тяжелые впечатления от Сарова» (*Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 23 об.).

[117] Флоренский с осени 1904 г. стал слушателем Императорской Московской Духовной Академии и переехал на жительство в Сергиев Посад.

[118] О конфликте с Брюсовым и восприятии его поведения Андреем Белым см. во вступит. заметке. Вероятно, А. Белый подразумевал полученное им стихотворение «Бальдеру Локи».

[119] Соловьев Сергей Михайлович — см. примеч. 13.

[120] Флоренский представлял интересы Белого в той умственной дуэли, которую вел с ним Брюсов (см. об этом во вступит. статье).

[121] См. написанное в защиту Белого письмо Флоренского Брюсову в приложении к переписке (п. 23).

[122] Стихотворение «Бальдеру Локи», об истории которого см. во вступительной заметке. Текст стихотворения сохранился в АФ (см. об этом в примечаниях к письму Брюсову в наст. томе).

[123] Датируется по почтовому штемпелю.

[124] Среда в 1905 г. приходилась на 20 апреля, пятница — на 22-е. Морозова Маргарита Кирилловна (1873—1958) — вдова фабриканта М. А. Морозова, покровительница и участница религиозно-философского движения в России: в ее квартире проходили регулярные заседания Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, на ее деньги было основано издательство «Путь», печатавшее литературу по вопросам религии и философии.

[125] То есть слушатели Императорской Московской Духовной Академии. На первом этапе существования Религиозно-философских собраний Мережковские искали союзников в церковных сферах, но к этому времени обозначилась их критическая позиция по отношению к исторической церкви, отчего ее защитники выступали обычно оппонентами Мережковских.

[126] В 1905 г. 17 апреля по ст. стилю была Пасха.

[127] Христофорова Клеопатра Петровна — хозяйка московского салона, интересовавшаяся религиозными вопросами. О ней см. в воспоминаниях А. Белого «Начало века».

[128] В это время Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева только создавалось, первые его заседания начались осенью 1905 г.

[129] О Троицком Сергее Семеновиче, друге и соученике Флоренского по МДА, см. в примечаниях к разделу «Стихотворения».

[130] *Белый А.* Апокалипсис в русской поэзии // Весы. 1905. № 4. С. 11—28.

[131] В статье Белого выделяются две традиции — пушкинская и лермонтовская; наиболее ярким представителем пушкинской в современной лирике назван Валерий Брюсов, о котором сказано: «Безраздельная цельность брюсовской формы, рисующая землю, тело, лишена, однако, огня религиозных высот. Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движи-

мый паром и электричеством» (Весы. 1905. № 4. С. 20). Белый отмечал, что творчество Брюсова чуждо мистицизму. В лермонтовской традиции, выразителем которой были Вл. Соловьев и Блок, Белый видел ветви русской поэзии, которая ощутила присутствие в мире «Жены, облеченной в Солнце».

[132] Валерий Брюсов, написавший ответ А. Белому «В защиту от одной похвалы» (Весы. 1905. № 5), также упрекал Белого за схематизм.

[133] В результате была создана одна из работ Флоренского — глава «София» в кн. «Столп и утверждение истины», где на основе православной иконографии и гимнографии он изложил свое понимание софийности. Наброски к ней, относящиеся к этому периоду, см. в Записной тетради.

[134] Ср. описание Киевской Софии в кн. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914. С. 382).

[135] См.: *Флоренский П. А.* О типах возрастания // Богословский вестник. 1906. № 7. С. 530—568.

[136] Набросок статьи см. в Записной тетради.

[137] Возможно, жена Блока Л. Д. Блок, которую Белый, Блок и Соловьев некоторое время почитали как земное воплощение Вечной Женственности (см. переписку Блока и С. Соловьева в кн.: Литературное наследство, М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 308—344).

[138] Вероятно, корреспондентка Вл. Соловьева А. Н. Шмидт, считавшая себя земным воплощением Софии, рукописи которой были изданы при участии С. Н. Булгакова и Флоренского в кн.: Из рукописей А. Н. Шмидт. М., 1916.

[139] Флоренский подразумевал критические выступления В. Брюсова, где он настаивал на том, что на современную поэзию он смотрит как историк.

[140] Мф 24. 32.

[141] Мф 13. 24—30.

[142] Откр 19. 15.

[143] Четвертая симфония Белого была завершена позднее и опубл.: *Белый А.* Кубок метелей: Четвертая симфония. М., 1908.

[144] *Белый А.* Возврат: Третья симфония. М., 1905.

[145] Рачинский Григорий Алексеевич (1859—1939) — философ, переводчик, деятель религиозно-философского движения, один из основателей Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

[146] Естественное порождение (*лат.*).

[147] В это время в Тифлисе происходили политические волнения.

[148] Эти образы Андрей Белый впоследствии развил в своей прозе: см. «Сфинкс» (Весы. 1905. № 9—10. С. 23—49) и «Химеры» (Там же. 1905. № 6. С. 1—18).

[149] Фафнер — персонаж музыкальной тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

[150] Брунгильда — героиня «Кольца Нибелунгов», ее образ см. в 4-й симфонии А. Белого «Кубок метелей».

[151] Андрюха Краснорубахин — иронически обыгрывается псевдоним Андрей Белый (возможно, по ассоциации с красной свиткой из «Сорочинской ярмарки» Н. В. Гоголя).

[152] Как отмечалось в вступит. заметке, А. Белый наряду с Эрном и Свенцицким был учредителем «Христианского братства борьбы». Это его увлечение не разделяли Эллис и Соловьев, также входившие в ближайшее окружение Андрея Белого этих лет. Под их влиянием А. Белый отошел от Братства.

[153] Риккерт Генрих (1863—1936) — философ-неокантианец, оказавший большое влияние на эстетические взгляды Белого в 1905—1906 гг.

[154] В основу каламбура положено соединение в одно слово первой строки «Марсельезы» «Allons, enfants de la Patrie...» («Вперед, сыны Родины...» — *франц.*).

[155] Возможно, имеется в виду несохранившаяся поэма «Дитя-Солнце» (см.: Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 580).

[156] Вероятно, будущая книга «Символизм» (М., 1910).

[157] Несказанное, невыразимое (*греч.*).

[158] Втор 5. 15; ср. главу «Дружба» в книге Флоренского «Столп и утверждение истины».

[159] «Сфинкс» — статья А. Белого (Весы. 1905. № 90. С. 23—49). «Зияния» — название второй главы этой статьи, откуда Флоренский приводит не совсем точную цитату: «Горе желающим дня Господня! Для чего вам этот день Господень? Он — тьма, а не свет — тоже, как если бы кто убегал от льва — и показался ему навстречу медведь» (Амос 5. 18—20; Указ. соч. С. 25).

[160] Лестница восхождения в христианской мистике — различные ступени созерцания Божества (см. об этом: *Ладыженский М. В.* Свет незримый: Из области высшей мистики. СПб., 1912. С. 17, 201—215). «Лествица райская» — заглавие руководства к иноческой жизни преподобного Иоанна Лествичника. В этом трактате иноческая жизнь предстает как непрерывное восхождение по лестнице духовного совершенства и освобождения от земных страстей.

[161] Сумрак веры — об этом см.: *Ладыженский М. В.* Сверхсознание и пути к его достижению. СПб., 1912. С. 214.

[162] Светозаров — герой 4-й симфонии А. Белого «Кубок метелей».

[163] Солярно-лунные мифы — в мифологиях архаического типа группа так называемых астральных мифов. Героями солярных мифов бывает Солнце, лунных или лунарных — Луна, при этом тот и другой персонаж находятся в сложных отношениях взаимодействия. Астарта — богиня любви и плодородия в некоторых семитских мифологиях, Луна в мифологических представлениях олицетворяет женское начало.

164 Адонис в греч. мифологии — полубог, прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты, убитый на охоте вепрем. Таммуз — ассиро-финикийское божество, тождественное греческому Адонису.

165 *Белый А.* Символизм. М., 1910. Упоминается в работе П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914. С. 161).

166 Работы А. Белого по ритму, вошедшие в книгу «Символизм», не случайно привлекли внимание Флоренского — они отчасти развивали аритмологические идеи Н. В. Бугаева, которые оказали влияние и на самого Флоренского.

167 См. главу «Лирика и эксперимент» в кн. «Символизм».

168 А. Белый продолжил исследования по ритму — см. отрывок из первой книги «Диалектика ритма» (1917) (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 59); целиком рукопись книги «О ритмическом жесте» — ОР РГБ, а также работы «Ритм как диалектика» и «Медный всадник» (1929), «Принцип ритма в диалектическом методе» (1927). Подробнее о стихотворном наследии А. Белого см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стихотворном наследии Белого // Труды по знаковым системам. Вып. 12. Тарту, 1981.

169 Андрей Белый цитирует обращение «К читателю», открывающее книгу Флоренского «Столп и утверждение истины» (С. 3).

170 Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — русский мыслитель консервативной ориентации.

171 «Добротолюбие» — собрание изречений отцов церкви с их краткими биографиями, составленное в XVIII в. Паисием Величковским.

172 Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии... Составил Архимандрит Серафим (Чичагов). 2-е изд. СПб., 1903. Летопись содержит рассказы о жизни и духовных подвигах преподобного Серафима Саровского и насельниках основанного им Дивеевского монастыря.

173 «Духовные основы жизни» — богословское сочинение Вл. Соловьева (1886).

174 «Путь» — московское книгоиздательство, основанное М. К. Морозовой в 1910 г. как орган Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Печатало по преимуществу религиозно-философскую литературу. В этом издательстве вышла книга Флоренского «Столп и утверждение Истины». Историю издательства см.: *Голлербах Евгений.* К незримому граду / Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

175 Об Эрне см. вступит. статью и комментарии в разделе «Стихотворения».

176 В эти и последующие годы Андрей Белый окончательно связывает свои духовные устремления с антропософским обществом, членом которого он оставался до конца жизни.

[177] Дионисий Ареопагит — афинский философ (I в. н. э.), который во времена Белого считался автором религиозно-философских сочинений «О божественных именах», «О небесной иерархии», «Таинственное богословие». Позднее было установлено, что они не могли быть написаны ранее конца V — начала VI в., и автора этих сочинений принято называть Псевдо-Дионисий Ареопагит.

[178] Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Святогорца. М.: Афонский русский Пантелеймонов монастырь, 1861.

[179] Ладыженский — правильно Лодыженский Митрофан Васильевич — писатель и философ-мистик. См. его работы в примеч. 101, 102.

[180] Раджа-йога — одно из течений йоги, религиозной и философской системы Индии.

[181] Штейнер Рудольф (1861—1925) немецкий философ, основатель антропософии.

[182] Парсифаль — герой одноименной музыкальной драмы Р. Вагнера; А. Белый имеет в виду эпизод из первого действия «Парсифаля».

[183] Текст этого письма отсутствует в письмах Флоренского к Белому, хранящихся в архиве последнего, в ОР РГБ. Вероятно, письмо не было отправлено или осталось среди бумаг А. Белого в Дорнахе. Датируется по содержанию.

[184] Возможно, перефразировка: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия» (Рим 11. 33).

[185] Некоторые суждения Флоренского об опасности магических увлечений см. далее в письме к Брюсову.

[186] Ср. изречение Григория Паламы: «Понудь свой ум сойти из головы в сердце и держи его там» (цит. по кн.: *Лодыженский М. В.* Свет незримый. СПб., 1912. С. 15).